

Оглавление

Список часто используемых сокращений	5
Введение	7
I. Развивающиеся vs развитые страны в мировой экономике.....	10
1. Развивающиеся страны: динамика и факторы экономического и социального прогресса.....	10
2. БРИКС+ vs «Большая семерка»: сравнение важнейших параметров эффективности экономического роста.....	54
3. Глобализация, ее плоды и тени	75
4. Ресурсоемкий/сберегающий экономический рост и развивающиеся страны	92
II. Модели развития важнейших стран и регионов Востока и Юга	108
5. КНР и США: сравнение основных параметров экономического развития.....	108
6. Южнокорейское чудо, или Не боги горшки обжигают.....	124
7. Индонезия: динамика, пропорции и факторы экономического развития.....	149
8. Арабские страны: тренды и факторы экономического роста	174
9. Африка южнее Сахары: экономические и социальные детерминанты развития.....	204
Заключение	239

Список часто используемых сокращений

АМ — арабский мир
АС — арабские страны
АЮС — Африка южнее Сахары
БВСА — Ближний Восток и Северная Африка
ВАЗ — Восточная и Юго-Восточная Азия
ВВОК — валовые вложения в основной капитал
ВЕЦА — Восточная Европа и Центральная Азия
ВНД — валовой национальный доход
ГИИ — Глобальный инновационный индекс
ДрРС — другие РС
ИСП — индекс социального прогресса
ИЧР — индекс человеческого развития
ИЭГ — индекс эффективности государства
ИЭКГ — индекс экономической глобализации
ИЭЭ — индекс экологической эффективности
КД — коэффициент Джини
КПКР — коэффициент предельной капиталоемкости роста
КРГ — крупные РГ (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания)
КРС — крупные РС (КНР, Индия, РФ, Бразилия, Индонезия)
ЛА — Латинская Америка
МРТ — международное разделение труда
МФК — мировой финансовый кризис
НБ — национальное богатство
НИС — новые индустриальные страны
ОП — обрабатывающая промышленность
п.п. — процентный пункт
ПВВП — подушевой ВВП
ПР — промышленная революция
ПТ — производительность труда
РГ — развитые государства
РИР — расширенный индекс развития
РИЧР — расширенный ИЧР
РС — развивающиеся страны
РС АЗ — РС Азии — РС ВАЗ и ЮАЗ
СВ — совокупные вложения
СВД — совокупный внешний долг

СГТП — среднегодовой темп прироста
СФП — совокупная факторная производительность
СЭР — современный экономический рост
ТНК — транснациональные корпорации
ФГ — финансовая глубина
ФК — физический капитал
ЧЛК — человеческий капитал
ЭГ — экономическая глобализация
ЮАЗ — Южная Азия

Введение¹

Мир вступил во вторую четверть двадцать первого века. В нем с нарастающей интенсивностью разворачивается ряд неоднозначных по своей сути и последствиям процессов. Динамика НТП, о котором ведется немало дискуссий, при всей своей противоречивости, вряд ли имеет устойчивую тенденцию к торможению. Распространение искусственного интеллекта в мире в последнее десятилетие идет вдвое-втрое быстрее, чем интернета несколько десятилетий тому назад. Масштабно — хотя неодинаково по странам — разворачивается процесс роботизации. Но средние темпы экономического роста в целом по планете в тенденции снижаются.

В значительной мере это, как представляется, связано с тем, что на смену глобализации, от которой выиграло немалое число развивающихся и новоиндустриальных стран (РС и НИС), укрепивших свои позиции в мировом хозяйстве (КНР, Индия, Бразилия, Индонезия, Республика Корея и др.), пришла частичная фрагментация мировой экономики, в которой в целом оказались заинтересованы развитые государства (РГ), теряющие во многих отраслях мировой экономики свои конкурентные преимущества.

Нарастает геэкономическое и политическое противостояние стран т. н. коллективного Запада, в которых экономический рост и динамика производительности (судя по конвенциональным показателям) в тенденции замедляются, и стран Глобального большинства. После мирового финансового кризиса, последствия которого оказались весьма тяжелыми для РГ, последние стали вводить все более жесткие торговые и инвестиционные ограничения и санкции против многих РС² (особенно это усилилось во время второй каденции президента США Д. Трампа).

¹ Книга подготовлена в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова и в рамках НИР ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² В последние годы в мире торговые санкции вводились в среднем ежегодно в четыре раза чаще, чем в 1990-е гг. См.: The World's Economic

Что же в результате происходит в развивающихся странах мира? Вступили ли они (или хотя бы существенная часть из них) на путь т. н. современного (интенсивного) экономического роста, важнейшие характеристики которого были выявлены (главным образом по материалам ныне развитых государств) четвертым лауреатом Нобелевской премии по экономике Саймоном Кузнецом и выдающимся британским экономистом Энгусом Мэддисоном, а его важнейшие драйверы исследованы в трудах лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 и 2025 гг.³? Или, образно говоря, стакан даже наполовину не полон, наблюдаются огромные проблемы в эффективности роста РС, конвергенция РС и РГ по уровням доходов выражена слабо, а (критическая) бедность охватывает в РС огромную часть их населения?

Среди экспертов — разные мнения: (а) развивающимися странами достигнут немалый прогресс, (б) этот прогресс — неравный, неровный и в целом пока еще не столь велик.

Судите сами: после окончания Второй мировой войны и начала массовой деколонизации афро-азиатских стран прошло 70–80 лет, а латиноамериканских стран — двести лет. Но за это время менее дюжины РС стали развитыми (о цифрах и критериях можно спорить). При этом нельзя отрицать, что за последние десятилетия произошли, как отмечают исследователи, весьма крупные экономические, технологические и социальные изменения во многих десятках РС, в т. ч. в группе БРИКС+. Вместе с тем не так уж много работ посвящено исследованию вклада эффективности в экономический рост РС и основным драйверам, его определяющим.

Не стремясь объять необъятное, автор представленной читателю книги, опираясь на материалы международной статистики, произведя ряд расчетов, построив несколько десятков моделей, постарался уточнить основные тренды, пропорции, детерминанты, факторы и социальные последствия экономического роста РС (в сопоставлении с РГ) за последние

Order Is Breaking Down. *The Economist*. 09.05.2024. <https://www.economist.com/briefing/2024/05/09/the-worlds-economic-order-is-breaking-down> (accessed 09.05.2024).

³ Д. Аджемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон, Дж. Мокир, Ф. Агион, П. Ховитт.

семь-восемь десятилетий, выявив серьезные проблемы и вызовы, которые могут определять будущее почти семи из восьми с лишним миллиардов человек мирового сообщества.

Книга основана на частично переработанных текстах статей автора, опубликованных за последние 5–7 лет. Состоит из двух разделов: I — Развивающиеся vs развитые страны в мировой экономике; II — Модели развития важнейших стран и регионов Востока и Юга.

Автор искренне благодарит своих коллег — из ИСАА и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Института востоковедения РАН, Института Африки РАН, ИЛА РАН, ИМЭМО РАН, Института экономики РАН, МГИМО-Университета МИД России, НИУ ВШЭ, ИКСА РАН, ИСКРАН, Института Европы РАН, ИНИОН РАН, ВНИКИ — общение и дискуссии с которыми помогли сформировать позицию автора.

Хотелось бы выразить особую благодарность рецензентам — д-ру экон. наук, зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН А. В. Акимову и д-ру экон. наук, профессору, председателю методического совета экономического отделения ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова В. А. Исаеву, ценные замечания которых помогли автору усилить аргументацию ряда тезисов.

Искреннюю признательность автор выражает терпеливому и чуткому редактору — Дмитрию Сергеевичу Еремееву.

Очень надеюсь, что книга окажется полезной для широкого круга читателей, интересующихся глобальной экономикой, развитием стран Азии, Африки и Латинской Америки, с которыми наша страна активизирует внешнеэкономические связи, — исследователям и экспертам, преподавателям и студентам, предпринимателям и работникам российских министерств и ведомств, участвующим в масштабном повороте нашей страны на Восток и Юг.

I. Развивающиеся vs развитые страны в мировой экономике

1. Развивающиеся страны: динамика и факторы экономического и социального прогресса⁴

Производительность — это еще не все,
но в конечном счете это почти все.

*Пол Кругман, лауреат Нобелевской
премии по экономике*

Среди развивающихся стран (РС) есть более успешные и менее успешные страны. Но в целом рост всей группы РС чем дальше, тем больше определяется инновационными процессами, не только экстенсивными, но и интенсивными факторами. Несмотря на то, что проблемы экономической эволюции РС не обделены вниманием российских и зарубежных ученых⁵,

⁴ Мельянцев В. А., 2025 (С). Глава базируется на публикациях автора в: «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность», 2025. № 2. С. 128–141; № 3. С. 83–98.

⁵ См. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Второй саммит Россия — Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. № 12; Акимов А. В., Мельянцева В. А. Что ждет нас впереди: проблемы и перспективы экономического роста в мире и странах Востока на рубеже 2020-х гг. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 1; Арапова Е. Я. Модель частного потребления в Китае. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. № 12; Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 1; Дерюгина И. В. Неравномерность экономического роста и страны Востока: конец XX — начало XXI вв. Отв. ред. Дерюгина И. В. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Москва: Институт востоковедения РАН. 2020; Коледенкова Н. Н. Китай: проведение индустриализации нового типа. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 8; Цветкова Н. Н. Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки. Кн. 1 и 2. Москва: Институт востоковедения РАН. 2021–2022; Acemoglu D., Johnson S. Power and Progress. Our Thousand-Year Struggle over Technology and Prosperity. New York: Public Affairs. 2023; Gootjes B., de Haan J., Stamm K., Yu S. Identifying Growth Accelerations. The World Bank. *Policy Research Working Paper* No. 10945. Washington, D.C. 2024; Rodrik D., Sandhu R. Servicing Development. *NBER. Working Paper*. No. 32738. Cambridge, MA, 2024; Stiglitz J. The End of Progress? *The Project Syndicate*. 22.01.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-return-to-power->

осмысление причин и факторов феноменального экономического рывка бывших колониальных и зависимых стран требует серьезных комплексных исследований. Тем более, что это архиважно для выработки стратегии ускоренного и эффективного экономического развития РФ.

Опираясь на ряд расчетов и моделей, попробуем, не претендуя на окончательные выводы, оценить ряд долгосрочных трендов, составляющих, экономических и социальных детерминант современного экономического роста (СЭР) РС.

Дифференциация и классификация развивающихся стран

В отличие от развитых государств (РГ), число которых не превышает полусотни⁶, РС, которых на планете по меньшей мере втрое больше, более значительно дифференцированы по множеству характеристик и параметров. Их классификация и типологизация — тема специального исследования⁷. В группе РС обычно выделяются: около трех десятков богатых и не очень богатых нефтеэкспортеров и около десятка новых индустриальных стран (НИС), средний невзвешенный подушевой ВВП (ПВВП) в которых вдвое-втрое больше, чем в целом по РС⁸;

amounts-to-end-of-progress-by-joseph-e-stiglitz-2025-01 (accessed 23.01.2025) и др.

⁶ Критерий того, что считать развитой страной / экономически продвинутой экономикой, до известной степени условен. По Глобальному инновационному индексу (ГИИ) 2024 г. Португалия (31 место) едва ли сильно отличалась от ОАЭ и Малайзии (соответственно 32 и 33 места). Турция, Индия и Вьетнам (37, 39 и 44 места) опережали Грецию (45 место). Не говоря уже о том, что рейтинг КНР (11 место) был выше большинства РГ, в т. ч. Франции, Японии, Канады и Израиля (12–15 места), а также Австралии (23), Италии (26) и Испании (28 место). По числу заявок на патенты в расчете на 1 млн. жителей в 2021 г. Вьетнам (88), Турция (101), Малайзия (224), ОАЭ (258) и Катар (285) опережали Грецию (87), Португалию (72) и Испанию (30). Составлено и рассчитано по: WIPO. *Global Innovation Index*, 2024. Geneva, 2024. P. 18. <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (accessed 25.08.2024); World Bank. *DataBank. World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

⁷ В 1970–1990-е гг. огромный вклад в разработку этой темы внесли известные советские и российские ученые В. Г. Растяnnиков, Л. И. Рейснер, Л. А. Фридман, В. Л. Шейнис, Г. К. Широков, А. Я. Эльянов, В. А. Яшкин и др.

⁸ Некоторые из ранее числившихся как новые индустриальные страны / экономики стали уже развитыми. Характерен пример Республики Корея. В середине 1950-х гг., сразу после Корейской войны, ее ПВВП в ППС 1990 г. был ниже, чем у четверти африканских стран, бывших тогда

свыше трех десятков островных финансовых офшоров, в ряде из которых ПВВП в 4–6 раз больше, чем в среднем по РС; свыше четырех десятков наименее развитых стран, средний ПВВП которых вчетверо меньше, чем в среднем по РС.

Выделяются также сверхкрупные азиатские гиганты — Республика Индия и КНР, на долю которых приходится свыше $2/5$ численности населения и ВВП (в ППС) РС. При этом последняя, хотя еще числится развивающейся страной, уже приобрела многие черты инновационно развитой державы⁹. Быстро набирает мощь и влияние растущая коалиция стран БРИКС+ (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, Индонезия), на которые в 2024 г. приходилось 48 % численности населения и 39 % ВВП (в ППС) планеты¹⁰.

Существует также региональное разделение РС¹¹ на РС Восточной и Юго-Восточной Азии (ВАЗ, в 2023 г. 40 % ВВП в ППС 2021 г. и 31 % численности населения РС); Южной Азии (ЮАЗ, 16 и 28 %); Ближнего Востока и Северной Африки

колониями. Десятилетия упорного труда и последовательного осуществления экспортоориентированной индустриализации превратили ее в мощную промышленно развитую державу с крупным научно-инновационным потенциалом, в которой ПВВП в 2024 г. (в ППС 2021 г.) оказался выше, чем в бывшей метрополии — Японии — почти на $1/5$. См. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD. 2003. P. 184, 218–224; World Bank. *DataBank. World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 05.12.2025).

⁹ Напомним читателю, что феноменальный успех китайских ученых и инженеров, сумевших осуществить колоссальный прорыв в создании многократно более эффективной, чем в США, новой нейросети DeepSeek, буквально потряс мир в январе 2025 г. и обрушил фондовый рынок США на триллион долларов.

¹⁰ См. подр. гл. 2. С учетом того, что еще двадцать стран официально подали заявку на вступление в организацию, потенциал БРИКС+ может в ближайшие годы вырасти как минимум до $3/5$ численности населения мира и почти половины его ВВП. Т. е. БРИКС+ может стать по ВВП в ППС примерно на $3/5$, а по численности населения почти в 6 раз больше, чем семерка развитых государств. Рассчитано по: World Bank. *DataBank. World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024); World Bank. *Global Economic Prospects*, 2025. Washington, D. C. P. 216–218. [www.worldbank.org/](http://data.worldbank.org/) (accessed 25.01.2025).

¹¹ В отличие, например, от ЮНКТАД, МВФ страны, входящие в целом в группу РС, разделяет на страны с формирующимся рынком (ССФР) и развивающиеся экономики. Под ССФР (*emerging market economies*) понимаются средне- и высокодоходные РС.

(БВСА¹², 9 и 7 %); Африки южнее Сахары (АЮС, 5 и 18 %); Латинской Америки (ЛА, 13 и 9 %); Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА, 17 и 7 %)¹³.

РС также подразделяются Всемирным банком и рядом других международных организаций на бедные, среднедоходные¹⁴ и богатые РС, доли которых в общей численности населения РС в 2023 г. составляли соответственно примерно 10 %, 84 и 6 %, а средневзвешенный ПВВП в ППС 2021 г. — 2,3 тыс. долл., 14,3 тыс. и 41 тыс. долл., что было равно примерно 4 %, 24 % и 68 % от среднего уровня РГ¹⁵.

Если *коэффициент вариации*¹⁶ показателя ПВВП по группе РГ и в 1980, и в 2023 гг. составлял 37 %¹⁷, то по РС он, хотя и сократился почти вдвое (с 202 % до 106 %), был многократно больше. *Относительный разрыв* в уровнях ПВВП в 1980 г. между Швейцарией (55,1 тыс. долл. в ППС 2021 г.) и Мальтой (14,1 тыс. долл.) и в 2023 г. между Люксембургом (132,4 тыс.) и Грецией (36,3 тыс. долл.) — 3,9–3,6 раза — в целом невелик по сравнению с ситуацией в РС. В последних он на два порядка (!) больше. При этом, не исключено, что, судя по имеющимся данным, в рассматриваемый период разрыв

¹² Без Израиля, являющегося развитой страной. МВФ стала выделять группу стран с названием Ближний Восток и Центральная Азия.

¹³ Существует и более дробное деление РС не только на регионы, но и субрегионы. В настоящем исследовании основное внимание уделено первым пяти регионам, целиком входящим в группу стран Азии, Африки и Латинской Америки.

¹⁴ Эта группа в ряде классификаций подразделяется на *lower middle income* и *upper middle income countries*.

¹⁵ Расчеты, связанные с разделением стран на группы, произведены в соответствии с критериями Всемирного банка. Свои подходы к классификации РС и в целом стран мира есть у МВФ и ПРООН. Последняя известна, в частности, тем, что ежегодно рассчитывает известный индекс человеческого развития (*ИЧР*). ПРООН выделяет страны с очень высоким, высоким, средним и низким уровнем человеческого развития.

¹⁶ Коэффициент вариации рассчитан по следующей формуле: $k = \{[\Sigma(y_i - \bar{y})^2] \cdot n^{-1}\}^{0.5} \cdot (\bar{y}^{-1}) \cdot 100, (\%)$, где k — коэффициент вариации, y_i и $\bar{y}$ — соответственно i -й элемент и среднее арифметическое значение выборки, n — объем выборки. Коэффициент используется для оценки меры неравномерности распределения совокупности данных, волатильности (нестабильности) изменения показателей.

¹⁷ Если коэффициент выше 33 %, то совокупность считается неоднородной.

между крайними значениями ПБВП внутри группы РС сократился¹⁸ — с более 300 до примерно 130 раз (в 1980 г. в ОАЭ и Уганде 191 тыс. и 0,6 тыс. долл.; в 2023 г. в Катаре и Бурунди 115 тыс. и менее 0,9 тыс. долл. в ППС 2021 г.)¹⁹.

Исходные условия, динамика и пропорции развития

Примерно тысячу лет назад ряд ныне РС, а тогда, по меркам того времени, экономически продвинутых стран, таких как Китай, Индия и Египет, перегоняли экономически и культурно отсталые страны Западной Европы по уровню ПБВП в 1,5–2 раза, а по индексу человеческого развития (ИЧР) — вдвое-втрое²⁰. В дальнейшем, вследствие ряда причин, которые до сих пор активно анализируются и обсуждаются многими исследователями, страны Востока и Юга не сумели преодолеть мальтузианские негативные факторы и испытали, как считается, более серьезные социально-политические шоки, чем страны и народы Западной Европы, связанные с масштабными военными вторжениями и разрушениями производительных сил²¹.

Странам Западной Европы и Японии, находящимся на окраинах евразийской ойкумены, как известно, повезло больше. Развитие в странах Запада и несколько позже в Японии рыночных отношений, капитализма, осуществление индустриализации и ограбление ими почти всей другой части мира, которую они превратили в свою колониальную и полуколониальную периферию, привели к тому, что разрыв между

¹⁸ Точность показателей по РС за последние десятилетия выросла, но по-прежнему оставляет желать лучшего. А по ряду весьма бедных из них надежные данные вообще отсутствуют.

¹⁹ Рассчитано по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024); IMF Data. <http://www.imf.org> (accessed 12.08.2024); UNCTAD. Data Centre. <https://unctad-stat.unctad.org/datacentre> (accessed 25.08.2024).

²⁰ Мельянцева В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 9.

²¹ Хотелось бы напомнить читателю о пагубных демографических, материальных и социально-институциональных последствиях мощного и периодически усиливавшегося давления (полу)кочевой периферии на центры цивилизации в Китае, Индии, на Ближнем и Среднем Востоке, двухсотлетней агрессии европейских крестоносцев в Палестине, Сирии и частично в Северной Африке.

ними и странами Востока²² и Юга по уровню ПБВП вырос с минимального в 1500 г. до полуторакратного в 1800 г. и четырех-пятикратного в 1950 г. (рис. 1.1).

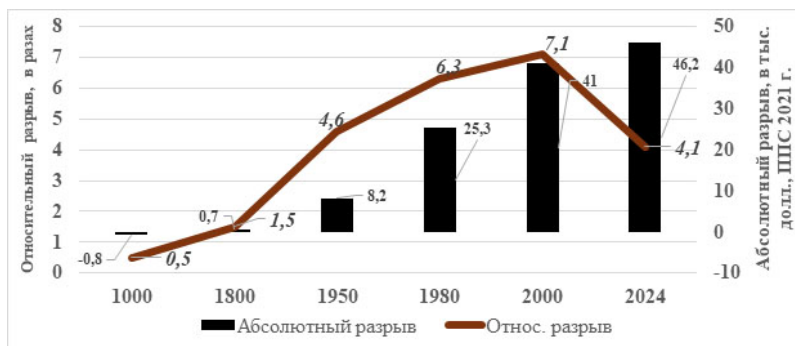


Рис. 1.1. Динамика относительного и абсолютного разрывов (разы, курсив и тыс. долл. в ППС 2021 г.) в уровнях подушевого ВВП (ПБВП) между ныне развитыми государствами (РГ) и развивающимися странами (РС) в 1000–2024 гг.

Рассчитано по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024); World Bank. *Global Economic Prospects*, 2025. Washington, D.C. www.worldbank.org (accessed 25.01.2025). Р. 5, 215–218; Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 6; Мэддисон Э. *Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.* Москва, 2012. С. 576–577.

Со времени получения независимости странами ЛА, Азии и Африки прошло уже много лет — соответственно двести и 80–60 лет. Напомним, что ныне развитые государства за срок, равный жизни двух-трех поколений людей, превратились из аграрной полупериферии в развитые. Чего не скажешь про подавляющее большинство РС, из которых за последние десятилетия стали развитыми не более $1/10$ их общего числа, в т. ч. не более 3–5 % из числа афро-азиатских и латиноамериканских стран.

Тем не менее, с середины прошлого столетия РС, при всех сбоях и попятных движениях, в целом активно идут вперед. В этом прежде всего особая заслуга РС ВАЗ, которые более

²² Без Японии.

или менее последовательно стали проводить прагматичные экономические и социальные реформы и, опираясь на опыт, технологии, привлечение капиталов не только РГ, но и более продвинутых РС, в т.ч. Китая, Индии, Бразилии, а также СССР/РФ, осуществлять политику индустриализации по типу экспортоориентированного импортозамещения, доказавшую свою эффективность, в частности, в азиатских НИС и КНР. Вместе с тем, такие регионы РС, как ЛА, БВСА и АЮС, располагая солидными природными ресурсами, вписались не без участия ТНК из РГ в МРТ как экспортеры слабо обработанного сырья, что в немалой мере, как будет показано ниже, негативно сказалось на динамике их экономического роста.

По нашим расчетам, за последние два десятилетия с небольшим РС смогли в целом потянуться к РГ и по *индексу экономической свободы*²³, и по *показателю качества основных институтов*²⁴. В 2023 г. разрыв сократился до 2,1 и до 37 баллов соответственно.

Рассчитав долгосрочную динамику ПВВП в ППС 2021 г. по примерно двум сотням стран мира, было установлено, что средний *невзвешенный* показатель годового темпа прироста ПВВП по РГ сократился примерно на четверть — с 2,2 % в 1980–2000 гг. до 1,6 % в 2000–2023 гг., а по РС, он, наоборот, вырос в 2,4 раза — с 0,8 до 1,9 %. Если доли РГ со среднегодовым темпом прироста (СГТП) ПВВП более 2 % и от 1 до 2 % уменьшились в 2000–2023 гг. по сравнению с 1980–2000 гг. в 1,9 и 1,7 раза, а доля РГ с СГТП ПВВП менее 1 % увеличилась соответственно почти в 8 раз, то в целом по группе РС обнаружилась обратная тенденция. Доля РС с СГТП ПВВП менее 1 % сократилась соответственно почти вдвое, и увеличились доли РС с показателем от 1 до 2 % и более 2 % — соответственно более чем вдвое и в полтора раза (см. *рис. 1.2 и 1.3*).

²³ Рассчитано по: Gwartney, James D., Lawson R., and Murphy R. Economic Freedom of the World: 2023 Annual Report. Fraser Institute. Vancouver, B. C. 2023. P. 24–188; Index of Economic Freedom. The Heritage Foundation. <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (accessed 25.07.2024).

²⁴ Исчислено по: World Bank. DataBank. *Worldwide Governance Indicators*. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed 24.07.2024).

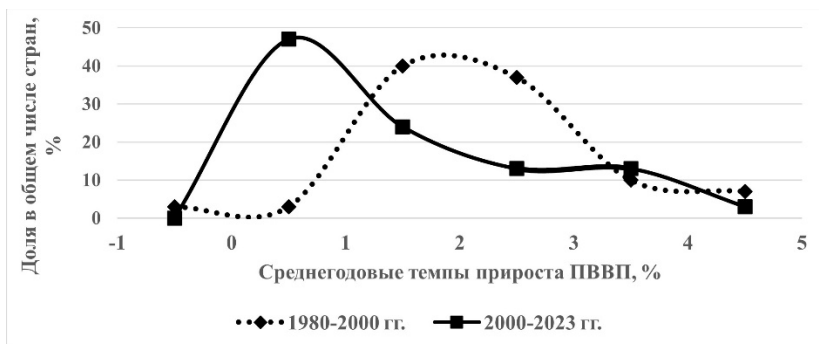


Рис. 1.2. Распределение развитых государств (РГ) по среднегодовым темпам прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВДП), %

Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024); IMF Data. <http://www.imf.org> (accessed 12.08.2024); UNCTAD. Data Centre. <https://unctad-stat.unctad.org/datacentre> (accessed 25.08.2024).

Примечание. За 1980–2000 гг. использованы данные по 30 странам, за 2000–2023 гг. — по 38 странам.



Рис. 1.3. Распределение развивающихся стран (РС) по СГТП ПВДП, %

Источник: см. рис. 1.2.

Примечание. За 1980–2000 гг. использованы данные по 144 странам, за 2000–2023 гг. — по 164 странам.

В результате, судя по рис. 1.1, относительный разрыв в уровнях ПВДП в целом между РГ и РС, выросший с 1950 по 2000 г. с 4,6 до 7,1 раза, сократился к 2024 г. еще масштабнее, чем до этого вырос, — до 4,1 раза в течение вдвое более короткого исторического срока. Абсолютный разрыв в уровнях ПВДП между РГ и РС (рис. 1.1) с 1950 г. продолжал нарастать, хотя и

затухающими темпами: в 1950–1980 гг. втрое, в 1980–2024 гг. менее чем вдвое. Соответственно, доля РС в приросте глобального ВВП выросла с менее $\frac{1}{3}$ в 1800–1950 гг. до немногим более $\frac{2}{5}$ в 1950–2000 гг. и примерно $\frac{3}{4}$ в 2000–2024 гг., втрое превысив параметр по РГ²⁵.

В условиях существенного увеличения доли Китая в приросте мирового ВВП (с 1 % в 1800–1950 гг. до 3 % в 1950–1980 гг., 11 % в 1980–2000 гг. и 29 % в 2000–2024 гг.)²⁶ и ее заметного уменьшения у слабеющего лидера мировой экономики — США (соответственного с $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{10}$), а также уже существенного превосходства Китая над США по объему ВВП (в ППС, *рис. 1.4*) обострились американско-китайские геоэкономические и политические противоречия, США стали активно применять санкции и ограничения для сдерживания роста своего основного глобального конкурента.

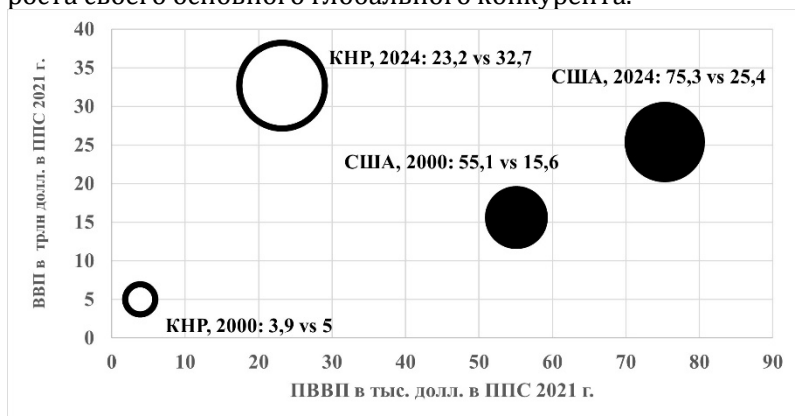


Рис. 1.4. КНР и США: сравнительная динамика подушевого ВВП (ПВВП) и ВВП в 2000–2024 гг.

²⁵ Рассчитано по источникам к *рис. 1.1*.

²⁶ Западные экономисты весьма активны в том, чтобы показать, что экономика Китая, вследствие прекращения роста численности населения, нарастающего долга, ошибок в управлении, ныне испытывает немалые кризисные явления, а официальные показатели ее роста завышены. Подробнее см.: China's Not Alone in Having Unreliable Growth Data. *The Financial Times*. 18.01.2024.

Но при этом очень мало пишут о том, что, вследствие заниженных дефляторов, завышения размеров роста добавленной стоимости в финансовом и ряде других секторов сферы услуг, в реальности экономика стран Запада и Японии в последние десятилетия, вполне возможно, росла еще более низкими темпами, чем те, что публикуются их статистическими ведомствами.

Примечание. На рисунке после года первое число — ПВВП, второе — ВВП.

Рассчитано по источникам к рис. 1.1.

Вследствие ряда факторов, в т. ч. снижения в последние два десятилетия в группе других РС (ДрРС; АЮС, БВСА и ЛА) качества основных экономических и социально-политических институтов, в целом более быстрого их демографического роста²⁷, более высокого уровня инфляции²⁸, существенной зависимости их экономик от неустойчивости условий внешней торговли²⁹ при доминировании в экспорте сырьевых отраслей, коэффициент волатильности роста ПВВП в среднем по ДрРС был 1981–2023 гг. в целом почти на порядок (в 9–10 раз) больше, чем в РС Азии³⁰. Учитывая, что повышенная неустойчивость воспроизводственного процесса, помимо прочего, уменьшает и желание инвесторов производить капиталовложения, сказанное не могло не сказаться на существенной разнице в динамике их ПВВП³¹.

²⁷ В странах БВСА и АЮС.

²⁸ Судя по имеющимся данным МВФ, СГТП потребительских цен в 2005–2023 гг. в РС АЗ (3,9 %) был более чем вдвое меньше, чем в среднем по ДрРС (8,4 %; в ЛА 6,6 %, в странах БВСА и АЮС 9,3–9,4 %). Рассчитано по IMF. World Economic Outlook. 2024, April. Washington, D.C. P. 145.

²⁹ Судя по данным ЮНКТАД, коэффициент стандартного отклонения изменения индекса чистых бартерных условий внешней торговли (соотношение экспортных и импортных цен) в 2006–2022 гг. в РС Азии (4 п.п.) был более чем в 2,5 раза меньше, чем в ДрРС (10,7 п.п.; в ЛА 6 п.п., в странах БВСА 12, в АЮС 14 п.п.). Рассчитано по: UNCTAD. Data Centre.

³⁰ Здесь и далее РС Азии — это РС ВАЗ и ЮАЗ. Рассчитано по источникам к рис. 1.1, а также Мельянцева В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 6, 9.

³¹ Используя параметры простейшей однофакторной регрессионной модели, несложно подсчитать, что, при прочих равных условиях, существенное отставание ДрРС от РС АЗ по СГТП ПВВП в 1980–2023 гг. почти на $\frac{9}{10}$ могло быть вызвано фактором их многократно более высокой неустойчивости роста ПВВП.

$$GR_Y/P_i = 4,960 - 0,009 \cdot K, R^2 \text{ adj.} = 0,79$$

$$(p < 0,01) \quad (p < 0,03)$$

где GR_Y/P_i и K_i — СГТП ПВВП и коэффициент волатильности годовых темпов его прироста в регионе i ;

$R^2 \text{ adj.}$ — скорректированный коэффициент детерминации;

p — показатель статистической значимости.

Уточняя результаты ранее проведенного исследования³², подчеркнем, что интенсивная модернизация прежде всего в РС Азии привела к тому, что в целом РС в 1980–2023 гг. опережали РГ по СГТП ВВП почти вдвое (4,2 % vs 2,2 %), в т. ч. почти втрое в сельском хозяйстве (3 % vs 1,1 %) и индустриальном секторе (4 % vs 1,5 %) и примерно вдвое в сфере услуг (4,5 % vs 2,4 %). А РС Азии обгоняли по этим параметрам ДрРС: соответственно по ВВП — более чем вдвое (6,3 % vs 2,8 %), в сельском хозяйстве ~ в 1,3 раза (3,3 % vs 2,5 %), в индустриальном секторе — втрое (7,1 % vs 2,4 %), в сфере услуг — более чем вдвое (7,1 % vs 3,2 %)³³.

Примечательно, что в результате проведения аграрных реформ и повышения степени оснащения сельского хозяйства агротехническими средствами в целом по РС *урожайность зерновых* за последние 60 с лишним лет выросла больше, чем в РГ. По этому параметру РС, в которых она в начале 1960-х гг. была вдвое меньше, чем в РГ, достигла в начале 2020-х гг. $\frac{2}{3}$ от уровня последних (*рис. 1.5*). Однако, если по РС ВАЗ показатель практически сравнялся с РГ (56 vs 59 ц/га), то в АЮС, в которой относительный уровень использования удобрений и сельскохозяйственной техники³⁴ был соответственно более чем в пять и десять раз меньше, чем в РГ³⁵, урожайность зерновых оказалась ниже почти вчетверо, чем в РГ и РС ВАЗ, почти втрое, чем в ЛА, более чем вдвое, чем в среднем по ЮАЗ и в полтора раза меньше, чем в среднем по странам БВСА.

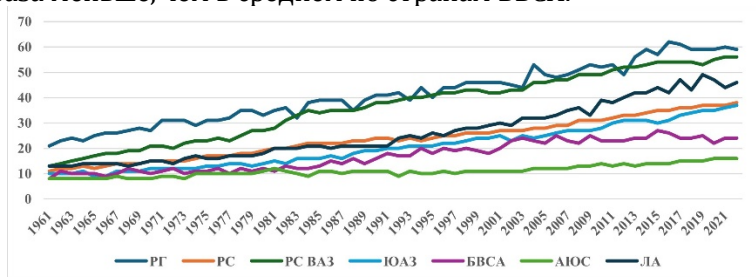


Рис. 1.5. Развитые государства (РГ) и основные регионы развивающихся стран (РС): динамика урожайности зерновых, 1961–2022 гг. (ц/га)

Составлено по источникам к рис. 1.1.

³² Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 6.

³³ Рассчитано по источникам к *рис. 1.1*.

³⁴ В расчете на площадь обрабатываемых земель.

³⁵ World Bank. DataBank. World Development Indicators.

Уточняя результаты ранее проведенного исследования³⁶, нам удалось установить, что в целом по РС в 1980–2023 гг. *СГТП сдвигов в отраслевых пропорциях распределения ВВП* в неизменных ценах оказался не менее существенным, чем в РГ (0,3 %) ³⁷. При этом в РС Азии, активно проводивших индустриализацию, рассматриваемый параметр (0,9–1,0 %) был более чем втрое выше, чем в РГ и ДрРС, а доля индустриального сектора ³⁸ в ВВП не понизилась, как в РГ и ДрРС (на 7 п.п. — соответственно до 22 и 32 %), а выросла в среднем на 9 п.п. до 35 % (в РС ВАЗ до 39 % и в ЮАЗ до 26 %).

Почти двукратное опережение развивающимися странами развитых по СГТП ВВП в 1980–2023 гг. объясняется на $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{6}$ — более высокими вкладами в экономический рост соответственно индустриального сектора, сферы услуг и сельского хозяйства у РС по сравнению с РГ. Этот расчет коррелирует с тем фактом, что в РГ в рассматриваемый период доля обрабатывающей промышленности (*ОП*) в ВВП ³⁹ сократилась более чем в три раза больше (на 11 п.п., с 24 до 13 %), чем в целом по РС (на 3 п.п., с 23 до 20 %). При этом, однако, РС сильно дифференцированы по динамике доли ОП в ВВП. Например, в АЮС показатель упал почти на $\frac{2}{5}$ до 11 %, оказавшись меньше на $\frac{2}{5}$, чем в ЛА (18 %) и почти на $\frac{3}{5}$ — чем в РС ВАЗ (25 %) ⁴⁰.

Между тем по основным регионам РС существует весьма значимая и высокая корреляционная связь между *динамикой подушевого производства ОП* и ростом ПВВП ⁴¹. Расчет по несложной однофакторной регрессионной модели показывает,

³⁶ Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 12.

³⁷ *Интенсивность сдвигов в отраслевых структурах ВВП* можно оценить при помощи следующей формулы:

$$J = \{[(100 + \sum_{i=1}^n |A_{it} - A_{i0}|)/100]^{1/\Delta t} - 1\} \cdot 100, \%$$

где A_i — доля сектора в ВВП в п.п. в начальном или конечном моментах периода (0, t),

n — число соответствующих секторов.

³⁸ Включает обрабатывающую, добывающую промышленность и строительство.

³⁹ Расчет на базе текущих цен.

⁴⁰ Рассчитано по источникам к *рис. 1.1*.

⁴¹ $p < 0,01$; $R > 0,9$. R — коэффициент корреляции (изменяется от -1 до +1); p — показатель статистической значимости. Используется

что, при прочих равных условиях, в 1980–2023 гг. значительное отставание АЮС, региона БВСА и ЛА по СГТП ПВВП (0,1 %; 1,1; 0,8 %) от РС ВАЗ и ЮАЗ (5,6 и 3,7 %) могло быть на 80–90 % вызвано их отставанием по СГТП *подушевого производства в ОП* (соответственно –1,3 %; 1,1; 0,4 % vs 6,1 и 4,2 %) ⁴².

Резюмируя, подчеркнем, что в последние четыре с небольшим десятилетия на планете произошла крупная экономическая трансформация, означающая серьезное ослабление позиций РГ и их заметное усиление у стран Глобального Юга. В 1980–2023 гг. доля РС в ВВП ⁴³ выросла примерно с $\frac{2}{5}$ до $\frac{3}{5}$. При этом их доля увеличилась в сельскохозяйственном производстве мира с 85 до 92 %, в полтора раза в его индустриальном секторе — с 47 до 71 % и почти на $\frac{2}{3}$ в сфере услуг — с 33 до 54 %.

Внешнеэкономические факторы

Внешнеэкономические факторы, связанные с углублением международного разделения труда, трансграничным движением товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, знаний, технологий, информации, оказывали и оказывают существенное, но неоднозначное воздействие на экономическую модернизацию РС ⁴⁴. Результат этого воздействия в последние десятилетия во многом зависел как от качества их институтов и характера осуществляемых экономических стратегий, так и ряда серьезных внешнеэкономических, геополитических и иных шоков (например, от последствий пандемии COVID-19).

Проведение КНР и рядом других быстро модернизирующихся РС политики реформ и открытости привело в целом к увеличению *доли притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ВВП*, которая в целом по РС с начала 2000-х гг. стала в среднем выше, чем по РГ. Последние, во многих отраслях которых ряд весьма значимых издержек производства оказался в целом выше, чем по РС, а маржинальная эффективность капиталовложений ниже, чем у РС, в *тенденции* стали менее привлекательны для ПИИ.

для проверки гипотезы (принимает значения от 0 до 1). Чем меньше p , тем меньше вероятность ошибки.

⁴² Рассчитано по источникам к *рис. 1.1*.

⁴³ Расчет на основе ППС 2021 г. по источникам к *рис. 1.1*.

⁴⁴ См. также главу 3.

Несмотря на то что в отношении ряда РС США и их союзники с 2010-х гг. активизировали политику сдерживания и санкций, доля притока ПИИ в ВВП в РС в 2023 г., хотя и снизилась по сравнению с 2000-ми гг., была более чем вдвое выше, чем по РГ (2,1 % vs 0,9 % ВВП, в Африке 2 %, в ЛА 2,7 и в РС Азии 1,9 % ВВП). Доля РС в общемировом притоке ПИИ выросла с 17 % в 1990 г. до 65 % в 2023 г., в т. ч. по Африке с 2 до 4 %, по ЛА — с 4 до 15 % и особенно сильно по РС Азии — с 11 до 46 %⁴⁵.

Накопленный объем ПИИ в экономику стран мира (в % от ВВП) заметно вырос: с 6 % в 1980 г. до 22 % в 2000 г. и 47 % в 2023 г., в т. ч. по РГ — соответственно с 5 до 21 и 53 % и по РС — с 11 до 25 и 38 % (в т. ч. до 38 % в Африке, 45 % в ЛА и 37 % ВВП в РС Азии). При этом доля РС от общемирового показателя накопленного объема ПИИ увеличилась с немногим более $\frac{1}{5}$ до немногим менее $\frac{1}{3}$. Четверть всех накопленных в мире ПИИ в 2023 г приходилась на РС Азии⁴⁶.

Существенный приток ПИИ, заметное снижение тарифов на импортируемые товары⁴⁷, а также применение других инструментов по активизации внешнеэкономических связей привели к тому, что в целом по как по РГ, так и РС значительно (в 1960–2008 гг. в 2,5–3 раза) выросла доля экспорта товаров и услуг в ВВП, достигнув почти $\frac{1}{3}$, в РС ВАЗ почти $\frac{2}{5}$, а в среднем по странам БВСА $\sim \frac{1}{2}$ ⁴⁸ (рис. 1.6).

Однако резкое торможение роста экономики в РГ, введение ими против ряда РС многочисленных санкций и торговых ограничений привели к тому, что, судя по рассматриваемым данным, прежде всего касающимся РС, на смену глобализации пришла частичная деглобализация и фрагментация мировой

⁴⁵ Заметно повысилась и роль РС как экспортеров капитала. В частности, их доля в общемировом вывозе ПИИ увеличилась с 5 % в 2000 г. до 32 % в 2023 г. в основном за счет РС Азии (с 4 до 29 %). Составлено и рассчитано по UNCTAD. Data Centre.

⁴⁶ Рассчитано по UNCTAD. Data Centre.

⁴⁷ По имеющимся данным, с 1990 г. по конец 2010-х гг. средневзвешенный показатель тарифа на импорт товаров в РГ сократился почти втрое до 2 %, а в целом по РС — более чем в 6 раз до 4–5 %. Особенно резкое сокращение произошло в странах ЮАЗ — в среднем более чем в 9 раз до 6 %. Составлено по: World Bank. DataBank. World Development Indicators.

⁴⁸ Подробнее см. Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 11.

экономики. Больше всего доля экспорта товаров и услуг просела по РС ВАЗ (в 2008–2023 гг. более чем на $\frac{1}{3}$ — с 38 до 24 % ВВП) вследствие того, что в КНР она сократилась почти вдвое — с 34–35 до 19–20 %.

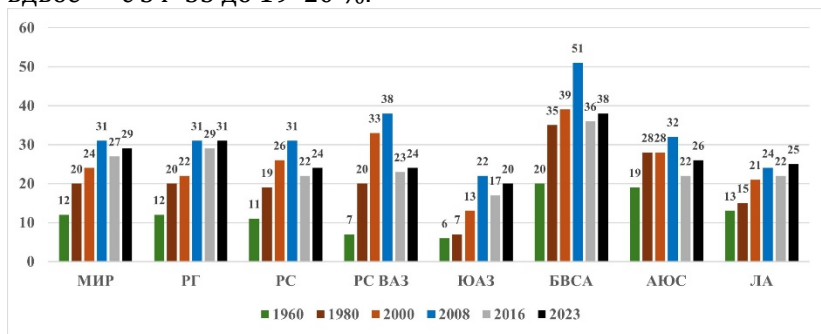


Рис. 1.6. Динамика доли экспорта товаров и услуг в ВВП в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и основных регионах развивающихся странах (РС), 1960–2023 гг. (%).
Составлено по источникам к рис. 1.1.

Уточняя ранее сделанный вывод ⁴⁹, подчеркнем, что *ослабление позиций РГ в мировом хозяйстве и их усиление по РС* выразились в том, что, во-первых, доля последних в общем объеме мирового экспорта товаров и услуг в 1980–2023 гг. увеличилась с $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ (доля РС Азии выросла с 4 до 19 %, а ДрРС, напротив, сократилась с 29 до 21 %). Во-вторых, хотя *доля взаимного товарооборота РГ* в 2000–2023 гг. снизилась с 75 до 67 %, по РС она выросла с 38 до 56 %⁵⁰. Так что и РГ, и РС во внешнеторговом смысле уже в определенной мере обособлены.

В товарном экспорте РС *доля готовых изделий* почти удвоилась (до 72–73 %), а их доля в мировом экспорте этих товаров почти утроилась, увеличившись примерно с $\frac{1}{5}$ до $\frac{3}{5}$. При этом *по доле высокотехнологичных товаров в экспорте готовых изделий* РС в целом уже опередили РГ: в среднем за 2000–2024 гг. 23 % vs 20 %. Однако, если по РС ВАЗ рассматриваемый показатель был примерно на треть выше (30–31 %⁵¹),

⁴⁹ Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 11–12.

⁵⁰ UNCTAD. Data Centre.

⁵¹ Значения показателя по Таиланду (27 %), КНР (28 %), Вьетнаму (43 %), Малайзии (56 %) и Филиппинам (65 %) сопоставимы с данными

то в ЛА и ЮАЗ составлял соответственно 13–14, а по БВСА и АЮС всего 5–6 %.

На примере важнейших регионов РС хорошо просматривается высокая степень связи между высокими темпами прироста ПВВП и достижениями в наращивании экспорта обработанных и высокообработанных товаров⁵². Расчет по неслучайной однофакторной регрессионной модели показывает, что, при прочих равных условиях, в 1980–2023 гг. значительное отставание АЮС, региона БВСА и ЛА по СГТП ПВВП от РС ВАЗ и ЮАЗ могло быть вызвано на 70–90 % их отставанием по СГТП экспорта готовых изделий (соответственно 2,3 %; 3,6; 5,5 % vs 10,3 и 8,1 %) ⁵³.

Развитие внешнеэкономических связей РС проявляется также в *нарастании миграционных потоков* из РС в РГ и из РС в РС (доля мигрантов в общей численности населения мира выросла с 2,3 % в 1970 г. до 2,8 % в 2000 г. и 3,6 % в 2020 г.⁵⁴), а также *увеличении охваченности населения интернетом*. Доля населения, пользующаяся широкополосным интернетом, выросла в 2010–2023 гг. в целом по миру в 2,4 раза (с 7,6 % до 18,6 %), в РГ — в полтора раза (с 24 до 37 %), а в целом по РС — в 4,4 раза (с 3,4 % до 15 %). При этом, если в АЮС этот показатель не превышает 1 %, а в ЮАЗ 4 %, то в КНР он уже на уровне наиболее экономически продвинутых стран мира — 44–45 %⁵⁵.

Хотя в последние 10–15 лет в основном в результате обострения геоэкономического и политического противостояния между двумя крупнейшими державами — США и КНР — возник феномен частичной фрагментации мировой экономики, в целом с последней четверти прошлого столетия значительно вырос *уровень экономической глобализации* как в РГ, так и РС. По данным КОФ⁵⁶, не все, но многие из последних, сумевшие сформировать достаточно конкурентоспособные

по таким РГ, как Великобритания (27 %), Израиль (32 %), Республика Корея (35 %), Ирландия (41 %) и Сингапур (57 %), и выше, чем в Германии и Японии (17–18 %), США, Франции и Нидерландах (21–23 %). Составлено по: World Bank. DataBank. World Development Indicators.

⁵² $R = 0,96$; $p = 0,01$.

⁵³ Рассчитано по источникам к *рис. 1.1*.

⁵⁴ McAuliffe M., Oucho L. A. (eds.). World Migration Report 2024. International Organization for Migration. Geneva. 2024 P. 8, 22.

⁵⁵ Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators; Statista.

⁵⁶ KOF Globalisation Index. <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 25.08.2024).

экономические механизмы / системы, в т. ч. КНР (в которой, судя по имеющимся данным, показатель экономической глобализации вырос с 13 % в 1980 г. до 37 % в 2021 г.), Индия (с 16 до 39 %), Индонезия (с 31 до 38 %), Турция (с 16 до 50 %), Вьетнам (с 34 до 60 %), в целом заметно выиграли от углубления МРТ и усиления внешнеэкономических связей.

Судя по данным по 147 РГ и РС (рис. 1.7), по которым была сопоставима информация, коэффициент корреляции между уровнем экономической глобализации и ПВВП, который в 1980 г. был, хотя и позитивным и статистически значимым, но весьма слабым ($R = 0,30$; $p < 0,01$), вырос к 2021 г. вдвое ($R = 0,61$; $p < 0,01$).

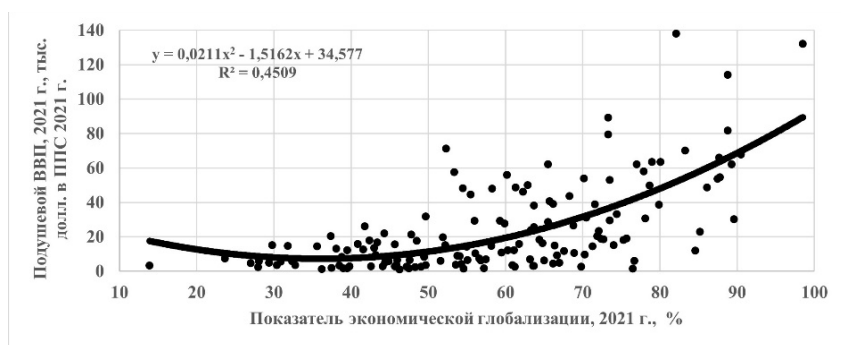


Рис. 1.7. Влияние уровня экономической глобализации (%) на уровень подушевого ВВП (ПВВП, тыс. долл. в ППС 2021 г.), 2021 г.

Рассчитано по источникам к рис. 1.1 и KOF Globalisation Index. <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 25.08.2024) по 147 странам мира.

Однако, как отмечалось выше, нарастание в мире экономических и социальных противоречий и осуществление странами Запада политики сдерживания экономического роста ряда стран Глобального Юга, привело к торможению темпов прироста *индекса экономической глобализации* (ИЭГ). По имеющимся данным, его СГТП по РГ, который в 1970–2000 гг. достигал 1,1 %, сократился до 0,9 % в 2000–2010 гг. и 0,4 % в 2010–2021 гг. В целом по РС замедление его роста оказалось еще более крутым — соответственно с 1,3 % до 0,7 и 0,3 % — во многом из-за сильного торможения после быстрого роста в

ряде крупных РС, в т. ч. в КНР, в которой СГТП ИЭКГ снизился соответственно с 4,1 % до 1,6 % и –1,8 %⁵⁷.

Статистически значимый, но невысокий положительный показатель корреляционной связи между приростом ИЭКГ и СГТП ПВВП по 118 РС, по которым была сопоставимая информация за 1980–2021 гг. ($p < 0,01$; $R = 0,28$), может свидетельствовать о том, что, хотя объективно усиление экономической интеграции стран мира — существенный фактор их экономического прогресса, планета нуждается в новом, инклюзивном, более справедливом мировом экономическом порядке, который позволит более бедным странам, например, в АЮС, быстрее подтягиваться по уровню развития к экономически продвинутым государствам.

Накопление физического и человеческого капитала и эффективность экономического роста

Накопление капитала — важнейший драйвер экономического роста РС. Помимо использования собственных средств предприятий и работников оно в существенной мере, особенно в условиях активной модернизации, зависит от темпов и масштабов дополнительного/внешнего (частного и государственного) финансирования.

В 1980–2023 гг. *уровень финансовой глубины* (ФГ, в % от ВВП)⁵⁸ в РС вырос более чем вдвое по сравнению с РГ соответственно в 5,4 и 2,3 раза. И если в 1980 г. показатель по РС составлял немногим более $\frac{1}{3}$ от уровня РГ (50 % vs 138 % ВВП), то в 2023 г., в основном благодаря огромному, в т. ч. финансовому рывку КНР, уже превысил $\frac{4}{5}$ (270 % vs 318 % ВВП; *рис. 1.8*). Характерно, что доля кредитов в общем параметре ФГ РС увеличилась вчетверо ~ до 120 % ВВП РС, на $\frac{3}{5}$ превысив показатель по РГ. При этом в РС намного интенсивнее происходил рост

⁵⁷ По КНР индекс экономической глобализации, выросший с 11,5 % в 1970 г. до 38,9 в 2000 г. и 45,5 % в 2010 г., снизился до 37,4 % в 2021 г., что корреспондирует с отмечавшимся выше почти двукратным сокращением доли экспорта товаров и услуг в ВВП страны в последние полтора десятилетия и многократному сокращению доли притока ПИИ в ВВП: с 3–4 % в 2000–2006 гг. до 1,9 % в 2010 г. и 0,9 % в 2023 г. и 0,6 % ВВП в 2024 г. Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 1.1* и *1.7*.

⁵⁸ Доля кредитов депозитных банков частному сектору экономики, капитализации рынков акций и капитализации рынков облигаций в ВВП.

финансовых рынков — примерно с 20 до 150 % ВВП. По этому компоненту РС сильно подтянулись к РГ — с $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{5}$.

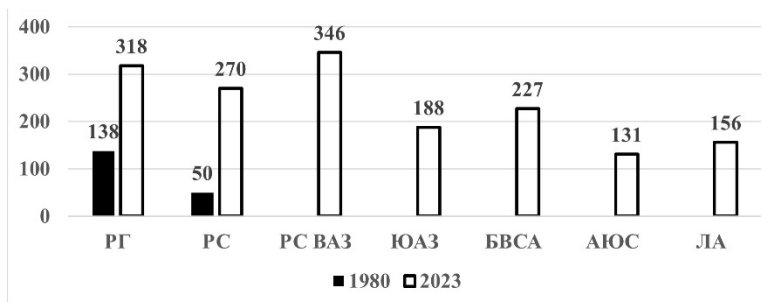


Рис. 1.8. Развитые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС): динамика финансовой глубины (ФГ), 1980–2023 гг., в % от ВВП

Составлено по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024); BIS. Data Portal. <https://data.bis.org/topics/DSS/tables-and-dashboards> (accessed 28.08.2024).

По общему параметру ФГ в 2023 г. в целом РС ВАЗ не только превзошли в 2,2–2,6 раза ЛА и АЮС и в 1,5–1,8 раза страны БВСА и ЮАЗ, но и, возможно⁵⁹, обогнали РГ (346 % vs 318 % ВВП). При этом во многом вследствие весьма весомой роли КНР доля кредитного сегмента в общем параметре ФГ РС ВАЗ ($\sim \frac{1}{2}$) оказалась заметно выше, чем в среднем по РС и почти вдвое больше, чем в РГ, в формировании ФГ которых намного большее значение имеют финансовые рынки.

Если в динамичных РС ВАЗ и в целом по региону БВСА, в котором сосредоточено много богатых экспортеров углеводородов, в первую четверть XXI века доля *внутренних валовых сбережений в ВВП* (рис. 1.9) превышала размеры валовых вложений в основной капитал (ВВОК) в ВВП соответственно почти на $\frac{1}{5}$ и более чем на $\frac{2}{5}$ ⁶⁰, то в ряде других регионов РС

⁵⁹ Ввиду отсутствия надежных данных расчеты не учитывают масштабы теневого банкинга, а также других видов финансирования, в т. ч. на основе использования деривативов.

⁶⁰ В 1980–1999 гг. в период, когда в целом превалировали низкие цены на экспорт углеводородов, в среднем по странам БВСА доля валовых сбережений в ВВП составляла немногим более $\frac{9}{10}$ от средней доли ВВОК в ВВП.

наблюдался относительный дефицит сбережений. Доля *внешних источников финансирования* ВВОК в целом по ЮАЗ составляла немногим менее $1/10$ ⁶¹, а по ЛА — немногим более $1/10$. В АЮС, развитие которой сильно зависит от волатильности внутренней и внешней экономической конъюнктуры, динамика доли валовых сбережений в ВВП в 1980–2023 гг. оказалась многократно менее устойчивой, чем в других регионах РС, а доля внешних источников финансирования валовых вложений в основной капитал (ВВОК) выросла с немногим более $1/4$ до немногим менее $2/5$.

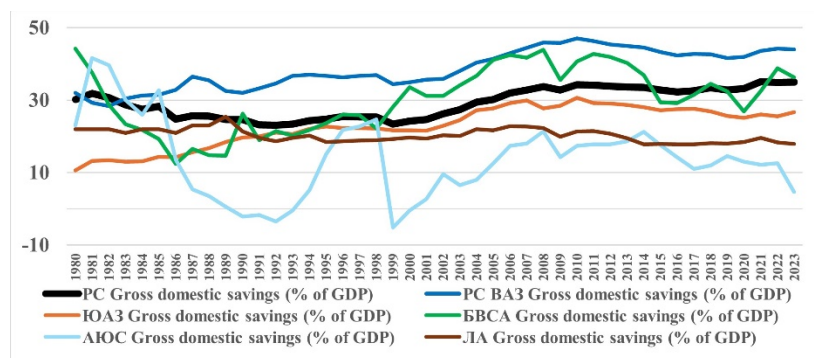


Рис. 1.9. Основные регионы развивающихся стран (РС): динамика доли внутренних сбережений в ВВП, 1980–2023 гг., %

Составлено по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

Экономическая модернизация как успешных, так и менее успешных РС оплачена значительным *ростом совокупного долга*, который в целом по РС за последние семь десятилетий в % к ВВП вырос в 2,5 раза больше, чем в РГ (в 6,8 vs 2,6 раза, рис. 1.10). Если в 1950-е гг. параметр по РС составлял $1/4$ от РГ, то в первой половине 2020-х гг. уже $2/3$ (196 % vs 248 % ВВП)⁶².

⁶¹ В 1980–1999 гг., когда Индия и ряд других стран ЮАЗ, только начинали активную модернизацию экономики, этот показатель по ЮАЗ достигал вдвое большей величины.

⁶² Мельянцев В. А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2023. № 3. С. 6–7.

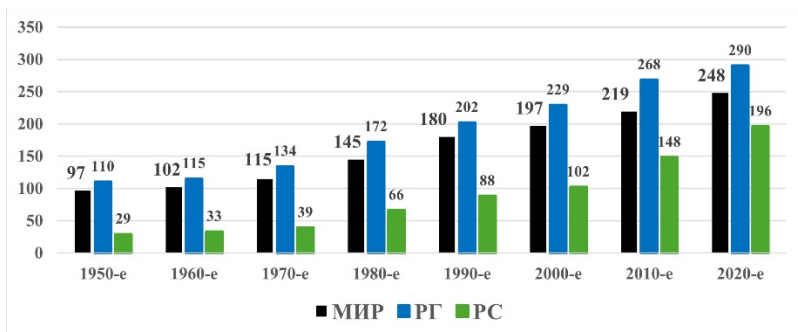


Рис. 1.10. Динамика совокупного долга в целом по миру, в развитых (РГ) и развивающихся странах (РС), 1950–2020-е гг., в % от ВВП

Примечания. 1. Совокупный долг включает государственный и частный долг, который учитывает задолженность домохозяйств и корпораций. 2. Данные, базирующиеся на материалах МВФ, — в среднем за десятилетия и за 2020–2022 гг.

Составлено по: Plender J. The Overlooked Threats to the Global Financial System. *The Financial Times*. 16.04.2024. <https://www.ft.com/content/0b78c68b-c65c-4080-b779-17041c290eaa> (accessed 16.04.2024).

Хотя в целом по РС⁶³ величина *совокупного внешнего долга* (СВД), отнесенного к ВНД, возраставшая в течение ряда десятилетий (в среднем с 11 % в 1970–1972 гг. до 18 % в 1979–1981 гг., 33 % в 1989–1991 гг. и 37 % в 1999–2001 гг.), резко — на $\frac{2}{5}$ — сократилась в 2000-е гг. на фоне улучшения внешне-экономической конъюнктуры как для экспортеров готовых изделий, так и сырьевых товаров до 22 % в 2010–2012 гг., в последующие годы, в условиях замедления экономического роста в мире и РС, она выросла ~ на $\frac{1}{5}$ до 26 % ВНД в среднем за 2020–2022 гг. Доля экспортных доходов РС, приходившаяся на *обслуживание СВД*, составлявшая в РС в 1980–1990-е гг. примерно четверть, также сократилась в 2000-е гг., составив в 2010–2012 гг. около $\frac{1}{10}$. Но затем выросла более чем на $\frac{2}{3}$, достигнув в 2020–2022 гг. 15–16 %. При этом, по имеющимся данным, за последние полвека подушевой объем СВД РС, неуклонно увеличиваясь, вырос в текущих долларах почти в 30 раз — с 48 долл. в 1970–1972 гг. до 1375 долл. в 2020–2022 гг.⁶⁴

⁶³ Здесь — по группе стран мира с низкими и средними доходами.

⁶⁴ См. Мельянцев В. А. Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 14.

Несмотря на в целом солидные доходы экспортеров углеводородов прежде всего в странах Ближнего Востока, денежные переводы трудовых эмигрантов и помощь (хотя, на наш взгляд, недостаточную), предоставляемую в т. ч. наименее развитым странам в АЮС, более медленный (чем в РС Азии) экономический рост в странах БВСА, АЮС и ЛА привел к тому, что в них показатель СВД к ВНД вырос с начала 2010-х гг. примерно вдвое и достиг в 2020–2022 гг. в странах БВСА 30 % (в 1,5 раза больше, чем в РС Азии) и в АЮС и ЛА 44–45 %. Вследствие существенного увеличения расходов на обслуживание СВД в трех рассматриваемых регионах, они в 2020–2022 гг. на эти цели тратили в среднем вдвое большую долю своей экспортной выручки, чем в РС Азии (соотв. 14–18–25 %⁶⁵ vs 10 % в РС ВАЗ и 12 % в ЮАЗ)⁶⁶, что в целом ограничивало их возможности увеличения потребления и капиталовложений.

РС в целом сумели добиться значительных, хотя и далеко не равных успехов в увеличении *доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал (СВ в ФК и ЧЛК) в ВВП*. Если в 1950–1980 гг. в целом по РС отставали по его уровню от РГ примерно на четверть (27 % vs 37 % ВВП), то в 2001–2023 гг. — менее чем на $\frac{1}{10}$ (38 % vs 41 % ВВП)⁶⁷.

Однако в целом РС, включая группу РС ВАЗ, заметно отстают от РГ по доле вложений в ЧЛК (в образование, здравоохранение и науку) в ВВП: в 1950–1980 гг. соответственно 6,6 % vs 12 %, в 2001–2023 гг. 11 % vs 19 %. Если в целом по РГ доля вложений в ЧЛК в совокупных капиталовложениях увеличилась примерно с $\frac{1}{3}$ в 1950–1980 гг. до почти $\frac{1}{2}$ в 2001–2023 гг., то в РС, которые быстрее наращивали инвестиции в ФК, в чем особенно преуспела КНР, рассматриваемый параметр вырос в среднем ненамного — примерно с 24 до 29 %.

Вместе с тем, при всей огромной дифференциации среди РС, они в целом сумели не только масштабно продвинуться

⁶⁵ В Эфиопии и Южной Африке показатель доходил до 22 %, в Египте до 28 %, в Бразилии до 42 %.

⁶⁶ Рассчитано по: World Bank. DataBank. International Debt Statistics.

⁶⁷ См. Мельянцев В. А. Развивающиеся и развитые страны в формирующейся новой системе мировой экономики. Отв. ред. Дерюгина И. В. *Страны Азии и Африки на пути к многополярному миру*. Москва: Институт востоковедения РАН. 2024. С. 35–36.

вперед в развитии инфраструктуры⁶⁸, строительстве массы заводов и фабрик, создании парков промышленных роботов⁶⁹ и наращивании числа используемых компьютеров⁷⁰ и телекоммуникационных систем, но и в развитии ЧЛК.

Среднее число лет обучения взрослого населения в 1992–2022 гг. в РС удвоилось — с 4 до 8 лет, увеличившись с $\frac{2}{5}$ до почти $\frac{2}{3}$ от среднего уровня РГ (соответственно 10 и немногим более 12 лет)⁷¹. РС также заметно подтянулись к РГ по показателям *охвата обучением в высшей школе* (8 % vs 30 % в 1980 г.; 37 % vs 79 % в 2022 г.⁷²) и широкополосным интернетом — с $\frac{1}{7}$ в 2010 г. до $\frac{2}{5}$ в 2023 г.

Весьма значителен прогресс ряда РС в инновационном развитии. По имеющимся данным, *по числу заявок на патенты в расчете на 1 млн жителей* уровень стран БРИКС от показателя семерки РГ, который в 2000 г. составлял всего 3 % (42 vs 1279 патентов), быстро поднимался: в 2010 г. повысился до 13 % (170 vs 1321 патент) и в 2021 г. до 40 % (529 vs 1321 патент⁷³).

Вышеприведенные факторы, а также увеличение во многих РС степени экономической свободы, качества институтов, инвестиционного климата и бизнес-среды⁷⁴ обусловили

⁶⁸ Иллюстрируя сказанное, можно, в частности, заметить, что, если в 1960 г. РС в целом отставали от РГ по уровню урбанизации почти втрое (22 % vs 62 %), то в 2023 г. только в полтора раза (52 % vs 82 %).

⁶⁹ Увеличение числа промышленных роботов в мире в первой половине 2020-х гг. уже примерно на $\frac{3}{5}$ происходило за счет РС, в т. ч. более чем наполовину за счет КНР. Подробнее: World Robotics — Industrial Robots. *International Federation of Robotics*.

⁷⁰ По данным на июнь 2024 г. уже свыше четверти всех установленных в мире суперкомпьютеров приходилось на РС. См. Top500 List — June 2024.

⁷¹ UNDP. Human Development Report, 1994. P. 188; 2024. P. 276.

⁷² Составлено по: World Bank. DataBank. World Development Indicators.

⁷³ По семерке РГ этот показатель не изменился. Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators.

⁷⁴ В РС расходы на процедуры, связанные с регистрацией бизнеса, отнесенные к уровню подушевого ВНД, сократились за первые два десятилетия текущего столетия в 5–6 раз, в т. ч. в 3–4 раза в РС ВАЗ, ЛА и странам БВСА, в 5–6 раз в ЮАЗ и 8–9 раз в АЮС. Но показатель по основным регионам РС все еще в 4–7 раз (а в АЮС в 9–10 раз) выше, чем в среднем по РГ. Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators.

то, что в РС в 1980–2023 гг. *маржинальная эффективность совокупных вложений в физический и человеческий капитал (СВ в ФК и ЧЛК)*⁷⁵ оказалась примерно в 2–2,5 раза выше, чем в РГ.

Проанализировав выше ряд внутренних и внешних экономических, а также институциональных факторов, характеризующих экономический рост РС на фоне РГ, нами по имеющимся данным за 2000–2022 гг. построена следующая модель⁷⁶ по 67 крупным и средним странам мира.

$$GR_Y/P_i = -2,5 - 0,03 \cdot Y_{i0}/P_{i0} + 0,17 \cdot mPKHK_i + 0,12 \cdot GR_X_i + 0,04 \cdot \Delta Inst_i$$

(p<0,01) (p<0,01) (p<0,01) (p=0,01) (p<0,01)

N = 67; F-StatProb = 2,79E-18; R² adj. = 0,74.

Примечание. **GR_Y/P_i** — СГТП ПВВП (%); **Y_{i0}/P_{i0}** — ПВВП в 2000 г. в ППС 2021 г.; **mPKHK_i** — доля в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал (образование, НИОКР, %); **GR_X_i** — СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (%); **ΔInst_i** — прирост за период средневзвешенной величины из двух индикаторов - эффективности государства и верховенства закона, в п.п.; **i** — страна. **N** — число стран; **p** — коэффициент статистической значимости; **F-StatProb** — критерий, оценивающий качество всех коэффициентов уравнения. Его значение меньше 0,01 позволяет отвергнуть гипотезу о незначимости регрессии в целом. **R² adj.** — скорректированный коэффициент детерминации.

Рассчитано по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

Более чем четырехкратное опережение крупными развивающимися странами (КРС; КНР, Индия, РФ, Бразилия, Индонезия) крупных развитых государств (КРГ; США, Япония, Германия, Франция, Великобритания), входящих в первую десятку стран мира по ВВП в ППС 2021 г., по темпам прироста ПВВП в 2000–2022 гг. (СГТП ПВВП 4,1 % vs 0,9 %) связано с *т. н. «преимуществом отсталости»* (низким исходным уровнем ПВВП — соответственно 9,5 тыс. и 47,3 тыс. долл. в ППС 2021 г.) более чем на треть. Но не только с ним. Более чем на четверть — с более высокой (в среднем за период) *долей вложений в ФК и ЧЛК в ВВП* (соответственно 33 и 28 %), на 1/8 — с более высоким

⁷⁵ Показатель обратный коэффициенту предельной капиталоемкости роста ВВП.

⁷⁶ Это — скорректированный вариант модели, рассчитанной по более репрезентативной группе стран мира. Подробнее см.: Мельянцева В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 10–11.

СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (соответственно 6,5 и 3 %) и на $1/7$ — с опережением в приросте (в среднем за период) качества институтов (соответственно 7,5 и –3,5 п.п.).

Развивая тезис, изложенный ранее⁷⁷, уточним, что более высокие среднегодовые темпы прироста ВВП и *производительности труда* (ПТ) в целом по группе РС в немалой мере связаны с тем, что, в отличие от РГ, у них еще далеко не исчерпан такой источник их роста, как *перемещение ресурсов труда из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью их использования*. Хотя интенсивность сдвигов в макроотраслевой структуре занятости в разных регионах РС сильно варьировалась⁷⁸, в целом по РС в 1980–2023 гг. модернизация структуры занятости привела к тому, что доля занятости в аграрных отраслях сократилась вдвое до 30 %, на $2/5$ увеличилась доля занятых в индустриальном секторе до четверти и более чем вдвое — до 45 % в сфере услуг (рис. 1.11).

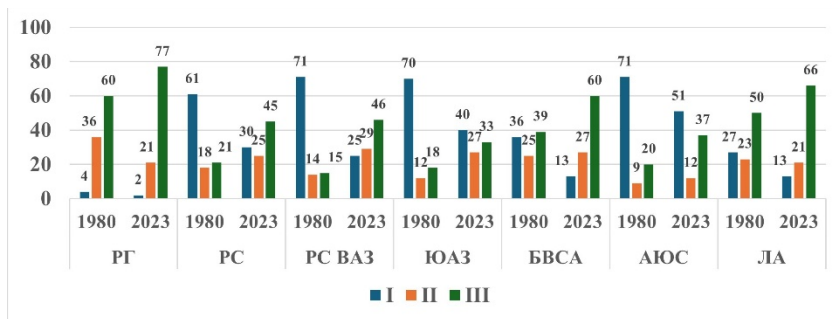


Рис. 1.11. Развитие государства (РГ) и основные регионы развивающихся стран (РС): динамика изменений в отраслевых структурах занятости, 1980–2023 гг., %

Примечание. I — сельское хозяйство; II — индустриальный сектор (обрабатывающая и добывающая промышленность, строительство); III — сфера услуг.

⁷⁷ Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 12.

⁷⁸ В 1980–2023 гг. интенсивность сдвигов в макроотраслевой структуре занятости РС (1,1 % в год) была почти на $2/5$ выше, чем в РГ (0,7 %), в т. ч. в РС ВАЗ 1,5 %, в ЮАЗ 1,1 %, в странах БВСА 0,9 %, в АЮС 0,8 % и ЛА 0,6 %.

Уточняя ранее сделанный расчет по трехфакторной модели⁷⁹, было установлено, что почти двукратное опережение развивающимися странами развитых по СГТП ВВП в 1980–2023 гг. (4,2 % vs 2,2 %) определялось в немалой мере — на 45 % — более высокой динамикой занятости (СГТП 1,7 % vs 0,8 %), но в еще большей мере — на 55 % — более высоким СГТП производительности труда (ПТ, 2,5 % vs 1,4 %). Однако этот более высокий, чем в РГ, рост ПТ в РС был также обусловлен в известной степени «преимуществом отсталости»: примерно на $\frac{1}{4}$ более высоким СГТП ПТ в макроотраслях и на $\frac{3}{4}$ — *эффектом передислокации трудовых ресурсов* из аграрного сектора в индустриальный и сферу услуг⁸⁰.

Опережающий рост в целом всей группы РС по сравнению с РГ с начала века прослеживается и по динамике *совокупной факторной производительности* (СФП, рис. 1.12), среднегодовые темпы прироста которой в среднем по последним (РГ) резко замедлились⁸¹, в то время как в целом по РС они в долгосрочной тенденции выросли (во многом за счет КНР и Индии в 2000-е гг.).

⁷⁹ Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 12.

⁸⁰ Рассчитано по следующей формуле:

$$\Delta Y/E = \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{Y_i}{E_i} \right) \cdot E_{i0}/E_0 + \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{E_i}{E} \right) \cdot (Y_{i0}/E_{i0}) + \sum_{i=1}^n \Delta \left(\frac{Y_i}{E_i} \right) \cdot \Delta \left(\frac{E_i}{E} \right),$$

где Y/E , Y_i/E_i , Y_{i0}/E_{i0} — производительность труда, в т. ч. в i -й отрасли и в базовом периоде; E_i/E , E_{i0}/E_0 — доля i -й отрасли в совокупной занятости, в т. ч. в базовом периоде. Рост производительности труда декомпозируется на три эффекта: роста производительности труда по отраслям экономики, межотраслевого перемещения занятости, совместного эффекта роста производительности и межотраслевого перемещения занятости.

⁸¹ WEF. Global Economic Futures: Productivity in 2030. Geneva, 2025. <https://www.weforum.org/publications/global-economic-futures-productivity-in-2030> (accessed 25.01.2025).

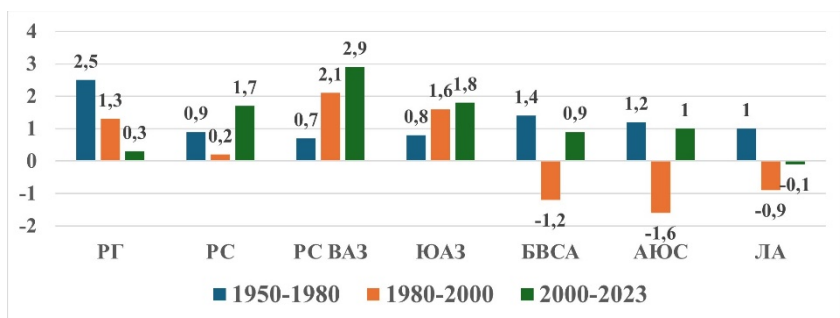


Рис. 1.12. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) совокупной факторной производительности (СФП) в развитых государствах (РГ) и основных регионах развивающихся стран (РС), 1950–2023 гг. (%).

Примечания. 1. Рассчитано по формуле:

$$r = y - [\alpha \cdot e + (1 - \alpha) \cdot k],$$

где y , e , k и r — СГТП ВВП, занятости, основного капитала и СФП. 2. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1 - \alpha$) взяты равными по РГ 0,65 и 0,35; по РС ВАЗ 0,6 и 0,4. По другим РС 0,65 и 0,35. 4. Величина основного капитала в неизменных ценах по РГ и РС рассчитана методом непрерывной инвентаризации Р.Голдсмита.

$K_t = K_n + \sum_t^n (I - A)$, где K_n и K_t — объем основного капитала в начальном и конечном году; I — валовые вложения в основной капитал в неизменных ценах без учета изменения запасов; A — величина амортизации основного капитала. Начальный объем основного капитала за год n можно получить, предварительно рассчитав средний коэффициент капиталоемкости по формуле:

$K_n / Y_n = m / (g + \delta)$, где K_n и Y_n — соответственно объем основного капитала по остаточной стоимости и ВВП в году n ; m — норма капиталовложений в году n ; g — темп прироста ВВП за предшествующее году n десятилетие; δ — норма амортизации основного капитала.

Рассчитано с использованием данных в новых ППС 2021 г. по World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

В 2000–2023 гг. более чем втрое более высокий СГТП ВВП в РС по сравнению с РГ (4,8 % vs 1,5 %) примерно на $3/5$ был обусловлен более высокой динамикой совокупных затрат труда и капитала в РС (СГТП 3,1 % vs 1,2 % в РГ) и на $2/5$ более высоким в РС темпом прироста СФП (1,7 % vs 0,3 % в РГ). И хотя после международного финансового кризиса 2008–2009 гг. в обстановке нарастающей геополитической напряженности и усиления протекционизма в мире в РС, как и в РГ,

темпы экономического роста замедлились, важным стал факт: *РС в целом стали устойчиво обгонять РГ по темпам прироста ВВП не только за счет наращивания затрат ресурсов, но и уже во многом за счет более высокой динамики производительности.*

В немалой мере это стало возможным вследствие увеличения в РС инновационной активности. Резко улучшили свое местоположение в Глобальном инновационном индексе (ГИИ) за 2012 и 2023 гг. ряд преимущественно азиатских РС, в т. ч. Индонезия и Филиппины — на 39 позиций, Турция и Вьетнам — соответственно на 35 и 30, КНР, Индия и Мексика — на 21–24 позиции. При этом КНР, ОАЭ, Турция, Индия и Таиланд попали в высшую треть мирового рейтинга инновационного развития⁸². В десятку инновационно наиболее продвинутых стран мира вошли Сингапур и Республика Корея⁸³, ставшие РГ. Также стоит отметить, что, судя по имеющимся данным, по основным регионам РС в 2010–2023 гг. существовала значимая и достаточно тесная позитивная связь между изменением среднего рейтинга стран региона по ГИИ и среднегодовому темпу прироста СФП региона (*рис. 1.13*)⁸⁴. При этом, хотя для стран АЮС в целом за исследуемый период наблюдалось улучшение среднего рейтинга по ГИИ (на 6 позиций), а СГТП СФП оказался (0,4 %) близок к показателю по БВСА (0,5 %) и выше, чем в среднем по ЛА (-0,3 %), *среднее значение ГИИ* по странам АЮС в 2023 г. (106 место) было ниже, чем в ЮАЗ (100), ЛА (84), в странах БВСА (68) и РС ВА3 (62 место). А уровень производительности труда в АЮС в 2023 г. был ниже более чем в 2,5 раза, чем в среднем по РС, в т. ч. ниже почти вдвое, чем в ЮАЗ и более чем втрое ниже, чем по РС ВА3⁸⁵.

⁸² WIPO. *Global Innovation Index*, 2012. Geneva. 2012. Р. XVIII–XIX; 2023. Р. 19; Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 13.

⁸³ См. подр. главу 6.

⁸⁴ $p = 0,02$; $R > 0,9$.

⁸⁵ Рассчитано по источникам к *рис. 1.12* и *1.13*.

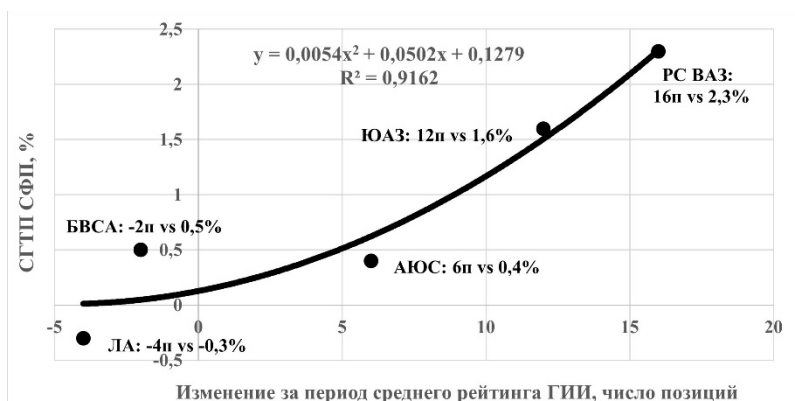


Рис. 1.13. Влияние изменения среднего рейтинга Глобального инновационного индекса (ГИИ) на среднегодовые темпы прироста (СГТП) совокупной факторной производительности (СФП) в основных регионах развивающихся стран (РС) в 2010–2023 гг.

Примечание. Первый показатель — изменение среднего рейтинга ГИИ, второй — СГТП СФП.

Рассчитано по источникам к *рис. 1.12* и WIPO. *Global Innovation Index*, 2012. Geneva. 2012. P. XVIII–XIX; 2023. P. 19–20.

Отмечая немалый, хотя и неровный, и неравный (в т. ч. по важнейшим регионам) экономический прогресс в целом по группе РС, следует отметить, что ее существенная конвергенция с группой РГ по уровню ПВВП в последние 20–25 лет (см. *рис. 1.1*) была в большей мере (на $3/5$) вызвана повышением СГТП ПВВП в целом по РС (с 1,6 % в 1980–2000 гг. до 3,4 % в 2000–2024 гг.), но при этом в значительной степени определялась фактором заметного замедления рассматриваемого показателя в группе РГ (на $2/5$; соответственно с 2,3 до 1 %).

Торможение экономического роста и производительности в РГ — одна из наиболее актуальных тем исследований в мировой экономике⁸⁶.

В отличие от (полу)периферийных стран, немалая часть которых движется по траектории догоняющего развития, используя опыт и технологии РГ, у последних инновации базируются на собственных изобретениях, поддержание стабильного темпа роста которых — непростое дело. Ряд

⁸⁶ См. также: The World Bank. *Global Productivity. Trends, Drivers, and Policies*. Washington, D.C. 2021.

исследователей, в т. ч. профессор Р. Гордон, считают, что «низко висящие плоды» НТП, возможно, уже собраны⁸⁷. Другие, включая лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Солоу, фиксируют внимание на т. н. *парадоксе производительности*⁸⁸. Суть его в том, что в последние десятилетия в РГ бурно развивались ИКТ, стали массово применяться роботы, на подходе масштабное использование искусственного интеллекта, а темпы роста СФП в РГ устойчиво замедляются.

Возможно, отчасти это связано с ростом благосостояния в РГ, в которых платежеспособный спрос населения все больше концентрируется на услугах. А в сфере услуг РГ учтенная статистическими службами ПТ растет (в 2000–2022 гг. в 2–2,5 раза) медленнее, чем в обрабатывающей промышленности⁸⁹, значительные сегменты которой вынесены в страны с более низкими трудовыми, экологическими и социальными издержками. Сами же РС (прежде всего КНР), наращивая экспорт не только дешевых, но уже все более технологически сложных товаров в РГ, во многом подрывают промышленное производство последних.

Сильно постаревшие общества РГ, в которых *средний возраст населения* достиг примерно 45 лет, уже менее склонны к прорывным технологическим и институциональным изменениям. Шумпетерианская модель т. н. «созидательного разрушения», основанная на жесткой конкуренции, дает сбой. В РГ усиливается монополизм, тормозящий инновации, сохраняется много неэффективных бизнесов. СГТП числа реформ в РГ, способствующих развитию конкуренции, сократился в 2000–2010-е годы более чем в 2,5 раза по сравнению с 1980–2000 гг.⁹⁰

⁸⁷ См.: McKinsey Global Institute. Investing in Productivity Growth. New York. 2024. P. 21.

⁸⁸ См.: Мельянцева В. А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 3. С. 162–180.

⁸⁹ Рассчитано по источникам к *рис. 1*. См. также: The World Bank. Falling Long-Term Growth Prospects. Trends, Expectations, and Policies. Washington, D. C., 2023. P. 377.

⁹⁰ См.: Parikh T. Is the Rich World Stuck in an 'Upper-income Trap'? *The Financial Times*. 16.03.2024. <https://www.ft.com/content/bc830276-c8d0-465a-88fc-e06eb83be90b> (accessed 16.03.2024).

Возросшие геополитическая напряженность и экономическая неопределенность, связанная с увеличившейся финансовой задолженностью, возникшей после мирового финансового кризиса конца 2000-х гг. и во время преодоления пандемии COVID-19, а также с частичной фрагментацией глобальной экономики, вызвали в РГ торможение инвестиционного процесса. В результате доля чистых капиталовложений в ВВП РГ сократилась с 12–13 % ВВП в 2001 г. до 6–7 % в 2021 г.⁹¹ При этом вырос средний возраст физического капитала, в т. ч. в США в 1980–2021 гг. почти на $\frac{3}{5}$ — с 17 до 27 лет⁹².

Вместе с тем РГ в целом еще весьма существенно опережают РС по уровню производительности. Не исключено при этом, что учтенный разрыв между РГ и РС по ее уровню из-за несовершенства используемых индикаторов и метрик, не способных адекватно измерить качество товаров, услуг и технологий, занижен⁹³. О масштабах отмеченного разрыва в целом между РГ и РС говорят, в частности, следующие показатели, характеризующие технологические аспекты развития.

Несмотря на то что, по *индексу сложности экономики*⁹⁴ сильно продвинулся вперед ряд РС, в т. ч. КНР (с 39-го места в 2000 г. на 18-е в 2021 г.), Таиланд (соответственно — с 37 на 23), Филиппины (с 65 на 33), Саудовская Аравия (с 63 на 38), Турция (с 56 на 40), Тунис (с 67 на 45), Вьетнам (с 93 на 61), доля РГ в высшем квартиле рейтинга в течение рассматриваемого периода оставалась на уровне $\frac{4}{5}$ ⁹⁵.

В 2022 г. по *числу заявок на патенты, приходящихся на 1 млн жителей*, пятерка КРГ (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания) превосходила пятерку КРС (КНР, Индия, РФ, Бразилия, Индонезия) в среднем примерно втрое (1440 vs 490),

⁹¹ См.: The IMF. World Economic Outlook, April 2024. Washington, D. C., 2024. P. 71.

⁹² См.: Parikh T. Is the Rich World Stuck in an 'Upper-income Trap'? *The Financial Times*. 16.03.2024. <https://www.ft.com/content/bc830276-c8d0-465a-88fc-e06eb83be90b> (accessed 16.03.2024).

⁹³ См.: Vollrath D. Fully Grown: Why a Stagnant Economy Is a Sign of Success. Chicago: The University of Chicago Press. 2020. P. 93–94; Acemoglu D., Johnson S. Power and Progress. Our Thousand-Year Struggle over Technology and Prosperity. New York: Public Affairs. 2023. P. 321.

⁹⁴ Рассчитывается по 133 странам.

⁹⁵ The Atlas of Economic Complexity. Country Complexity Ranking <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (accessed 18.04.2024).

но при этом Китай (1120) — лишь немногим больше чем на четверть, а четыре другие страны из пятерки КРС (Индия, РФ, Бразилия, Индонезия, в среднем 61 заявка на 1 млн человек) — в 24 раза⁹⁶.

Используя коэффициенты рассчитанной модели (см. ниже), удалось установить, что трехкратное превосходство КРГ над КРС *по уровню ПТ* в 2022 г. (на 70 тыс. долл. США в ППС 2017 г.; 104 тыс. vs 34 тыс. долл. США) определялось на $1/6$; более чем на $1/4$ и на $1/3$ соответственно превосходством первых над вторыми по уровню *технологического развития* (в среднем⁹⁷ 68 % vs 20 %), по *числу лет обучения взрослого населения* (13 vs 9 лет), *качеству институтов* (89 vs 46 п.п.).

$$Y/E_{it} = -28,0 + 0,24 \cdot TECH_{it} + 4,82 \cdot ED_{it} + 0,53 \cdot INST_{it}$$

(p<0,01) (p<0,06) (p<0,01) (p<0,01)

N = 68 (крупных и средних стран мира); **R² adj. = 0,75**; **F << 0,01**.

Примечания. 1. Все показатели за 2022 г. 2. Y/E_{it} — уровень производительности труда в расчете на одного занятого в стране i в тыс. долл. США в ППС 2017 г.; $TECH_{it}$ — уровень технологического развития в стране i , в % от США (рассчитан как среднее невзвешенное трех показателей — расходов на НИОКР и числа заявок на патенты в расчете на одного жителя, а также доли населения, подключенного к интернету, отнесенных к уровню США в 2022 г.); ED_{it} — число лет обучения взрослого населения в стране i ; $INST_{it}$ — качество институтов (среднее невзвешенное по индикаторам эффективности государства и верховенства закона), п.п. 4. Все основные параметры модели статистически значимы.

Рассчитано по РГ и РС с численностью населения свыше 10 млн человек по источникам к рис. 1.1.

Важно подчеркнуть, что, вопреки ряду бытующих представлений, превосходство РГ над РС *по уровню производительности* оказалось связано не только и не столько с уровнем технологий, что, возможно, было бы решающим фактором для индустриальной системы производительных сил, сколько с уровнем образования населения и особенно с качеством институтов.

Следует также подчеркнуть, что вследствие ряда причин, в т. ч. обострения геополитического противостояния в мире между т.н. коллективным Западом и поднимающимися

⁹⁶ Рассчитано по источникам к рис. 1.1.

⁹⁷ Это среднее невзвешенное.

Востоком и Югом, растущей фрагментацией глобальной экономики, почти двукратного сокращения СГТП физического объема экспорта товаров и услуг РС (7 % в 2000–2010 гг. до 3,9 % в 2010–2023 гг.), произошло заметное снижение в них СГТП СФП: в РС Азии — соответственно с 3,3 % до 2,1 %, в неазиатских РС (ДрРС) — с 1 % до 0,1 %. А в целом по РС — примерно с 2,1 до 1,2–1,3 %. Поскольку в РГ рассматриваемый показатель уменьшился почти втрое — соответственно с 0,45 до 0,16 %, опережение развивающимися странами развитых по темпам прироста СФП в целом увеличилось с четырех-пяти до семи-восьмикратного размера⁹⁸.

Социальные факторы и последствия экономического роста

По СГТП индекса социального прогресса (*ИСП*), в котором соединены многие социальные, культурно-информационные и экологические характеристики, в целом группа РС, начав, правда, со сравнительно низкого старта, в 1990–2024 гг. перегнала РГ почти на порядок (0,8 % vs < 0,1 %). В результате примерно за треть века РС подтянулись к РГ с менее $\frac{3}{5}$ до $\frac{3}{4}$ (рис. 1.14).

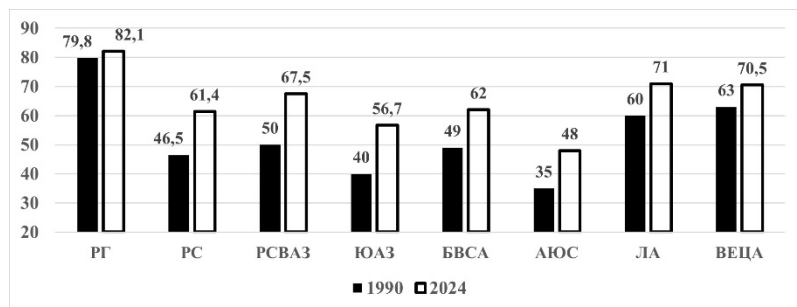


Рис. 1.14. Развивые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС), 1990–2024 гг.: динамика индекса социального прогресса (ИСП)

Составлено и рассчитано по: Social Progress Index Time Series: Measuring Social Outcomes 1990–2020. The Social Progress Imperative. Washington, D.C., 2022. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index-time-series> (accessed 12.08.2024); Social Progress Index Scorecards. The Social Progress Imperative. Washington, D.C., 2024. <https://www.socialprogress.org/2024-social-progress-index> (accessed 12.08.2024).

⁹⁸ Рассчитано по данным и источникам к рис. 1.1, 1.12 и 1.13.

Однако по динамике ИСП основные регионы РС сильно дифференцированы: его абсолютный прирост в 1990–2024 гг. в РС Азии (на 17 п.п.) оказался (а) в полтора раза больше, чем в среднем по другим РС (11 п.п.) и (б) весьма тесно (по регионам) взаимосвязан с СГТП ПВВП за рассматриваемый период⁹⁹.

Не по всем компонентам ИСП достигнутые в РС результаты могут радовать. Об экологической «цене» экономического роста РС написано немало¹⁰⁰. По *индексу экологической эффективности* (ИЭЭ) в 2024 г. Малайзия занимала 117 место, Турция — 140, КНР — 154, Индонезия — 162, Индия — 176 и Вьетнам, последнее, 180 место¹⁰¹.

Ускоренная индустриализация и урбанизация привели к тому, что показатель выбросов двуокиси углерода на одного человека в год увеличился в целом по РС в 1980–2022 гг. на $\frac{4}{5}$, в т. ч., например, в ЮАЗ вчетверо, в РС ВАЗ — более чем в 5 раз, в КНР — почти в 6 раз до 8,9 тонн.

Значение этого параметра в КНР в 2022 г. было больше в 11 раз, чем в АЮС, почти в 6 раз чем в ЮАЗ, более чем втрое — чем в ЛА и почти достигло $\frac{9}{10}$ от среднего уровня РГ (притом, что в КНР в 2022 г. ПВВП в ППС 2021 г. не превышал $\frac{2}{5}$ от показателя РГ)¹⁰².

Опережение развивающимися странами развитых заметно и по динамике Индекса человеческого развития (ИЧР). По нашим расчетам, *относительный разрыв* между РГ и РС по ИЧР сократился с 3,3 раза в 1950 г. до 2,1 раза¹⁰³ в 2023 г.¹⁰⁴

⁹⁹ $p = 0,08$; $R = 0,75$.

¹⁰⁰ См.: Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 15.

¹⁰¹ Environmental Performance Index. <https://epi.yale.edu/measurement/2024/EPI> (accessed 29.08.2024).

¹⁰² Рассчитано по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

¹⁰³ Подробнее о дифференциации РС по ИЧР см. Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 8.

¹⁰⁴ Правда, что весьма примечательно и на что мало обращают внимание, *абсолютный разрыв* по этому композитному социально-экономическому показателю в целом между РГ и РС в 1950–2000 гг. вырос (!) почти на $\frac{4}{5}$, но с 2000 по 2023 г. сократился, правда, ненамного —

Еще большее, чем по показателям образования (о чем шла речь выше), произошло подтягивание РС к уровню РГ по другому важному компоненту ЧЛК и ИЧР — по *средней продолжительности предстоящей жизни от рождения* (СППЖР). Разрыв между РГ и всей группой РС сократился с 1,8 раза в 1950 г. (66 vs 37 лет) до 1,3 раза в 1980 г. (74 vs 59 лет) и немногим более 1,1 раза в 2023 г. (81 vs 71 год). Вместе с тем между РС также наблюдается огромная разница. Если в целом по РС ВА3 в 1960–2022 гг. рассматриваемый показатель вырос вдвое или на 38 лет до 76 лет, то в АЮС — в полтора раза, или на 20 лет (что хорошо, но мало) до 61 года¹⁰⁵.

Этот разрыв между РС определяется рядом факторов, в т. ч. дифференциацией в *индикаторе младенческой смертности (ИМС)*. Он в целом по АЮС, хотя и сократился более чем вдвое — с 107 до 49 промилле, но намного меньше, чем в среднем по другим регионам РС (в 3–3,8 раза). И если в 1990 г. был выше, чем в ЛА и РС ВА3, примерно вдвое, то в 2022 г. — вчетверо выше (49 vs 12–13 промилле)¹⁰⁶.

За последнюю треть века экономическая модернизация РС, связанная в первую очередь с феноменальным рывком КНР и ряда других РС ВА3, привела к значительным изменениям в социальном статусе и уровне потребления населения. Хотя в целом по РС в 1990–2024 гг. общая численность *всех бедных*¹⁰⁷ лишь ненамного снизилась — с 3,6 до 3,5 млрд человек (в РС ВА3 она сократилась втрое — с 1,5 до 0,5 млрд человек, в ЮА3 выросла на треть до 1,5 млрд, а в АЮС — почти в 2,5 раза до 1,1 млрд человек¹⁰⁸), численность, условно говоря, *небедного населения* увеличилась впятеро — примерно с 0,6–0,7 млрд до 3,3–3,4 млрд человек. При этом *доля небедных* в целом по РС выросла более чем втрое до половины, в т. ч. в РС ВА3 — более чем

примерно на $\frac{1}{10}$. Рассчитано по: UNDP. Human Development Report, 2023/2024. New York. P. 277, 282. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24> (accessed 25.07.2024); Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. <https://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed 06.07.2024).

¹⁰⁵ Составлено по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

¹⁰⁶ Составлено и рассчитано по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

¹⁰⁷ По критерию Всемирного банка — подушевое ежедневное потребление менее 6,85 долл. в ППС 2017 г.

¹⁰⁸ См. подр. главу 9.

на порядок до $\frac{3}{4}$ ¹⁰⁹, в ЮАЗ — в семь раз до $\frac{1}{4}$, но в АЮС показатель едва ли сильно изменился, оставаясь на уровне 10–13 %.

Трудности с сокращением доли бедных в АЮС в немалой мере вызваны сохранением высокого уровня неравенства в распределении располагаемых доходов¹¹⁰: в 2015–2021 гг. в среднем по странам АЮС коэффициент Джини¹¹¹ составлял 0,42–0,44¹¹² и был на $\frac{1}{5}$ выше, чем в среднем по РС Азии¹¹³. Весьма высокий уровень неравенства в целом неблагоприятно сказывается на росте человеческого капитала и инвестиционном климате, создавая в обществе атмосферу неопределенности и нестабильности.

Одним из факторов, который в немалой мере способствует значительной дифференциации доходов в РС, — высокий уровень коррупции и недостаточный контроль за ее распространением¹¹⁴ (рис. 1.15).

¹⁰⁹ По критерию Всемирного банка доля небедного населения в целом по странам БВСА составляла на середину 2020-х годов немногим более половины, а в ЛА примерно равнялась $\frac{3}{4}$ населения.

¹¹⁰ Разумеется, при всей важности уменьшения неравенства для ликвидации бедности, этот фактор не единственный. Ликвидация бедности — сложный процесс, зависящий от решения комплекса взаимосвязанных проблем.

¹¹¹ После вычета налогов и предоставления субсидий.

¹¹² АЮС также в числе лидеров и по неравенству распределения богатства. Судя по имеющимся данным за 2022 г., коэффициент Джини в крупнейших странах АЮС (Нигерия, Южная Африка, в среднем 0,87–0,89) был существенно выше, чем в крупнейших РС Азии (КНР, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Таиланд, в среднем 0,75–0,77) и ЛА (Бразилия, Мексика, Аргентина, в среднем 0,81–0,83). Рассчитано по: UBS. *Global Wealth Databook*, 2023. P. 123–126. <https://www.ubs.com/global/en/wealth-management/family-office-uhnw/reports/global-wealth-report-2023/exploring.html> (accessed 26.08.2024); World Bank. *DataBank. World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

¹¹³ Подчеркнем, что не только по Африке, но и по Азии многие данные, по сути, ориентировочные и, скорее, недооценивают, чем преувеличивают неравенство в распределении доходов. В частности, достаточно неожиданной оказалась информация о том, что в Индии, согласно, данным World Inequality Laboratory, в 1991–2023 гг. доля наиболее богатых 10 % населения в его совокупных доходах выросла на $\frac{2}{3}$ — с 35 % до 59 %, а доля низших 50 % населения упала на треть — с 20 до 13 %. См.: Wolf M. An economically dynamic India is Manmohan Singh's greatest legacy. *The Financial Times*. 08.01.2025. <https://www.ft.com/content/263ea342-b4cf-440c-9ebc-07f2a75ead60> (accessed 17.01.2025).

¹¹⁴ Контроль коррупции, как фактор сдерживания роста неравенства распределения доходов, — один из весьма значимых, но, разумеется, не единственный.

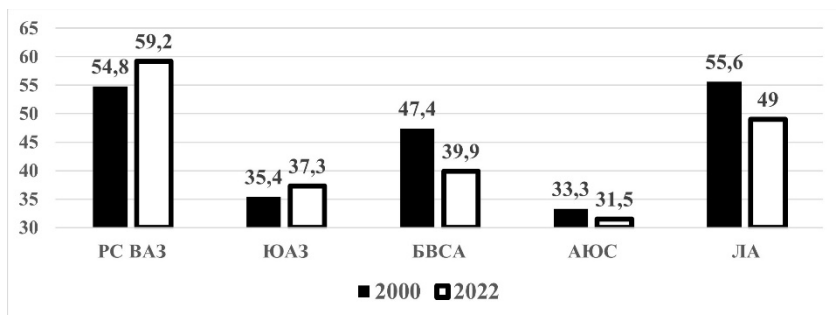


Рис. 1.15. Динамика показателя контроля коррупции по основным регионам развивающихся стран (PC), %

Примечание. Показатель изменяется от 0 до 100 (высокий уровень контроля коррупции; например, в 2022 г. показатель в ДРК равнялся 3 %, а в Дании 100 %).

Составлено и рассчитано по: World Bank. DataBank. *Worldwide Governance Indicators*. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed 24.07.2024).

В регионах PC, в которых в тенденции происходит повышение показателя контроля коррупции, выше динамика роста ПВВП и ниже уровень неравенства распределения доходов. Хотя в среднем по АЮС показатель контроля коррупции в 2000–2022 гг. снизился, справедливости ради надо подчеркнуть, что в ряде ее стран он повысился, правда, в целом до невысокого уровня: в 2000–2022 гг. в Эфиопии с 22 до 37 %, в Танзании с 27 до 43 %, в Уганде с 14 до 17 %, в Кении с 10 до 24 %, в Нигерии с 3 до 15 %, в ДРК с 1 до 3 % (!). Однако в Южной Африке, в которой накопилось много экономических и социально-политических проблем, показатель, наоборот, упал с 70 до 45 %.

По 26 субсахарским странам, по которым удалось найти сопоставимые данные за 2018–2022 гг., установлено, что есть значимая и заметная отрицательная корреляционная связь между показателем контроля коррупции и уровнем неравенства распределения располагаемых доходов (коэффициент Джини; $p < 0,01$; $R = -0,58$)¹¹⁵.

¹¹⁵ Рассчитано по: World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024); World Bank. DataBank. *Worldwide Governance Indicators*. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed 24.07.2024).

Заключение

Резюмируя, подчеркнем, что, вопреки прогнозам ряда западных экспертов, сделанных в 1950–1970-е годы, десятки РС, преодолевая немалые проблемы и трудности¹¹⁶, встав, как НИС, Китай, Индия, Индонезия и ряд других, в основном азиатских стран, на путь глубоких институциональных реформ и открытости, используя опыт, инвестиции и технологии экономически более продвинутых государств, наращивая накопление физического и человеческого капитала и осуществляя политику экспортоориентированной индустриализации и сервисизации экономики, сумели в целом добиться, без преувеличения, значительного экономического и социального прогресса.

В 1980–2023 гг. доля РС выросла в мировом ВВП почти в полтора раза (по расчетам в ППС до 60 %), в индустриальном секторе планеты — в полтора раза (до 71 %), в накопленном в мире объеме ПИИ — примерно в полтора раза (с $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$), в мировом экспорте готовых изделий — втрое (с $\frac{1}{5}$ до $\frac{3}{5}$), в общемировых показателях расходов на НИОКР и числа заявок на патенты в 3,3 и 4,3 раза (соответственно с 12 до 40 % и с 13 до 57 %). В результате модернизации их экономик в целом вдвое снизился показатель разрыва в макроотраслевых структурах занятости с РГ, причем в РС доля занятых в аграрном секторе, сократившись вдвое, уже стала в целом меньше $\frac{1}{3}$.

Существенно продвинувшись вперед по внедрению инноваций, в т. ч. частично за счет собственных изобретений, РС Азии в 2000–2023 гг. в целом уже в 6–9 (!) раз обгоняли РГ по темпам прироста такого важнейшего показателя международной конкурентоспособности, как СФП¹¹⁷.

Но наряду с достаточно быстро растущими государствами среди РС есть немало менее динамичных стран, многие из которых вписались не без участия ТНК из РГ в международное разделение труда как экспортеры слабо обработанного сырья. По нашим подсчетам, среднегодовой темп прироста совокупной факторной производительности (СФП) в целом по странам БВСА, ЛА и АЮС в 2000–2023 гг. был в среднем в 5–6 раз ниже, чем в РС Азии. Получается, что одна половина

¹¹⁶ World Bank. *World Development Report, 2024: The Middle-Income Trap*. Washington, D. C. 2024.

¹¹⁷ См. также главу 2.

населения РС проживает в странах, в которых в последние 20–25 лет вклад СФП в прирост ВВП составлял от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$, а другая половина — в менее успешных странах, в которых рассматриваемый параметр в целом был примерно вдвое меньше. При этом уровень СФП в последних относительно РГ с 1980 г. сократился в среднем почти на $\frac{1}{4}$.

Особо острые проблемы у наименее развитых стран, большинство из которых сконцентрированы в АЮС (см. подр. главу 9). Это проблемы с возросшими внешними долгами, ухудшающимся качеством окружающей среды, слабой эффективностью государств, политической нестабильностью, высоким уровнем коррупции и бюрократической волокиты¹¹⁸, ухудшающимися инвестиционный климат и условия эффективного развития предпринимательства, с сохранением все еще огромных масштабов критической бедности¹¹⁹ и высоким уровнем неравенства, в т. ч. в распределении доходов, потребления и богатства¹²⁰. Субсахарская Африка, численность населения которой в ближайшую четверть века вырастет, по оценкам, на миллиард человек¹²¹, нуждается, во избежание критического обострения в ней социально-политической и экологической обстановки, в многократно большем, чем прежде внимании мирового сообщества.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что в последние 10–15 лет, несмотря на санкции, тарифные ограничения со стороны РГ, вызвавшие частичную фрагментацию мировой экономики, торможение ее роста во многих, прежде всего неазиатских РС, в целом РС продолжали значительно обгонять

¹¹⁸ Milei, Modi, Trump: an anti-red-tape revolution is under way. *The Economist*. 30.01.2025. <https://www.economist.com/leaders/2025/01/30/milei-modi-trump-an-anti-red-tape-revolution-is-under-way> (accessed 03.02.2025).

¹¹⁹ Для многих наименее развитых стран характерны высокие показатели многокритериальной бедности. См. UNDP. *Global Multidimensional Poverty Index. Poverty amid Conflict*. New York, 2024.

¹²⁰ UNCTAD. *Least Developed Countries Report 2024. Leveraging Carbon Markets for Development*. UN. Geneva. 2024; World Economic Forum. *The Global Risks Report 2025. 20th Edition. Insight Report*. Washington D. C. 2025; World Bank. *Global Economic Prospects, 2025*. Washington, D. C. www.worldbank.org (accessed 25.01.2025).

¹²¹ UNCTAD. *Data Centre*. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (accessed 25.08.2024).

РГ по динамике экономического роста, в т. ч. по темпам прироста ПВВП в 2–2,5 раза, а по темпам прироста совокупной факторной производительности — в 7–8 раз. РС — ныне огромная сила, с которой при решении глобальных проблем современности, разработке принципов нового, более справедливого миропорядка слабеющие по своей мощи страны коллективного Запада уже никак не могут не считаться.

Использованная литература и источники

1. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Второй саммит Россия — Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. № 12. С. 35–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48.

2. Акимов А. В., Мельянцев В. А. Что ждет нас впереди: проблемы и перспективы экономического роста в мире и странах Востока на рубеже 2020-х гг. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 1. С. 28–41. DOI: 10.31857/S086919080008443-4.

3. Арапова Е. Я. Модель частного потребления в Китае. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 12. С. 49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-49-58.

4. Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 1. С. 176–200. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-08.

5. Дерюгина И. В. Неравномерность экономического роста и страны Востока: конец XX — начало XXI вв. Отв. ред. Дерюгина И. В. *Экономический рост в странах Востока: тенденции. Неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 17–32.

6. Коледенкова Н. Н. Китай: проведение индустриализации нового типа. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 8. С. 12–21. DOI: 10.31857/S0321507524080025.

7. Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750026562-0.

8. Мельянцев В. А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 5–11. DOI: 10.31857/S032150750027153-0.

9. Мельянцев В. А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2023. № 3. С. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080025205-2.

10. Мельянцев В. А. Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 5–16. DOI: 10.31857/S032150750031387-7.

11. Мельянцев В. А. Развивающиеся и развитые страны в формирующейся новой системе мировой экономики. Отв. ред. Дерюгина И. В. *Страны Азии и Африки на пути к многополярному миру*. Москва: Институт востоковедения РАН, 2024. С. 33–51.

12. Мельянцев В. А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 3. С. 162–180.

13. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Москва, 2012.

14. Цветкова Н. Н. *Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки*. Кн. 1 и 2. Москва: Институт востоковедения РАН, 2021–2022.

15. Acemoglu D., Johnson S. *Power and Progress. Our Thousand-Year Struggle over Technology and Prosperity*. New York: Public Affairs. 2023. 589 p.

16. Atlas of Economic Complexity. Country Complexity Ranking <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (accessed 18.04.2024).

17. BIS. Data Portal. <https://data.bis.org/topics/DSS/tables-and-dashboards> (accessed 28.08.2024).

18. China's Not Alone in Having Unreliable Growth Data. *The Financial Times*. 18.01.2024. <https://www.ft.com/content/187e4183-8e7c-44f3-88c0-444aa0594791> (accessed 18.01.2024).

19. Ellingrud K., Piccitto M., Tacke T. Subsistence Is Not Enough. *The Project Syndicate*. 08.01.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/private-sector-holds-key-to-economic-empowerment-by-kweilin-ellingrud-et-al-2025-01> (accessed 17.01.2025).

20. Environmental Performance Index. <https://epi.yale.edu/measure/2024/EPI> (accessed 29.08.2024).

21. Gootjes B., de Haan J., Stamm K., Yu S. Identifying Growth Accelerations. *The World Bank. Policy Research Working Paper*. No. 10945. Washington, D. C. 2024.

22. Gwartney, James D., Lawson R., and Murphy R. *Economic Freedom of the World: 2023 Annual Report*. Fraser Institute. Vancouver, B. C. 2023.
23. IMF Data. <http://www.imf.org> (accessed 12.08.2024).
24. IMF. *World Economic Outlook*. 2024, April. Washington, D. C. <https://www.imf.org/en/Publications/WE0> (accessed 25.08.2024).
25. Index of Economic Freedom. The Heritage Foundation. <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (accessed 25.07.2024).
26. KOF Globalisation Index. <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed 25.08.2024).
27. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, OECD, 2003. 273 p.
28. McAuliffe M., Oucho L. A. (eds.). *World Migration Report 2024*. International Organization for Migration, Geneva, 2024.
29. McKinsey Global Institute. *Investing in Productivity Growth*. New York. 2024.
30. Milei, Modi, Trump: an anti-red-tape revolution is under way. *The Economist*. 30.01.2025. <https://www.economist.com/leaders/2025/01/30/milei-modi-trump-an-anti-red-tape-revolution-is-under-way> (accessed 03.02.2025).
31. Parikh T. Is the Rich World Stuck in an 'Upper-income Trap'? *The Financial Times*. 16.03.2024. <https://www.ft.com/content/bc830276-c8d0-465a-88fc-e06eb83be90b> (accessed 16.03.2024).
32. Plender J. The Overlooked Threats to the Global Financial System. *The Financial Times*. 16.04.2024. <https://www.ft.com/content/0b78c68b-c65c-4080-b779-17041c290eaa> (accessed 16.04.2024).
33. Rodrik D., Sandhu R. *Servicing Development*. NBER. Working Paper No. 32738. Cambridge, MA, 2024.
34. Social Progress Index Scorecards. The Social Progress Imperative. Washington, D. C., 2024. <https://www.socialprogress.org/2024-social-progress-index> (accessed 12.08.2024).
35. Social Progress Index Time Series: Measuring Social Outcomes 1990–2020. The Social Progress Imperative. Washington, D. C., 2022. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index-time-series>; (accessed 12.08.2024).
36. Statista. <https://www.statista.com/> (accessed 12.08.2024).

37. Stiglitz J. The End of Progress? *The Project Syndicate*. 22.01.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-return-to-power-amounts-to-end-of-progress-by-joseph-e-stiglitz-2025-01> (accessed 23.01.2025).
38. Top500 List — June 2024. <https://top500.org/lists/top500/list/2024/06/?page=1> (accessed 25.08.2024).
39. UBS. *Global Wealth Databook 2023*, <https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/family-office-uhnw/reports/global-wealth-report-2023/exploring.html> (accessed 26.08.2024).
40. UNCTAD. Data Centre. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (accessed 25.08.2024).
41. UNCTAD. *Least Developed Countries Report 2024*. Leveraging Carbon Markets for Development. UN. Geneva. 2024.
42. UNDP. Global Multidimensional Poverty Index. Poverty amid Conflict. New York, 2024 <https://hdr.undp.org/content/2024-global-multidimensional-poverty-index-mpi> (accessed 17.01.2025).
43. UNDP. *Human Development Report, 1994*. New York. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994> (accessed 25.07.2024).
44. UNDP. *Human Development Report, 2023/2024*. New York. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24> (accessed 25.07.2024).
45. Vollrath D. Fully Grown: Why a Stagnant Economy Is a Sign of Success. Chicago: The University of Chicago Press. 2020. 296 p.
46. WEF. *Global Economic Futures: Productivity in 2030*. Geneva, 2025. <https://www.weforum.org/publications/global-economic-futures-productivity-in-2030> (accessed 25.01.2025).
47. WEF. *Global Risks Report, 2025*. Geneva, 2025. <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2025/> (accessed 25.01.2025).
48. WIPO. *Global Innovation Index, 2012*, Geneva, 2012, https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf (accessed 25.07.2024).
49. WIPO. *Global Innovation Index, 2024*. Geneva, 2024. <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (accessed 25.08.2024).
50. Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. <https://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed 06.07.2024).

51.Wolf M. An economically dynamic India is Manmohan Singh's greatest legacy. *The Financial Times*. 08.01.2025. <https://www.ft.com/content/263ea342-b4cf-440c-9ebc-07f2a75ead60> (accessed 17.01.2025).

52.World Bank. DataBank. *International Debt Statistics*. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 23.07.2024).

53.World Bank. DataBank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org/> (accessed 25.07.2024).

54.World Bank. DataBank. *Worldwide Governance Indicators*. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed 24.07.2024).

55.World Bank. *Falling Long-Term Growth Prospects. Trends, Expectations, and Policies*. Washington, D.C. 2023. 564 p.

56.World Bank. *Global Economic Prospects*, 2025. Washington, D.C. www.worldbank.org (accessed 25.01.2025).

57.World Bank. *Global Productivity. Trends, Drivers, and Policies*. Washington, D.C., 2021. 463 p.

58.World Bank. *Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024: Pathways Out of the Polycrisis*. Washington, D.C. 2024. <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-prosperity-and-planet> (accessed 25.01.2025).

59.World Bank. *World Development Report, 2024: The Middle-Income Trap*. Washington, D.C. 2024. DOI: 10.1596/978-1-4648-2078-6.

60.World Economic Forum. *The Global Risks Report 2025*. 20th Edition. Insight Report. Washington D.C. 2025.

61.World Robotics — Industrial Robots. *International Federation of Robotics*. <https://ifr.org/wr-industrial-robots/> (accessed 25.08.2024).

2. БРИКС+ vs «Большая семерка»: сравнение важнейших параметров эффективности экономического роста¹²²

«Building better global economic BRICs»
Baron James O'Neill of Gatley

Человечество ныне живет в период высокой геополитической и экономической турбулентности и весьма крупных и быстрых перемен. Среди них рельефно выделяется значительное усиление в мировой экономике и политике роли развивающихся стран (РС) и их авангарда — альянса стран БРИКС+¹²³.

Вместе с тем одним из глобальных противоречий современности является то, что за последние 60–70 лет после начала широкомасштабного процесса деколонизации афроазиатских стран в группу развитых государств (РГ) сумела перейти очень небольшая часть РС (не более 5–7 %) ¹²⁴. РС и группа БРИКС+ демонстрируют в целом значительные, хотя и неравные успехи в экономическом и социальном развитии, испытывая при этом многочисленные трудности, в немалой мере связанные с проведением развитыми государствами, по сути, неокOLONиальной политики.

Мир, увы, (пока еще) весьма немилосерден. В конкурентной борьбе за выживание/доминирование в мировой экономике в конечном счете побеждают, как правило, более

¹²² Мельянцев, 2025 (С). Глава базируется на публикации автора в: «БРИКС в экономике и политике стран Азии и Африки: коллективная монография». Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2025. С. 28–42.

¹²³ См.: Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 1; Дежина И. Г., Гареев Т. Р. Россия и новые страны БРИКС: перспективы технологической кооперации. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. № 9; Дейч Т. Л., Усов В. А. Расширение БРИКС: Взгляды Китая и Индии. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 9; Карпов А. Л. БРИКС и G7: глобальная конкуренция. *Journal of Economic Regulation*. 2024. Т. 15. № 3; Rached G., Rodrigues de Sá R.M. BRICS 15 Years On: Challenges and Opportunities for Emerging Countries in the Shifting Global Institutional Landscape. *MGIMO Review of International Relations*. 2024. Vol. 17. No. 1; Kumar S., Shahid A., Agarwal M. Is BRICS Expansion Significant for Global Trade and GDP? *BRICKS Journal of Economics*. 2024. Vol. 5. No. 4.

¹²⁴ За такой срок времени, равный жизни двух-трех поколений людей, многие в прошлом (полу)периферийные страны Запада становились развитыми.

эффективные страны. Хотя на известных временных интервалах страны, сумевшие хорошо мобилизовать свои ресурсы, могут добиться немалых успехов. В этой связи небезынтересно уточнить, в какой мере альянсу БРИКС+ в целом удастся относительно *устойчиво* добиваться большего экономического прогресса, чем ведущая семерка РГ, *опираясь не только на экстенсивные, но и на интенсивные факторы экономического роста.*

G10 vs G7: важнейшие драйверы, тренды и детерминанты экономического роста

Десятка стран БРИКС+¹²⁵ и семерка РГ¹²⁶, вокруг которых в тенденции начинают формироваться основные кластеры стран мирового сообщества, в глобальном масштабе весьма весомы. На них (G10 + G7) в 2024 г. приходилось свыше половины общей стоимости мирового экспорта товаров и услуг, примерно $\frac{3}{5}$ накопленного объема ПИИ и численности населения мира и $\frac{2}{3}$ его ВВП (см. рис. 2.1, 2.2).

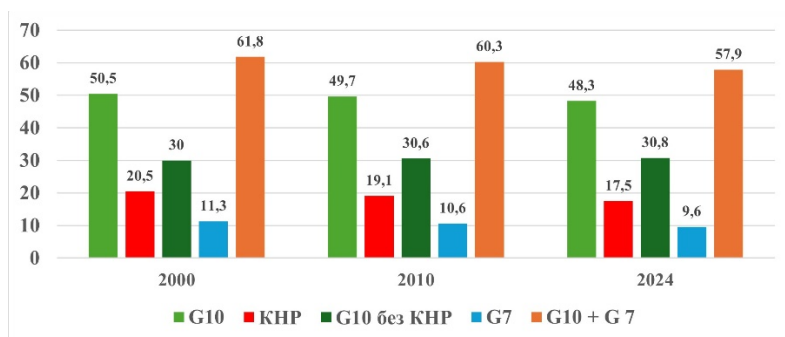


Рис. 2.1. Доли стран БРИКС+ (G10) и семерки развитых государств (G7) в численности мирового населения, %

Составлено и рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

¹²⁵ С 2024 г. в составе Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, к которым в последнее время присоединились Египет, ОАЭ, Иран, Эфиопия и Индонезия. Для обеспечения статистической сопоставимости в расчетах группа БРИКС+ рассматривается в составе 10 стран за весь исследуемый период. Поскольку истоки формирования альянса БРИКС восходят к началу века, когда концепцию мощной организации РС в составе четырех стран предложил известный британский экономический аналитик сэр Джим О'Нил, автор посчитал возможным провести сравнительное исследование в рамках примерно четвертьвекового периода.

¹²⁶ США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Канада.

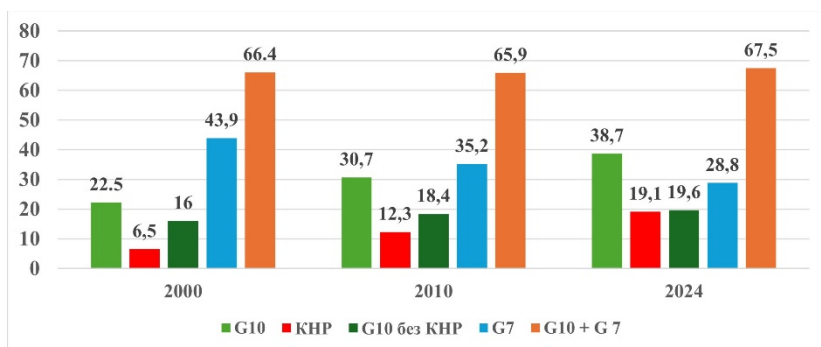


Рис. 2.2. Доли стран БРИКС+ (G10) и «семерки» развитых государств (G7) в мировом ВВП, %

Рассчитано и составлено по: DataBank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

Каждая из двух исследуемых групп стран (особенно G10) достаточно сильно дифференцирована по многим экономическим параметрам, качеству институтов, особенностям проводимой экономической политики. При этом, если в G7 можно выделить в основном два типа цивилизационного развития (страны Запада и Япония), то в G10 — семь или даже восемь.

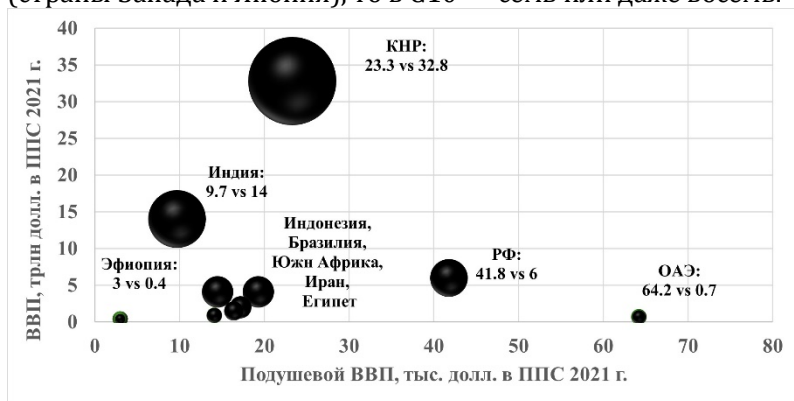


Рис. 2.3. Страны БРИКС+, 2024 г.: подушевой ВВП (ПВВП), тыс. долл. и ВВП, трлн долл. в ППС 2021 г.

Составлено и рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025); Global Economic Prospects, 2025. January. The World Bank. Washington, D.C. 2025. P. 215–218. <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/11e10c6d-6587-477b-a69c-f368cfb3a0a4> (accessed 25.03.2025).

Судя по рассчитанным нами за 2024 г. коэффициентам вариации по подушевому ВВП (ПВВП) и ВВП, группа БРИКС+ (соответственно 79,5 % и 150,4 %) оказалась более неоднородна¹²⁷, чем «семерка» РГ (17,4 % и 116,9 %). При этом на ядро системы — КНР в G10 и США в G7 — в 2024 г. приходилась примерно половина ВВП соответствующей группы. Если КНР превышала следующую за ней страну по объему ВВП — Индию — в 2,3 раза, то США — Японию в 4,5 раза (см. *рис. 2.3, 2.4*).

Наличие по всем изучаемым странам официальных данных о ВВП в ППС 2021 г. за период 2000–2023 гг. и темпах его прироста за 2024 г. в статистических публикациях Всемирного банка в известной мере облегчает решение поставленной задачи. Однако, в исследовательской литературе появилось немало оценок, свидетельствующих о том, что по ряду стран, в т. ч. КНР, имеющиеся официальные данные о средних темпах прироста ВВП за последние 10–15 лет, возможно, в т. ч. вследствие занижения дефляторов ВВП, завышены на 1–2 п.п.¹²⁸

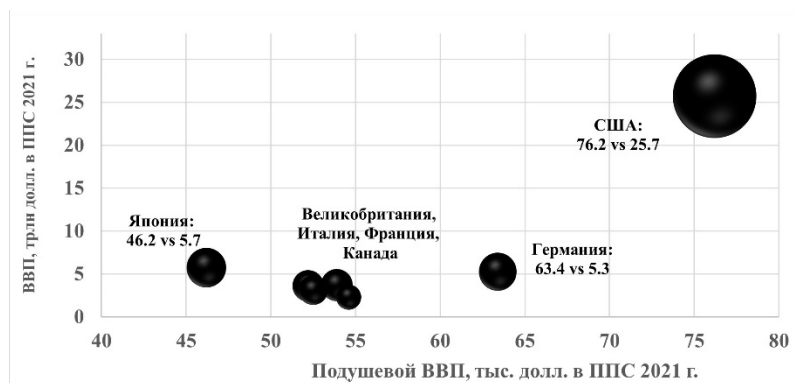


Рис. 2.4. Семерка развитых государств (G7), 2024 г.: подушевой ВВП (ПВВП), тыс. долл. и ВВП, трлн долл. в ППС 2021 г.

¹²⁷ Система считается неоднородной, если по исследуемой метрике коэффициент вариации ее компонентов выше 33 %.

¹²⁸ См.: Khalaf R. China Is Not Alone in Having Unreliable Growth Data. *The Financial Times*, 17.01.2024. <https://www.ft.com/content/187e4183-8e7c-44f3-88c0-444aa0594791> (accessed 24.07.2025); Li Zhan. Re-estimating the Growth Rate of the Chinese Economy from a Provincial Perspective by Correcting Two Biases. *Annals of Economics and Finance*. 2024. Vol. 25. No. 1. P. 343. <http://aeconf.com/may2024.htm> (accessed 17.01.2025).

Составлено и рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025); Global Economic Prospects, 2025. January. The World Bank. Washington, D.C. 2025. P. 215–218. <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/11e10c6d-6587-477b-a69c-f368cfb3a0a4> (accessed 25.03.2025).

Эти оценки, частично базирующиеся на ряде уточняющих расчетов, небезынтересны, хотя нуждаются в дальнейшей верификации. При определении трендов роста и важнейших параметров эффективности развития десятки стран БРИКС+ будем основываться на официальных данных, но, по возможности, делать поправки на скорректированные оценки роста ВВП по КНР¹²⁹.

Хотя в рассматриваемый период немалое число стран БРИКС+ находилось под теми или иными достаточно жесткими санкциями и торговыми ограничениями со стороны коллективного Запада, проведение странами альянса G10 политики экспортоориентированной индустриализации, наращивание ими вложений в физический и человеческий капитал способствовало достижению многими из них сравнительно высоких темпов промышленного и общеэкономического роста.

В немалой мере это связано с достаточно значительным увеличением по странам альянса G10 индекса эффективности

¹²⁹ Если говорить по существу, вопросов по имеющимся данным о динамике ВВП в РС и РГ накопилось много. И они требуют решения. По РГ, где велика доля услуг, не всегда понятно, как и насколько надежно рассчитывается добавленная стоимость, какие дефляторы применяются для пересчета в постоянные цены валового выпуска и промежуточного продукта для определения роста реального ВВП методом двойного дефлятирования. Неясно, как оценивается меняющееся со временем качество товаров и услуг (См.: Coyle D. *The Measure of Progress. Counting What Really Matters*. Princeton: Princeton University Press. 2025. 307 p.). Китай с его выдающимся результатом экономического роста попал в фокус внимания исследователей, пытающихся уточнить параметры его динамики. Но есть вопросы, например, и по Индии и другим РС (см. Subramanian A. *India's GDP Mis-estimation: Likelihood, Magnitudes, Mechanisms, and Implications*. *CID Faculty Working Paper*. 2019. No. 354. P. 27. <https://www.hks.harvard.edu/centers/cid/publications/faculty-working-papers/india-gdp-overestimate> (accessed 12.03.2025); Bose P., Biswas S. *Decoding India's Growth Slowdown*. *The Hindu*. 11.01.2025. <https://www.thehindu.com/business/Economy/decoding-indias-growth-slowdown/article69080910.ece> (accessed 12.03.2025).

государства (ИЭГ). Если по семерке РГ средневзвешенный¹³⁰ ИЭГ в 2000–2023 гг. снизился примерно на 3 п.п. (в т. ч. по ведущим РГ Европы на 7 п.п.), по десятке стран БРИКС+ он, наоборот, существенно вырос — на 15 п.п. (см. *рис. 2.5*). **В результате отношение G10 к G7 по ИЭГ увеличилось более чем на треть — с 53 % до 72 %.** Однако, справедливости ради, подчеркнем, что, если рассматриваемый показатель в среднем по КНР, Индии и Индонезии вырос на 19–26 п.п., а в ОАЭ и Эфиопии (при разных исходных уровнях) — в итоге на 17–18 п.п., то, например, в Бразилии, Иране и Южной Африке он понизился на 24–33 п.п., что, как отмечалось, свидетельствует об огромной дифференциации альянса G10 по параметрам развития.

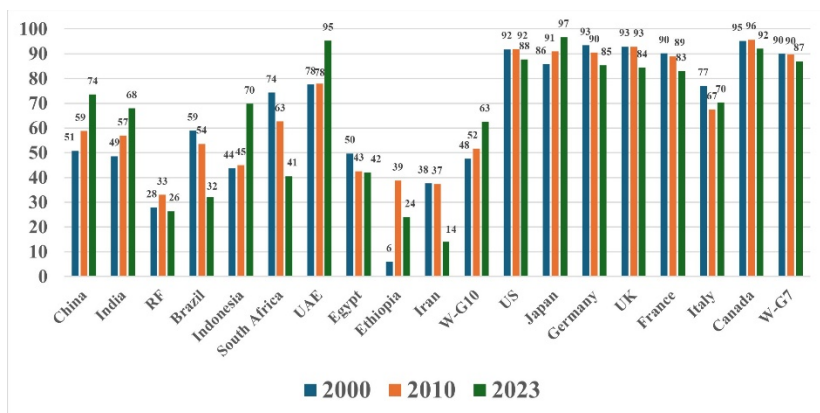


Рис. 2.5. G10 и G7: 2000, 2010, 2023: динамика индекса эффективности государства (ИЭГ)

Примечания. 1. Индекс изменяется от 0 (минимальное значение) до 100. 2. W-G10 и W-G7 — средневзвешенные по объему ВВП данные об эффективности государства соответственно по десятке стран БРИКС+ и семерке РГ.

Составлено и рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

Если по семерке РГ в 2000–2023 гг. среднегодовые темпы прироста **(СГТП) производства индустриального**

¹³⁰ Взвешивание произведено по объему ВВП в ППС.

сектора составил всего 0,6–0,7 %¹³¹ (в т. ч. по США и Канаде 1,1 %, в Германии 0,7 %, во Франции и Японии 0,3–0,4 %, в Великобритании 0,1 %, а в Италии –0,1 %), **то в целом по десятке стран БРИКС+ он был (5,9 %) почти на порядок выше.** Однако разброс данных по «десятке» достигал: по КНР, Индии и Индонезии — соответственно 8,6 %, 6,3 и 3,9 %; по Египту, РФ и ОАЭ — 3,4 %, 2,8 и 2,5 %; по Ирану, Бразилии и Южной Африке 1,9 %, 1,2 и 0,7 %; по Эфиопии (с очень низкого старта, 12 %). **В целом же, если в 2000 г. объем промышленного производства в G10 от G7 составлял 69 %, то в 2023 г. он достиг 222 % или вырос более чем втрое** (расчет в ППС 2021 г.).

Немалые успехи БРИКС+, прежде всего за счет динамичной азиатской тройки (КНР, Индия, Индонезия), — в промышленности, аграрном секторе и многих отраслях сферы услуг — обусловили то, что в целом в 2000–2024 гг. **СГТП ВВП по десятке стран БРИКС+ по сравнению с семеркой РГОказался почти вчетверо выше** (5,8 %¹³² vs 1,5 %), а **нестабильность** (коэффициент вариации) темпов прироста ВВП (34 % vs 128 %) — **вчетверо ниже** (см. рис. 2.6).

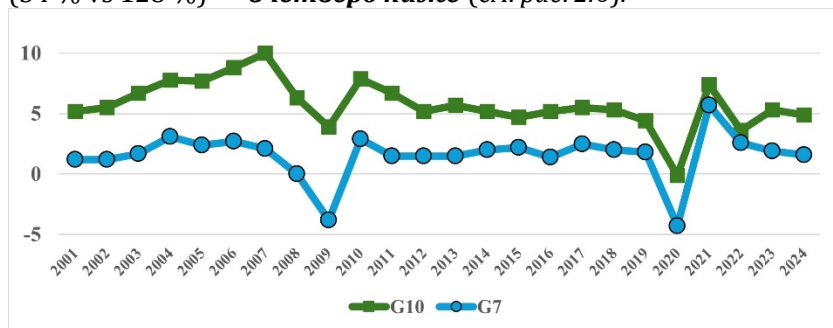


Рис. 2.6. G10 и G7, 2001–2024 гг.: темпы прироста ВВП, %

Рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

¹³¹ Этот показатель, между прочим, более чем в два раза ниже, чем целом по странам Запада и Японии в 1800–1913 гг. См. Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Издательство МГУ, 1996. С. 110.

¹³² Расчет по официальным данным, опубликованным Всемирным банком. Скорректированная нами оценка примерно на $1/10$ меньше: 5,2 %.

Если в целом по семерке РГ, находящихся на постиндустриальной фазе развития, в 2000–2023¹³³ гг. увеличение их ВВП было вызвано менее чем на $\frac{1}{5}$ приростом производства в индустриальном секторе и более чем $\frac{4}{5}$ — прогрессом в сфере услуг, то в целом по странам БРИКС+ вклады первичного, вторичного и третичного секторов экономики в прирост ВВП составляли 6 %, 37 и 57 %. Несложно подсчитать, что в рассматриваемый период **опережение десяткой РС семерки РГ по СГТП ВВП было вызвано не только успехами аграрного и индустриального секторов** (соответственно на 7–9 и 44–46 %), но уже в немалой мере **опережающим ростом стран БРИКС+ в сфере услуг.**

Судя по рассчитанной нами модели, в 2000–2024 гг. **более высокий СГТП ВВП в странах БРИКС+ по сравнению с семеркой РГ (5,8 % vs 1,5 %) был обеспечен** примерно на 30 % в полтора раза более высокой нормой капиталовложений (31 % vs 21 %), но еще больше — **на 70 % — в 2,6 раза большей их эффективностью**¹³⁴. В ряде стран БРИКС+ норма капиталовложений была существенно больше, чем в странах «семерки» (в КНР — 41 %, в Индии — 31, в Индонезии, Эфиопии и Иране — 28–30 %), а эффективность капиталовложений оказалась выше, чем в среднем по «десятке» (в КНР и Индии — 0,2¹³⁵, в Египте и Эфиопии — 0,26–0,29; см. табл. 2.1).

¹³³ В доступных автору источниках данные по отраслевой динамике ВВП за 2024 г. на момент завершения исследования отсутствовали.

¹³⁴ Альтернативный расчет, в принципе, подтверждает основной вывод: опережение десяткой стран БРИКС+ семерки РГ по СГТП ВВП в 2000–2024 гг. было обеспечено в меньшей мере (на $\frac{1}{3}$) более высокой нормой капиталовложений у первых и в существенно большей мере (на $\frac{2}{3}$) определялось их более высокой эффективностью по сравнению с семеркой РГ.

¹³⁵ Согласно альтернативному расчету, этот параметр по Китаю и Индии примерно соответствует показателю по всей «десятке» (0,166).

Таблица 2.1

**Расчет вкладов нормы капиталовложений и их
эффективности в обеспечение более высоких темпов
прироста ВВП в странах БРИКС+ по сравнению с семеркой
развитых государств (РГ) в 2000–2024 гг.**

	y (%)	m (%)	f (относ. единицы)
G10	5,8	31,4	0,185
G7	1,5	21,3	0,07
G10 / G7	3,9	1,5	2,6
Ln	1,36	0,41	0,95
%	100	30	70

Рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

Примечание. Вклады более высокой нормы капиталовложений и их эффективности в превышение (увеличение / торможение) среднегодового темпа прироста ВВП в группе стран (периоде) *i* по сравнению с группой стран (периодом) *j* рассчитаны по следующей формуле: $y_i / y_j = (m_i / m_j) \cdot (f_i / f_j)$, где *y*, *m* и *f* — означают соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, средние за период доля капиталовложений в ВВП и их эффективность в группе стран (периоде) *i* и *j*.

Более высокие темпы прироста ВВП и эффективность капиталовложений в 2000–2024 гг. в целом по десятке БРИКС+ в немалой мере определялись их более высоким, чем в странах семерки, среднегодовым темпом прироста физического объема экспорта товаров и услуг (6,3 % vs 2,7 %), который в двух ведущих странах БРИКС+ — Китае и Индии — достигал соответственно 8 и 9,4 %.

В целом весьма значительно улучшились позиции стран БРИКС+ в Глобальном инновационном индексе (ГИИ, см. рис. 2.7). Согласно материалам двух обследований¹³⁶, если в 2012–2024 гг. в среднем каждая страна «семерки» продвинулась вверх по рейтингу ГИИ на 6 позиций, то в альянсе БРИКС+ — на 14 позиций¹³⁷. Хотя в 2024 г. среднее место в рейтинге по «семерке» — 12-е, а по «десятке» — 59, КНР обогнала многие РГ, в т. ч. Францию, Японию, Канаду, Италию, заняв 11 место.

¹³⁶ Хотя в обследовании 2012 г. учитывалась 141 страна, а 2024 г. — 133 страны, их результаты в целом сопоставимы, так как нами исследовались *соизменения* в двух группах стран.

¹³⁷ Египет — на 17 позиций, КНР — на 23, Индия — на 25, Иран — на 40, Индонезия — на 46 позиций.

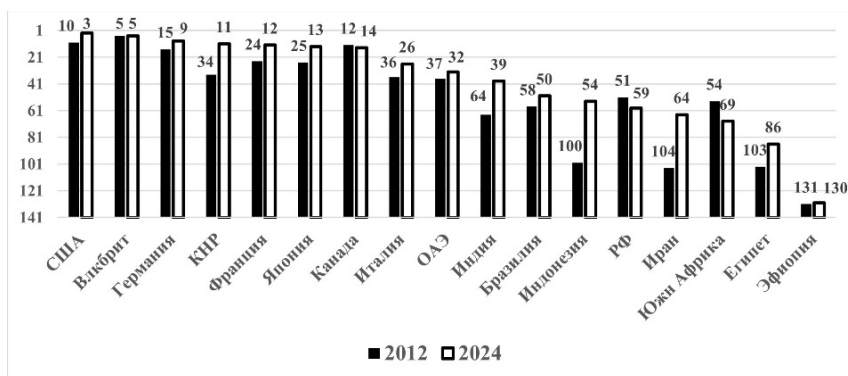


Рис. 2.7. Изменение места стран G7 и G10 в Глобальном инновационном индексе (ГИИ), 2012 и 2024 гг.

Составлено по: Global Innovation Index. The WIPO. Geneva. 2012. P. XVIII-XIX. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf (accessed 30.03.2025); Global Innovation Index. The WIPO. Geneva. 2024. P. 18. <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en> (accessed 30.03.2025).

Расчеты, произведенные нами по нижеприведенной модели (рис. 2.8), показывают, что, **если в семерке РГ в 2000–2024 гг. вклад совокупной факторной производительности (СФП) в прирост ВВП достигал в среднем $\frac{1}{4}$, то в целом по десятке стран БРИКС+ он был намного больше — $\frac{2}{5}$ и даже по скорректированным данным — $\frac{1}{3}$** . Опережение десяткой РС семерки РГ по вкладу совокупных факторных затрат почти на $\frac{9}{10}$ было связано с превосходством БРИКС+ над G7 по вкладу физического капитала. А опережение странами БРИКС+ семерки РГ по вкладу СФП полностью определялось вкладом производительности труда (ПТ)¹³⁸, который на треть был обеспечен передислокацией рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью.

¹³⁸ При этом падение капиталоотдачи в десятке стран БРИКС+, возможно, вследствие избыточного наращивания капиталовложений, прежде всего в КНР, было больше, чем в семерке РГ.

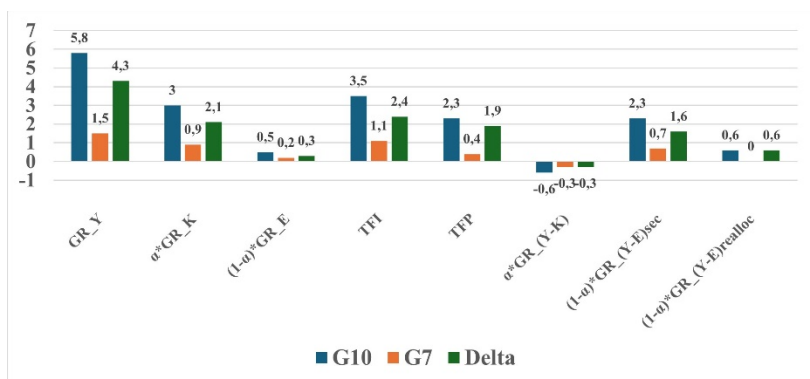


Рис. 2.8. Факторы опережающего роста G10 над G7, 2000–2024 гг., п.п.

Примечания. 1. Рассчитано по следующей формуле:

$$GR_Y = \alpha \cdot GR_K + (1 - \alpha) \cdot GR_E + \alpha \cdot GR_{Y-K} + (1 - \alpha) \cdot GR_{(Y-E)sec} + (1 - \alpha) \cdot GR_{(Y-E)realloc},$$

где GR_Y , GR_K , GR_E — среднегодовые темпы прироста (СГТП) ВВП, физического (основного) капитала, занятости;

$\alpha \cdot GR_K$, $(1 - \alpha) \cdot GR_E$, $\alpha \cdot GR_{(Y-K)}$, $(1 - \alpha) \cdot GR_{(Y-E)sec}$, $(1 - \alpha) \cdot GR_{(Y-E)realloc}$ — вклады в прирост ВВП физического капитала, занятости, капиталотдачи, ПТ в основных секторах экономики, ПТ за счет эффекта перемещения рабочей силы в отрасли с более высокой ПТ.

2. TFI и TFP — СГТП совокупных затрат труда и капитала и совокупной факторной производительности.

3. Формулу расчета эффекта перемещения см.: Мельянцев В. А. Сравнительный анализ важнейших параметров и социальных последствий экономического роста: Китай, другие развивающиеся и развитые страны (1980–2010-е гг.). Отв. ред. И. В. Дерюгина. *Экономический рост в странах Востока: Тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Москва: Институт востоковедения РАН. 2020. С. 48.

4. Эластичности роста ВВП по физическому капиталу (α) и занятости ($1 - \alpha$), по нашим расчетам по Penn World Table. 10.01, равны в целом и по семерке РГ и десятке РС соответственно 0,4 и 0,6.

Рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025); Penn World Table. 10.01. <https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en> (accessed 14.02.2025).

В результате в целом за первую четверть XXI века по **уровню СФП десятка стран БРИКС+ в среднем достаточно быстро подтягивалась** к семерке РГ — примерно на 2 % в год, с уровня немногим более $\frac{1}{4}$ до более чем $\frac{2}{5}$ (см. рис. 2.9).

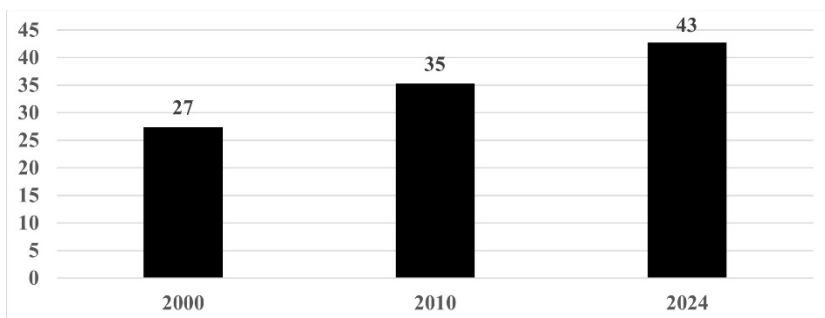


Рис. 2.9. Динамика соотношений уровней совокупной факторной производительности (СФП) G10 и G7, 2000–2024, %

Рассчитано по источникам: DataBank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025); Penn World Table. 10.01. <https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en> (accessed 14.02.2025) по следующей формуле:

$$TFP_{it} / TFP_{jt} = (Y_{it} / Y_{jt}) \cdot [(E_{jt} / E_{it})^{0.6}] \cdot [(K_{jt} / K_{it})^{0.4}],$$

где TFP_{it}/TFP_{jt} , Y_{it}/Y_{jt} , E_{jt}/E_{it} , K_{jt}/K_{it} — соответственно соотношение уровней совокупной факторной производительности, ВВП, занятости и физического капитала (ФК) десятки стран БРИКС+ (i) и семерки РГ (j) в год t . Эластичности выпуска ВВП по занятости и капиталу такие же, как и в модели на рис. 2.8.

Основные факторы торможения экономического роста в странах БРИКС+¹³⁹

Замедление экономического роста в странах БРИКС+ с начала 2010-х гг. (по данным Всемирного банка, СГТП ВВП сократился более чем на четверть — с 7 % в 2000–2010 гг. до 4,9 % в 2010–2024 гг.¹⁴⁰) вызвано не только накоплением ошибок и диспропорций в моделях их экономического роста¹⁴¹, но — и во многом — обострением долгосрочных структурных проблем в РГ (связанных в т. ч. со старением населения, рабочей

¹³⁹ Исследование факторов торможения роста ВВП и производительности в РГ — тема специального исследования.

¹⁴⁰ По скорректированным данным, СГТП ВВП в целом по БРИКС+ снизился на треть — с 6,5 до 4,3 %.

¹⁴¹ Например, в КНР и ряде других стран БРИКС+ — относительное перенакопление физического капитала и в целом недостаточное для быстрого экономического роста инвестирование в развитие человеческого капитала (ЧЛК).

силы и основного капитала) и возникших у них после мирового финансового кризиса конца 2000-х гг. серьезных финансово-экономических дисбалансов. РГ, теряя конкурентные преимущества, стали ограничивать приток товаров из РС, вводить против многих из них санкции, а США практически объявили большинству стран мира торговую войну, от которой и РГ и РС в краткосрочном и среднесрочном планах могут сильно пострадать.

Расчеты показывают (см. рис. 2.10), что **торможение экономического роста в десятке стран БРИКС+ произошло в гораздо большей мере (на $\frac{4}{5}$) за счет уменьшения вклада внешнего спроса**, чем в результате снижения вклада внутреннего спроса (на $\frac{1}{5}$)¹⁴².

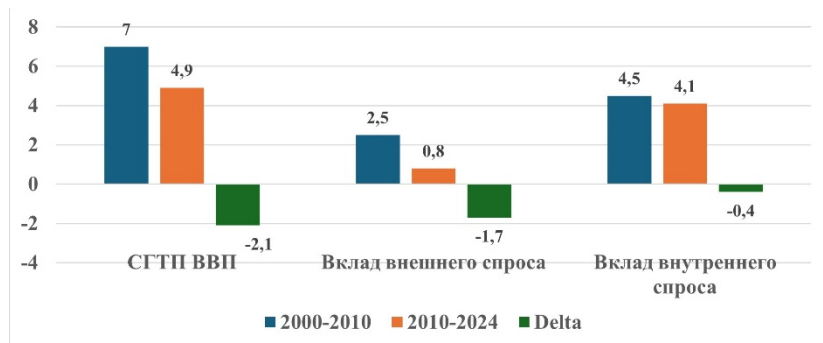


Рис. 2.10. БРИКС+, 2000–2010 и 2010–2024 гг.: вклад факторов внешнего и внутреннего спроса в торможение среднегодового темпа прироста ВВП, %

Рассчитано по: DataBank. The World Bank по формуле Э. Мэддисона:

$$GRY_i - GRY_j = [GRX_i \cdot \text{avg}(X_i / Y_i) - GRX_j \cdot \text{avg}(X_j / Y_j)] + \\ + \{[(GRY_i - GRX_i \cdot \text{avg}(X_i / Y_i)) - (GRY_j - GRX_j \cdot \text{avg}(X_j / Y_j))]\},$$

где GRY_i и GRY_j и GRX_i и GRX_j — среднегодовые темпы прироста ВВП и физического объема экспорта товаров и услуг в среднем по десятке стран БРИКС+ (i) и семерке РГ (j), $\text{avg}(X_i / Y_i)$ и $\text{avg}(X_j / Y_j)$ — средневзвешенные за период показатели доли экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно по десятке стран БРИКС+ и семерке РГ.

¹⁴² При расчете по скорректированным данным соотношение «спросовых» факторов торможения экономического роста в «десятке» стран БРИКС+ не меняется.

Снижающуюся эффективность капиталовложений, во многом обусловленную не только (а возможно) и не столько внутренними, сколько внешними факторами, о которых говорилось выше, ряд стран БРИКС+ стремились компенсировать сохранением высокой/возросшей нормы (доли в ВВП) капиталовложений (см. табл. 2.2) — в Индии 30–32 %, в КНР показатель увеличился с 38–39 % в 2000–2010 гг. до 42–43 % в 2011–2024 гг., в Индонезии — с 23–24 до 31–32 %, в Эфиопии — с 25–26 до 33–34 %.

Таблица 2.2

Влияние вклада нормы капиталовложений и их эффективности на торможение экономического роста в десятке стран БРИКС+ в 2011–2024 гг. по сравнению с 2000–2010 гг.

	y (%)	m (%)	f (относ. единицы)
2011–2024 гг., A	4,9	33,2	0,147
2000–2010 гг., B	7,0	28,8	0,243
A / B	0,7	1,15	0,60
L _n	–0,36	0,14	–0,50
%	100	–39	139

Примечания см. табл. 2.1.

Рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

Согласно расчетам по официальным данным, **коэффициент предельной капиталоемкости роста ВВП¹⁴³ (КПКР ВВП) по десятке стран БРИКС+ повысился** на $\frac{2}{3}$ (с 4,1 в 2000–2010 гг. до 6,8 в 2011–2024 гг.), а по скорректированным данным — на $\frac{3}{4}$ (с 4,4 до 7,7). Однако, хотя **эффективность капиталовложений в целом по странам БРИКС+ стала в тенденции снижаться, она в 2011–2024 гг. была примерно на $\frac{3}{4}$ (!) выше** (а КПКР ниже), **чем по семерке РФ**.

По нашим расчетам, как по официальным данным (см. рис. 2.11), так и скорректированным расчетам, весьма заметное торможение экономического роста в десятке стран БРИКС+ начиная с 2010-х гг. примерно наполовину вызвано уменьшением вкладов как совокупных факторных затрат

¹⁴³ Это — напомним — показатель обратный показателю эффективности капиталовложений.

(причем на 40 % — основного капитала, на 60 % — занятости), так и СФП (причем в такой же пропорции — на 40 % в результате увеличения темпов снижения капиталоемкости и на 60 % — уменьшения темпов прироста ПТ).

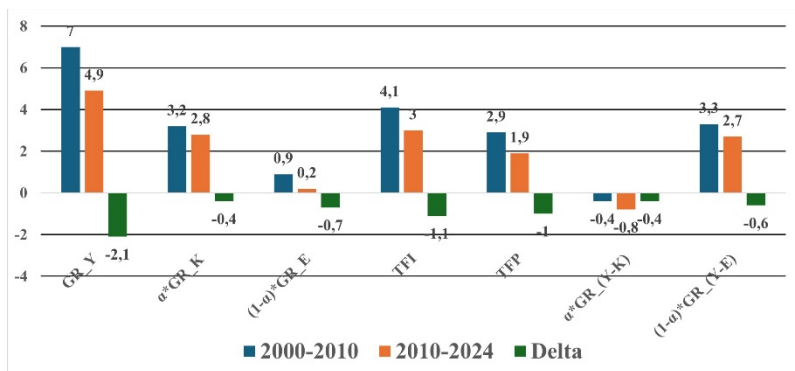


Рис. 2.11. G10: факторы торможения роста ВВП в 2010–2024 гг. по сравнению с 2000–2010 гг., п.п.

Рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025); Penn World Table. 10.01. <https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en> (accessed 14.02.2025).

При этом, однако, доля вклада СФП в приросте ВВП при расчете по официальным данным осталась примерно на уровне $\frac{2}{5}$, а при расчете по скорректированным данным она сократилась весьма заметно — на $\frac{1}{5}$ — с 37 до 30 %. Но при обоих вариантах расчетов **абсолютный и относительный вклады СФП в приросте ВВП в целом по группе БРИКС+ в 2010–2024 гг. (в основном благодаря КНР, Индии и Индонезии) оставались существенно выше, чем по семерке РГ**¹⁴⁴.

Финансовые, экологические и социальные последствия экономического роста стран БРИКС+

В целом весьма впечатляющий, хотя неравномерный по разным странам, экономический прогресс БРИКС+ имел как

¹⁴⁴ По скорректированному варианту расчетов, **абсолютный вклад СФП в приросте ВВП в 2010–2024 гг. в десятке РС был выше, чем в семерке РГ более чем вчетверо (1,3 % vs 0,3 %), а относительный вклад — более чем в полтора раза (30 % vs 18 %)**. Рассчитано по источникам к рис. 2.11.

позитивные, так и негативные последствия. Среди неблагоприятных моментов стоит отметить немалый рост совокупного долга ¹⁴⁵, увеличение «экологического следа» ¹⁴⁶ и сохранение — а в ряде стран в отдельные периоды усиление — социального неравенства.

Вследствие разных причин, в т. ч. быстрого, в немалой мере несбалансированного экономического развития стран БРИКС+, а также особенностей социальной эволюции таких стран БРИКС+, как Южная Африка и Бразилия¹⁴⁷, в последние 10–15 лет в среднем по странам БРИКС+ **уровень неравенства распределения по доходам** оказался несколько выше, чем по семерке РГ, а **по богатству**, хотя он и ниже, чем в среднем по семерке РГ, имел существенную тенденцию к росту (см. рис. 2.12).

Благодаря прежде всего усилиям КНР и Индии, **доля критически бедного населения** в целом по десятке РС уменьшилась с начала 2000-х по начало 2020-х гг. более чем в пять раз — с 1/2 до менее 1/10, а **доля небедного населения** (критерий — дневное подушевое потребление более 6,85 долл. в ППС

¹⁴⁵ В частности, если в стране-лидере семерки РГ — в США — **отношение совокупного (частного + государственного) долга к ВВП** выросло, по уточненным данным, в 2004–2024 гг. немногим более чем на 1/10 (с 221 до 249 %), то в экономическом лидере десятки БРИКС+ — в КНР — рассматриваемый показатель более чем удвоился, увеличившись с 142 до 292 % ВВП. Рассчитано по: Wolf M. The Old Global Economic Order Is Dead. *The Financial Times*. 06.05.2025 <https://www.ft.com/content/49e38ee8-f37e-47da-8ee4-1631175d2224> (accessed 06.05.2025); 2024 Global Debt Monitor. *The IMF*. <https://www.imf.org/external/datamapper/GDD/2024%20Global%20Debt%20Monitor.pdf> (accessed 05.04.2025).

¹⁴⁶ Если в целом по семерке РГ, в которых ведущую роль в экономике играет сфера услуг и которые в последние три-четыре десятилетия осуществляли активный трансферт «грязноемких» производств в РС, происходило уменьшение эмиссии CO₂, и ее отрицательный вклад в мировой прирост двуокиси углерода вырос с -7 % в 2000–2010 гг. до -37 % в 2011–2023 гг., то в целом по странам БРИКС+, в которых происходят интенсивные процессы индустриализации и урбанизации, их доля в мировом приросте эмиссии CO₂ выросла соответственно с 83 до 118 %, в т. ч. по КНР — с 66 до 82 %. Рассчитано по источникам к рис. 2.1.

¹⁴⁷ Коэффициенты Джини по распределению доходов в них одни из самых высоких в мире: в Бразилии не менее 50 %, в Южной Африке — не менее 60 %. См. DataBank. *The World Bank*. <https://databank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

2017 г.) увеличилась почти вчетверо — примерно с 14 до 53 %. Но бедные по этому же критерию все еще составляют 60–90 % населения в Египте, Южной Африке, Индонезии, Индии и Эфиопии¹⁴⁸.

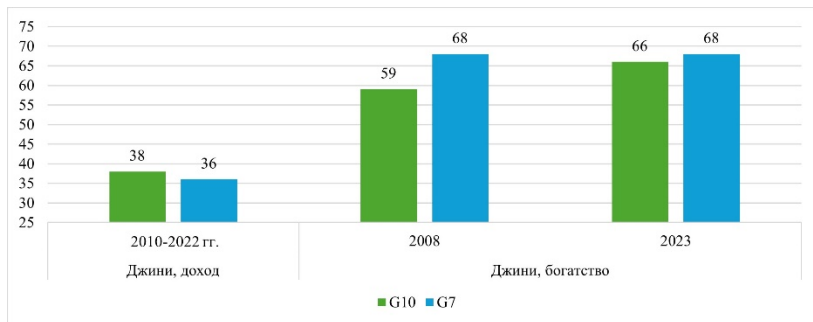


Рис. 2.12. G10 и G10: Коэффициент Джини (КД) по распределению доходов и богатства, %

Примечание. КД изменяется от 0 до 100 % (максимальный уровень неравенства).

Расчеты и оценки автора по источникам к рис. 2.1, а также: Global Wealth Report, 2024. UBS, 2024. Zurich. P. 21. <https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/insights/global-wealth-report.html> (accessed 20.03.2025); Global Wealth Databook, 2023. UBS. 2023. Zurich. P. 145. <https://rev01ution.red/wp-content/uploads/2024/03/global-wealth-data-book-2023-ubs.pdf> (accessed 20.03.2025).

По нашим расчетам и оценкам, если в целом по семерке РГ в 2000–2023/2024 гг. **среднее число лет обучения взрослого населения** выросло менее чем на $\frac{1}{3}$, до 13–14 лет, то по десятке РС — более чем на $\frac{2}{5}$, до 8–9 лет. Правда, разрыв по этому параметру — примерно на $\frac{2}{5}$ — еще весьма существенный. За рассматриваемый период страны БРИКС+ заметно подтянулись к уровню семерки РГ по **средней продолжительности предстоящей жизни от рождения**: разрыв уменьшился с 11 лет (67 vs 78 лет) до 7 лет (74 vs 81 год)¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Рассчитано по: DataBank. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).

¹⁴⁹ Рассчитано по: Human Development Report, 2001. The UNDP. New York. 2001. P. 52–55. <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2001en.pdf> (accessed 25.03.2025); Human Development Report, 2023/2024. The UNDP. New York. 2024. P. 274–276. <https://>

В 2000–2024 гг. **индекс человеческого развития (ИЧР) в десятке стран БРИКС+ рос быстро, хотя и с весьма низкого уровня, среднегодовым темпом более чем втрое более высоким, чем по семерке РГ** (2,6 % vs 0,8 %), увеличившись с $\frac{1}{3}$ до более чем $\frac{1}{2}$ от среднего параметра по последней. За рассматриваемый период ИЧР в странах БРИКС+ повысился весьма существенно — более чем в полтора раза — не только в КНР, но и в большинстве стран БРИКС+ (в Индии, Египте, Иране, Эфиопии, Индонезии)¹⁵⁰.

В результате того, что, по имеющимся данным, в целом по десятке РС СГТП индекса социального прогресса (ИСП)¹⁵¹ в 2011–2023 гг. оказался примерно в десять раз выше, чем по семерке РГ (соотв. 1,1 % vs 0,1 %), **по уровню ИСП отношение альянса БРИКС+ к семерке РГ выросло с $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$** ¹⁵².

Заключение

Альянс стран БРИКС+ добился в целом весьма весомых и масштабных экономических успехов не только вследствие расширения в несколько этапов числа его участников (что само по себе очень важно), но и сравнительного быстрого их экономического роста. **В каждой из десятки стран БРИКС+ среднегодовой темп прироста (СГТП) ВВП с начала века был не менее чем в 1,5–2 раза выше, чем в целом по**

hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reporten.pdf (accessed 25.03.2025).

¹⁵⁰ Рассчитано по: DataBank. The World Bank. Available at: <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025); Human Development Report, 2001. The UNDP. New York. 2001. P. 52–55. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2001en.pdf> (accessed 25.03.2025); Human Development Report, 2023/2024. The UNDP. New York. 2024. P. 274–276. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reporten.pdf> (accessed 25.03.2025).

¹⁵¹ Это композитный показатель, отражающий достижения в обеспечении первейших жизненных потребностей, прогресс в сфере здравоохранения, образования, информационно-культурной сфере и экологии.

¹⁵² Рассчитано по: Social Progress Index Time Series. The Social Progress Imperative. Washington, D.C. 2022. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index-time-series> (accessed 25.03.2025); 2024 Social Progress Index Scorecards. The Social Progress Imperative. Washington, D.C. 2024. <https://www.socialprogress.org/2024-social-progress-index> (accessed 25.03.2025).

семерке РГ. В последних, несмотря на достижения научно-технического прогресса (во многом вследствие заметного старения населения, рабочей силы, основного капитала, а также снижающейся эффективности госуправления), средние темпы роста ВВП оказались ниже, чем полтора-два века назад.

Существенное — четырех-пятикратное — опережение десяткой стран БРИКС+ семерки РГ по средним темпам прироста ВВП и ПВВП за последние два с небольшим десятилетия произошло отнюдь не только и не столько вследствие их в целом низкого исходного уровня развития¹⁵³, сколько во многом **за счет повышения эффективности госуправления, выбора рядом крупнейших азиатских стран (КНР, Индия, Индонезия) стратегии экспортоориентированной индустриализации, значительного наращивания доли вложений в физический и человеческий капитал, а также прогресса в инновационном развитии.**

В целом за рассматриваемый период **опережение десяткой БРИКС+ семерки РГ по динамике экономического роста было вызвано** не только экстенсивными факторами, но, как показали расчеты, **более чем на $\frac{2}{5}$ — интенсивными факторами**, их сравнительно более высоким уровнем эффективности капиталовложений, динамичным ростом производительности труда и совокупной факторной производительности (СФП; **темпы ее прироста в среднем по десятке стран БРИКС+ были почти в 5 раз выше, чем по семерке РГ**).

Во многом за счет динамичного и масштабного роста Китая и Индии, обеспечивших за без малого четверть века почти $\frac{4}{5}$ (соответственно $\frac{3}{5}$ и $\frac{1}{5}$) прироста ВВП десятки, **страны БРИКС+ перегнали семерку РГ по объему ВВП — на треть, по промышленному производству — более чем вдвое, обогнали их также по стоимости экспорта высокотехнологичных товаров и достигли свыше $\frac{2}{5}$ и $\frac{1}{2}$ планки семерки РГ соответственно по уровню СФП и ИЧР.**

Торможение экономического роста стран БРИКС+, начавшееся в 2010-е годы, вызвано, как показывают расчеты, в значительной мере **снижением вклада внешнего спроса со стороны медленно растущих РГ**, вводящих все более жесткие ограничения на экспортные товары из стран БРИКС+ и других РС.

¹⁵³ В мире, как известно, много бедных стран, для которых характерен крайне неустойчивый и медленный экономический рост.

Для возобновления динамичного экономического роста странам БРИКС+ целесообразно наряду с активизацией борьбы за новый, более справедливый мировой экономический порядок расширить инвестиционное и торговое экономическое сотрудничество между собой и другими РС, интенсифицировать работу по осуществлению инклюзивных социальных и экономических реформ, направленных на улучшение качества институтов, систем управления, человеческого капитала и расширение емкости внутренних рынков, которое уже во многом происходит в результате сокращения доли бедных слоев населения и повышения его уровня жизни.

Использованная литература и источники

1. Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 1. С. 176–200.
2. Дежина И. Г., Гареев Т. Р. Россия и новые страны БРИКС: перспективы технологической кооперации. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. № 9. С. 113–124.
3. Дейч Т. Л., Усов В. А. Расширение БРИКС: Взгляды Китая и Индии. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 9. С. 30–38.
4. Карпов А. Л. БРИКС и G7: глобальная конкуренция. *Journal of Economic Regulation*. 2024. Т. 15. № 3. С. 59–74.
5. Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Издательство МГУ, 1996. 304 с.
6. Мельянцев В. А. Сравнительный анализ важнейших параметров и социальных последствий экономического роста: Китай, другие развивающиеся и развитые страны (1980–2010-е гг.). Отв. ред. Дерюгина И. В. *Экономический рост в странах Востока: Тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 17–32.
7. Bose P., Biswas S. Decoding India's Growth Slowdown. *The Hindu*. 11.01.2025. <https://www.thehindu.com/business/Economy/decoding-indias-growth-slowdown/article69080910.ece> (accessed 12.03.2025).
8. Coyle D. *The Measure of Progress. Counting What Really Matters*. Princeton: Princeton University Press. 2025. 307 p.
9. Khalaf R. China Is Not Alone in Having Unreliable Growth Data. *The Financial Times*, 17.01.2024. <https://www.ft.com/content/187e4183-8e7c-44f3-88c0-444aa0594791> (accessed 24.07.2025).

10. Kumar S., Shahid A., Agarwal M. Is BRICS Expansion Significant for Global Trade and GDP? *BRICKS Journal of Economics*. 2024. Vol. 5. No. 4. P. 5–36. <https://DOI.org/10.3897/brics-econ.5.e139877>
11. Li Zhan. Re-estimating the Growth Rate of the Chinese Economy from a Provincial Perspective by Correcting Two Biases. *Annals of Economics and Finance*. 2024. Vol. 25. No. 1. P. 327–344. <http://aeconf.com/may2024.htm> (accessed 17.01.2025).
12. Rached G., Rodrigues de Sá R.M. BRICS 15 Years On: Challenges and Opportunities for Emerging Countries in the Shifting Global Institutional Landscape. *MGIMO Review of International Relations*. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 26–45. <https://DOI.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-26-45>
13. Subramanian A. India's GDP Mis-estimation: Likelihood, Magnitudes, Mechanisms, and Implications. *CID Faculty Working Paper*. 2019. N 354. Cambridge, 2019. 33 p. <https://www.hks.harvard.edu/centers/cid/publications/faculty-working-papers/india-gdp-overestimate> (accessed 12.03.2025).
14. Wolf M. The Old Global Economic Order Is Dead. *The Financial Times*. 06.05.2025. <https://www.ft.com/content/49e38ee8-f37e-47da-8ee4-1631175d2224> (accessed 06.05.2025).
15. 2024 *Global Debt Monitor*. The IMF. <https://www.imf.org/external/datamapper/GDD/2024%20Global%20Debt%20Monitor.pdf> (accessed 05.04.2025).
16. 2024 *Social Progress Index Scorecards*. The Social Progress Imperative. Washington, D.C., 2024. <https://www.socialprogress.org/2024-social-progress-index> (accessed 25.03.2025).
17. *DataBank*. The World Bank. <https://data-bank.worldbank.org> (accessed 12.03.2025).
18. *Global Economic Prospects, 2025. January*. The World Bank. Washington, D.C. 2025. 226 p. <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/11e10c6d-6587-477b-a69c-f368cfb3a0a4> (accessed 25.03.2025).
19. *Global Innovation Index*. The WIPO. Geneva. 2012. 440 p. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf (accessed 30.03.2025).
20. *Global Innovation Index*. The WIPO. Geneva. 2024. 324 p. <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en> (accessed 30.03.2025).
21. *Global Wealth Databook, 2023*. UBS. Zurich. 2023. 156 p. <https://rev01ution.red/wp-content/uploads/2024/03/global-wealth-databook-2023-ubs.pdf> (accessed 20.03.2025).

22. *Global Wealth Report, 2024*. UBS. Zurich. 2024. 39 p. <https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/insights/global-wealth-report.html> (accessed 20.03.2025).

23. *Human Development Report, 2001*. The UNDP. New York. 2021. 264 p. <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2001en.pdf> (accessed 25.03.2025).

24. *Human Development Report, 2023/2024*. The UNDP. New York. 2024. 309 p. <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reporten.pdf> (accessed 25.03.2025).

25. *Penn World Table. 10.01*. <https://www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/?lang=en> (accessed 14.02.2025).

26. *Social Progress Index Time Series*. The Social Progress Imperative. Washington, D.C. 2022. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index-time-series> (accessed 25.03.2025).

3. Глобализация, ее плоды и тени¹⁵⁴

Imagine all the people sharing all the world,
John Lennon
The winner takes it all, the loser has to fall,
Abba
Please, stop the world. I wanna get off,
Arctic Monkeys

Одна из самых опасных вещей в человеческих отношениях, бизнесе, глобальном управлении — искушение иллюзиями. Сколько людей на планете еще несколько десятилетий назад искренне верили в преимущественно позитивный эффект таких (на самом деле) амбивалентных сущностей и процессов, как глобализация и технологический прогресс?! Многим, даже весьма опытным экспертам, казалось, говоря словами русского классика, что «счастье [было] так возможно, так близко». Ан нет. Что-то, как мы знаем, пошло не (совсем)

¹⁵⁴ Мельянцев В. А., 2022 (С). Глава базируется на публикации автора в: «Страны Востока и Россия в глобальных процессах: коллективная монография». Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 53–67. В ней, написанной тремя годами раньше обобщающего текста, положенного в основу главы 1, более предметно, чем в главе 1, исследуется ряд аспектов влияния глобализации на РС. Значения приведенных параметров могут незначительно отличаться.

так, т. е. почти по Черномырдину: «хотели как лучше, а получилось, как всегда».

Дело в том, что экономический/технологический прогресс, в т. ч. в результате инноваций, улучшения международного разделения и кооперации труда примерно 2,5–3,5 млрд работников (в 1990–2024 гг.), оказался, хотя — справедливо-сти ради признаем — и немалым, но очень нестабильным, неравномерным и неравным. Ряд глобальных проблем (экологическая, эпидемиологическая, долговая, социальное неравенство) стали очень крупными, а геополитическая нестабильность бьет рекорды.

Попробуем, не претендуя на окончательные выводы, уточнить ряд параметров, связанных с динамикой и масштабами экономической глобализации (ЭГ), достижениями экономического прогресса (ЭП) и их неоднозначными последствиями в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС).

Динамика основных составляющих экономической глобализации

Трудно не согласиться с тем, что живем в необычную эпоху колоссальных и быстрых изменений, в существенной мере обусловленных глобализацией (а также взаимосвязанными с ней быстрым НТП, 4-й промышленной революцией, огромными социальными и геополитическими трансформациями).

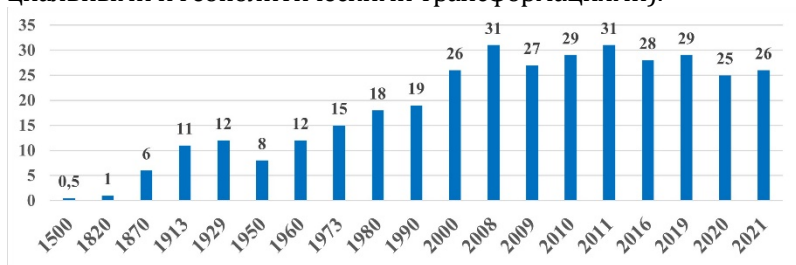


Рис. 3.1. Динамика доли экспорта товаров и услуг в мировом ВВП, 1500–2021 гг., %

Рассчитано и составлено по: World DataBank <http://data-bank.worldbank.org>; IMF Data <http://www.imf.org/external/data.htm>; OECD.Stat <http://stats.oecd.org>; UNCTADstat <http://unctadstat.unctad.org>; Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours. Paris: Gallimard., 1997. Vol. I. P. 99; Bordo M. The Second Era of Globalization Is Not Yet Over: An Historical Perspective. *National Bureau*

of Economic Research. Working Paper No. 23786. Cambridge, MA. 2017. P. 16; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris: OECD.1995. P. 38; Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. New York: Oxford University Press. 2007. P. 379.

Можно обнаружить (см. *рис. 3.1*), что такой важный параметр глобализации, как доля экспорта товаров и услуг в мировом ВВП, не превышавшая в среднем в доиндустриальный период (в наших расчетах в XVI–XVIII вв.) 0,5–1 %, выросла в период первых двух промышленных революций ~ *на порядок* (!), достигнув в среднем в мирные годы (1913, 1929, 1950 гг.) 8–12 %. Но это был явно не предел.

В первые 3–4 десятилетия после Второй мировой войны, т. е. в период реиндустриализации в РГ, начала индустриализации в РС, усиления транснационализации мировой экономики, доля экспорта товаров и услуг в ВВП (ДЭ) на планете более чем удвоилась, достигнув в 1990 г. в среднем и по РГ и РС 18–19 % (см. *рис. 3.1*). Однако последние сильно дифференцированы по этому параметру внешнеэкономической открытости: в 1990 г., например, в среднем по РС Восточной и Юго-Восточной Азии (ВАЗ) он составлял 23–24 %, а по Южной Азии (ЮАЗ) почти втрое меньше ~ 8 %.

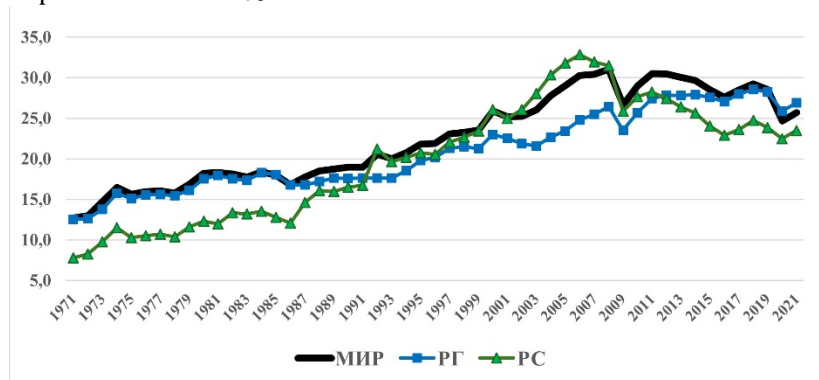


Рис. 3.2. Динамика доли экспорта товаров и услуг в ВВП в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС) в 1971–2021 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 3.1.

В период, который ряд исследователей называют второй фазой глобализации, начавшийся примерно с конца 1980-х гг.

и закончившийся мировым финансовым кризисом (МФК, 2008–2009 гг.), ее активными драйверами стали информационная революция (ИР), интенсификация деятельности ТНК, проведение бывшими странами социализма, Китаем, многими другими РС политики открытости, в т. ч. в результате вступления в ВТО, осуществления программ МВФ и Всемирного банка. В результате ДЭ в мире выросла почти на $\frac{2}{3}$ до $\sim \frac{1}{3}$ (см. рис. 3.2), превысив в ЮАЗ $\frac{1}{5}$ и достигнув в РС ВАЗ почти $\frac{2}{5}$.

Сейчас, когда ведется много разговоров о масштабной (?) деглобализации мировой экономики, связанной с проблемами восстановления экономик после МФК и пандемии, а также начавшимися процессами геополитической поляризации и фрагментации мировой экономики¹⁵⁵, полезно заметить следующее. Основные составляющие ЭГ работают по-разному. Доля притока ПИИ в ВВП (см. рис. 3.3), выросшая в 1990–2007 гг. в целом по миру почти в 5 раз (с 1,1 % до 5,3 %, в т. ч. в РГ — с 1,2 до 5,4 %, в РС — с 0,6 до 3,8 %), сократилась в 2021 г. соответственно в три, четыре и полтора раза до 1,8 %; 1,3 и 2,5 % до уровня начала 2000-х гг. Подчеркнем, что как среднегодовой темп прироста (СГТП) рассматриваемого параметра в целом по миру в фазе быстрой глобализации (в 1990–2007 гг. 9–10 %), так и СГТП его снижения на этапе частичной деглобализации (в 2007–2021 гг. 7–8 %) были рекордными: в 1971–1990 гг. СГТП составлял ~ 4 %.

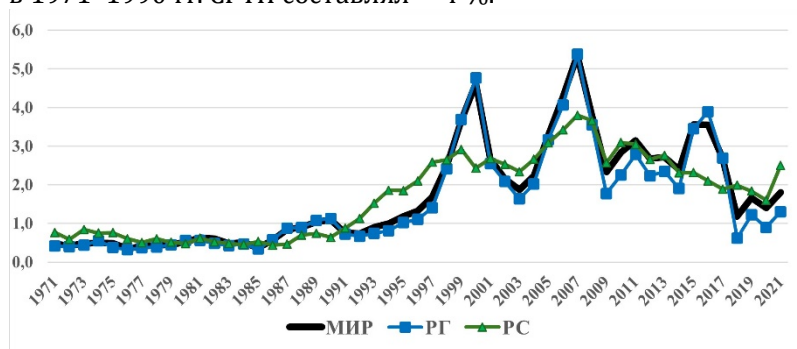


Рис. 3.3. Динамика доли притока ПИИ в ВВП в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС) в 1971–2021 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 3.1.

¹⁵⁵ См.: A More Fragmented World. *The Finance and Development*. 2022. Vol. 59. № 2.

Однако — что важно подчеркнуть — параметр, показывающий *объем накопленных ПИИ, отнесенных к ВВП*, в целом по миру вырос и значительно (см. *рис. 3.4.*). Его СГТП в 2000–2021 гг. был, хотя и почти вдвое меньше, чем в 1980–2000 гг., но, заметим, позитивным и достаточно высоким: 3,6 % vs 6,5 % (по РГ соответственно 4,3 % и 7,8 %; по РС значения показателя ниже, но также положительные: 4 и 2 %).

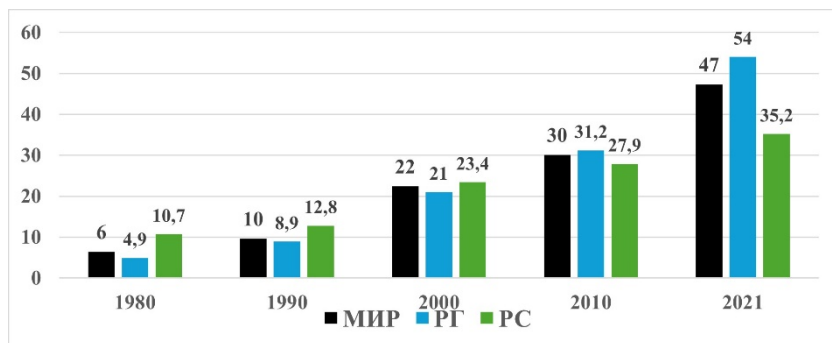


Рис. 3.4. Накопленный объем прямых иностранных инвестиций, отнесенный к ВВП, в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС), в 1980–2021 гг., %
Рассчитано по источникам к рис. 3.1.

Что касается динамики такого параметра ЭГ, как ДЭ, о котором выше уже говорилось, то в 1990–2008 гг. его СГТП в целом по миру (2,8 %) *оказался по абсолютной величине* ~ в 2 раза выше, чем среднегодовой темп ее уменьшения в 2008–2021 гг. (1,3 %). Так что о какой-то стремительной деглобализации по данной составляющей ЭГ (если речь идет обо всем мире) говорить не приходится.

При этом как значительный рост ДЭ, так и последующий ее резкий спад был в большей мере характерен для РС, прежде всего РС ВАЗ (КНР) и ЮАЗ. Так, в РС ВАЗ ДЭ увеличилась с (6,5 % в 1960 г., 8,9 % в 1973 г., 17,3 % в 1980 г.) 23,4 % в 1990 г. до 33,3 % в 2000 г. и 37,6 % в 2008 г. (став почти на $\frac{2}{5}$ больше, чем в РГ = 27,4 % ВВП), а затем сократилась до ~ 22 % в 2021 г. (что ~ $\frac{4}{5}$ от РГ, 27 %).

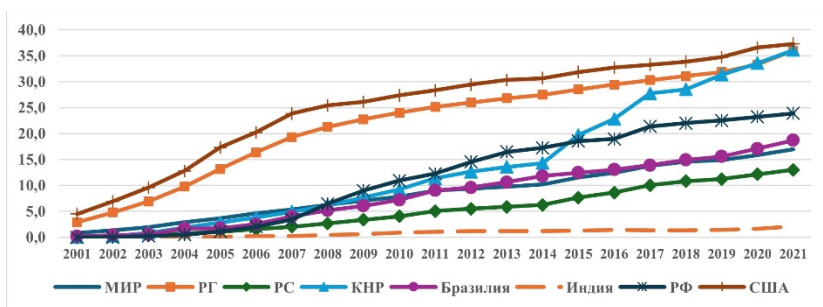


Рис. 3.5. Динамика охвата населения в мире, развитых государствах (РГ) и развивающихся стран (РС) широкополосным интернетом в 2001–2021 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 3.1, а также: ITU Facts and Figures 2021. <https://public.tableau.com/app/profile/itu/viz/ITUfactsandfigures2021/Subscriptions01>.

Вместе с тем, в отличие от ряда других составляющих процесса глобализации¹⁵⁶, такой ее ключевой индикатор/драйвер, как охват населения широкополосным интернетом (см. рис. 3.5), позволяющий активно общаться и взаимодействовать/торговать в режиме онлайн внутри страны и за рубежом, в последние годы, в том числе на этапе частичной деглобализации и в период распространения пандемии, продолжал масштабно увеличиваться¹⁵⁷. При этом, хотя разрыв по этому показателю между РГ и РС почти трехкратный, а между США (свыше 37 %), с одной стороны, Африкой южнее Сахары (АЮС) и Индией (0,9–2,1 %) — с другой, он достигает 20–40 кратной величины, КНР уже практически догнала РГ (36–37 %).

В целом, судя по данным КОФ (см. рис. 3.6), СГТП обобщенного индекса ЭГ в целом по планете, который вырос с 1,1 % в 1970–1990 гг. до 1,3 % в 1990–2008 гг., сократился вчетверо до 0,3 % в 2008–2021 гг. Но, подчеркнем, абсолютного снижения индекса в мире, кроме пандемийного 2020 г., в тенденции

¹⁵⁶ Ряд аспектов такой важнейшей составляющей процесса глобализации, как миграции населения и трудовых ресурсов, в сжатом виде рассмотрена в ряде других работ автора.

¹⁵⁷ См., например, Цветкова Н. Н. Развитие сектора ИТ-услуг в Индии. *Афро-азиатские страны и новые технологии*, 2021. Отв. ред. Н. Н. Цветкова. Москва: Институт востоковедения РАН, 2021. Глава. 4.4.

не происходило. Правда, есть исключения. И одно из них весьма важное. Оно касается одного из главных глобализаторов мира — Китая.

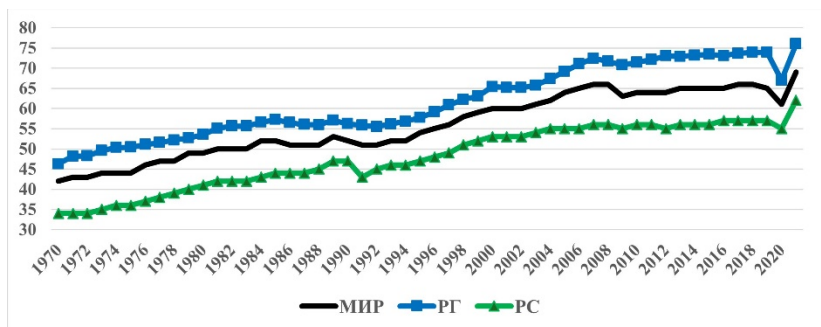


Рис. 3.6. Динамика индекса экономической глобализации (ЭГ) в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС) в 1970–2021 гг., %

Рассчитано по: KOF Globalisation Index <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>.

Показатель ЭГ, увеличившийся с весьма низкого значения в ~ 12 % в 1978 г. и повысившийся к 1990 г. до 20 %, после вступления КНР в ВТО значительно вырос, достигнув накануне МФК 46 %, т. е. он рос с СГТП в 3–4 раза больше, чем весь мир. Однако, после МФК Китай, столкнувшийся с противодействием его внешнеэкономической экспансии со стороны ряда РГ (прежде всего США), принял стратегическое решение, связанное с обеспечением своей экономической безопасности и усилением роли внутренних факторов экономического развития. В результате индекс ЭГ КНР сократился к 2021 г. ~ на $\frac{1}{6}$ до 39 %.

Влияние глобализации на экономический прогресс

Что бы кто ни говорил, подчеркнем, что глобализация (но не гиперфинансиализация¹⁵⁸, начавшаяся с 2000-х гг.) была и во многом остается весьма важным драйвером и детерминантой экономического роста и развития в мире. По нашим

¹⁵⁸ См. Мельянцев В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста в развитых и развивающихся странах. Москва: Издательство «Ключ-С», 2015. С. 30–34.

расчетам, вклад экспорта товаров и услуг в прирост ВВП мира вырос при переходе от доиндустриальной системы производительных сил к индустриальной многократно — с $\sim 2\%$ в 1500–1820 гг. до 8–12 % в 1820–1950 гг. и 23–25 % (в РГ 30–32 %, в РС 16–18 %) в 1950–1980 гг. (см. рис. 3.7). При переходе к постиндустриальной системе и в период последней фазы ЭГ рассматриваемый параметр в целом по планете увеличился в 1980–2007 гг. почти на $\frac{3}{5}$ — до $\frac{2}{5}$ (в РГ 43–45 %, в РС 38–40 %).

Однако МФК и его последствия, нарушения в глобальных цепочках создания стоимости, в т. ч. в результате пандемических и геополитических шоков последнего времени, вводимых странами Запада санкций, усилили тенденцию к торможению роста мирового ВВП и привели к уменьшению вклада экспорта в его прирост *в целом по миру* до уровня, примерно соответствующего периоду 1950–1980 гг. Правда, при этом параметр в целом по РГ оказался более чем на четверть ниже, а по РС — на $\frac{2}{5}$ выше, чем в 1950–1980 гг. и выше, чем по РГ.

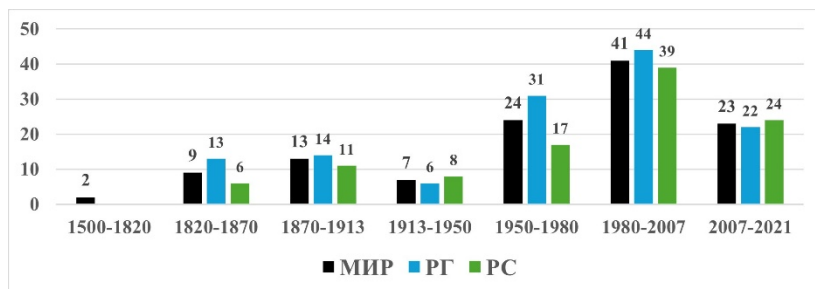


Рис. 3.7. Вклад экспорта товаров и услуг в прирост ВВП в целом по миру, в развитых государствах (РГ) и развивающихся странах (РС) в 1500–2021 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 3.1 по формуле:

$$f = GRX \cdot (avrX/Y) / GRY \cdot 100, \%$$

где f — валовой вклад экспорта товаров и услуг в прирост ВВП,

GRX и GRY — соответственно СГТП физического объема экспорта и ВВП,

$avrX/Y$ — средняя доля экспорта за период.

Глобализация, увеличение роли внешних факторов развития, рост торговли, притока ПИИ в экономику РГ и особенно

РС, интенсификация обмена информацией, технологиями вызвали ряд как позитивных, так и негативных процессов. Но все по порядку.

К числу позитивных феноменов, прямо и косвенно связанных с ЭГ, стоит, среди прочего, назвать распространение во многих десятках РС современного экономического роста, увеличение в них — в тенденции — темпов прироста СФП, резкое снижение абсолютных и относительных масштабов нищеты (прежде всего за счет феноменальных успехов такого гиганта, как Китай)¹⁵⁹, в целом значительный прогресс в системах образования и здравоохранения РС.

По ИЧР РС значительно сократили разрыв с РГ¹⁶⁰. Материалы, приведенные в *рис. 3.8* и *3.9*, могут свидетельствовать о том, что связь между ЭГ и ИЧР в 1990–2010-е гг. стала более тесной: коэффициент детерминации вырос почти вдвое (с 0,34 в 1990 г. до 0,64 в 2019 г.).

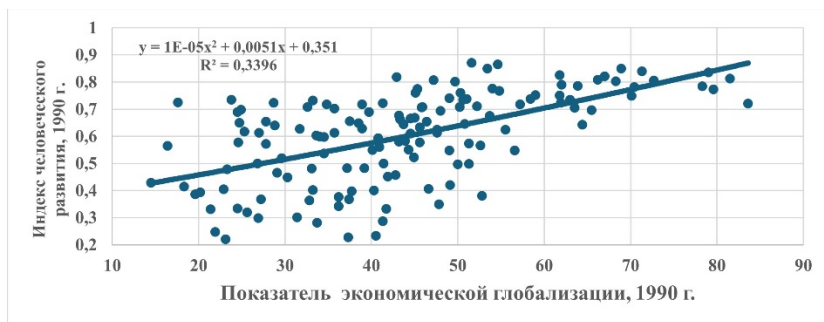


Рис. 3.8. Взаимосвязь показателя экономической глобализации (ЭГ) и индекса человеческого развития (ИЧР), 1990 г.

Рис 3.8 и 3.9 рассчитаны по источникам к рис. 3.1 и 3.6.

¹⁵⁹ См.: Мельянцев В. А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 5. С. 209.

¹⁶⁰ См.: Мельянцев В. А. Современный экономический рост развивающихся стран: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 6. С. 207.

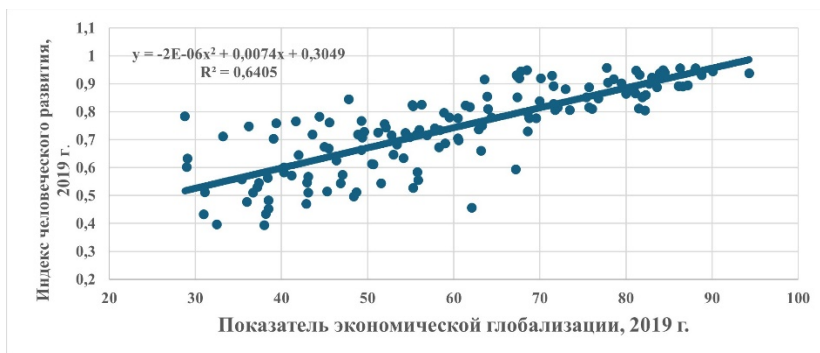


Рис. 3.9. Взаимосвязь показателя уровня ЭГ и ИЧР, 2019 г.

Согласно одной из рассчитанных нами моделей¹⁶¹ по двадцатке крупнейших экономик мира, в 1980–2010-е гг. в среднем более высокий СГТП ПВДП в рассматриваемой группе РС (2,7 %) по сравнению с РГ (1,7 %) определяется на $\frac{1}{3}$ т. н. «преимуществами отсталости» (т. е. догоняющего развития); на $\frac{2}{5}$ — более высоким уровнем совокупных расходов на увеличение физического и основных компонентов человеческого капитала в ВВП у первых (по группе РС показатель в 1980–2016 гг. по сравнению с 1950–1980 гг. вырос в полтора раза, а по РГ — едва ли на $\frac{1}{10}$); более чем на $\frac{1}{5}$ — относительно быстрым увеличением уровня экономической глобализации РС (оценено по материалам KOF).

$$GRY/P_i = -6,23 - 0,04 \cdot Y/P_{80i} + 0,26 \cdot mPKHK_i + 0,03 \cdot \Delta EcGL_i$$

(p=0,003) (p=0,019) (p=0,000) (p=0,093)

F-StatProb = 4,25E-06; R² adj. = 0,78.

Примечание. GRY/P_i — СГТП ПВДП (%),

Y/P_{80i} — ПВДП в 1980 г. в долл. и ППС 2011 г.,

$mPKHK_i$ — средняя за период доля (норма) вложений в физический и человеческий капитал в ВВП (%),

$\Delta EcGL_i$ — прирост показателя глобализации (по базе данных KOF), п.п.;

i — страна.

Рассчитано по источникам к рис. 3.1 и 3.6.

¹⁶¹ Мельянцев В. А. Современная глобализация и ее воздействие на развитие и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2018. № 1. С. 105.

Тени гиперглобализации

Если глобализация еще в целом позволяет в известной мере соединить шumpетерианские принципы технологического прогресса, эффективности, конкурентоспособности («созидательное разрушение») с бентамовскими принципами максимального блага для максимального числа людей, то гиперглобализация, сложившаяся как феномен на рубеже двух тысячелетий, в основе которой лежит (сверх)финансиализация экономик в РГ и РС, по нашему убеждению, нет. Возникло слишком много — экономических, финансовых, экологических, социальных и (гео)политических — противоречий, в немалой мере экзистенциально угрожающих человечеству.

Прежде всего, *нестабильность роста подушевого ВВП (ПВВП)*, измеряемая коэффициентом вариации темпов его изменения, выросла, по нашим подсчетам, в целом по миру с 42 % в 1951–1980 гг. до 71 % в 1981–2000 гг. и 90 % в 2001–2021 гг., достигнув в целом по РС 55 %¹⁶², а в РГ, системная жизнеспособность которых относительно снижается, 191 % (!). При этом, что характерно, если в 1950–1980 гг. РГ по *СГТП ПВВП* перегоняли РС на $\frac{2}{5}$ (3,6 % vs 2,6 %), в 1980–2000 гг. — на $\frac{1}{3}$ (2,1 % vs 1,6 %), то в 2000–2021 гг., несмотря на немалые проблемы во многих африканских, арабских и латиноамериканских странах, в целом РС уже многократно обгоняли РГ по *СГТП ПВВП* (3,8 % vs 1,1 %).

Несмотря на углубление МРТ, достижения НТП, *СГТП* совокупной факторной производительности (СФП) в мире, по нашим расчетам, снизился с 1,9 % в 1950–1980 гг. до 0,8 % в 1980–2000 гг., затем несколько повысившись в 2000–2023 гг. до 1,1 %. Но он на $\frac{2}{5}$ ниже, чем в 1950–1970-е гг., что в решающей мере вызвано тем, что, как отмечалось выше, параметр по РГ имел устойчивую тенденцию к снижению: в 1980–2000 гг.

¹⁶² Здесь и далее расчеты выполнены по источникам к *рис. 3.1*, а также материалам из: Мельянцев В. А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 5; Мельянцев В. А. Современный экономический рост развивающихся стран: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 6.

оказался вдвое ниже, чем в 1950–1980 гг. (1,3 % vs 2,5 %), а в 2000–2023 гг. (0,3 %) — вчетверо ниже, чем в 1980–2000 гг. (см. главу 1).

При всех немалых различиях между более успешными азиатскими и менее успешными неазиатскими РС, СГТП СФП в целом по РС вырос, вследствие достижений РС ВАЗ и ЮАЗ в 2000–2023 гг. до 1,7 %, в пять-шесть раз превысив этот важнейший показатель международной конкурентоспособности по РГ (1,7 % vs 0,3 %; см. *рис. 1.12*). И хотя в целом по РС, прежде всего вследствие низкой динамики СФП в неазиатских РС, ее вклад в прирост ВВП еще невелик (в первой четверти XXI в. $\sim 1/3$ ¹⁶³), он вдвое превысил параметр по РГ ($\sim 1/6$), которые, казалось бы, «оседлав НТП», должны были преимущественно расти за счет эффективности¹⁶⁴!

Поскольку финансово-экономические, экологические и ряд аспектов социальной «цены» экономического роста РС (в сопоставлении с РГ) в известной мере освещены в предыдущих главах, считаем целесообразным здесь остановиться всего на одном, но очень важном тезисе.

Переход многих десятков РС, в которых высок и/или существенно повышается уровень внутристранового неравенства распределения доходов, потребления, богатства (что сейчас с тревогой констатируют эксперты из РГ и РС)¹⁶⁵, ***на траекторию т. н. «инклюзивного развития»***, предполагающую ускоренный рост благосостояния малообеспеченных

¹⁶³ Этот показатель сопоставим с соответствующим параметром ныне РГ, когда последние осуществляли индустриализацию в конце XVIII — начале XX в. (см. Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 121).

¹⁶⁴ См. об этом также главу 2.

¹⁶⁵ Согласно одному из докладов о мировом неравенстве, средний доход 10 % самых богатых людей мира превышал доход 50 % беднейшего населения мира в 1820 г. в 18 раз. Этот показатель вырос до 41 раза в 1910 г. и 53 раз в 1980 г., сократившись впоследствии, главным образом в результате успехов догоняющего развития КНР и ряда других РС Азии и соответственно уменьшения *межстранового* неравенства доходов, до 38 раз в 2020 г. Но, подчеркнем, этот параметр разрыва в доходах остается крайне высоким, сопоставимым с его значением накануне Первой мировой войны, в эпоху расцвета колониализма. См.: Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G., et al. World Inequality Report, 2022. New York. 2022. P. 13.

слоев населения, мог бы быть весьма полезен не только с социальной, политической, но и макроэкономической точек зрения. Это могло бы существенно улучшить качество человеческого капитала, повысить степень системной стабильности РС и, наконец, обеспечить рост емкости их внутренних рынков¹⁶⁶.

Как показывают наши расчеты по имеющимся данным Всемирного банка за 2000–2020 гг., корреляционная связь между неравенством в распределении доходов и ростом производительности труда (ПТ) в группе из 23 крупных и средних РС (по которым были сопоставимые данные) оказалась отрицательной, существенной и значимой (см. рис. 3.10; $R = -0,61$, $p = 0,01$).

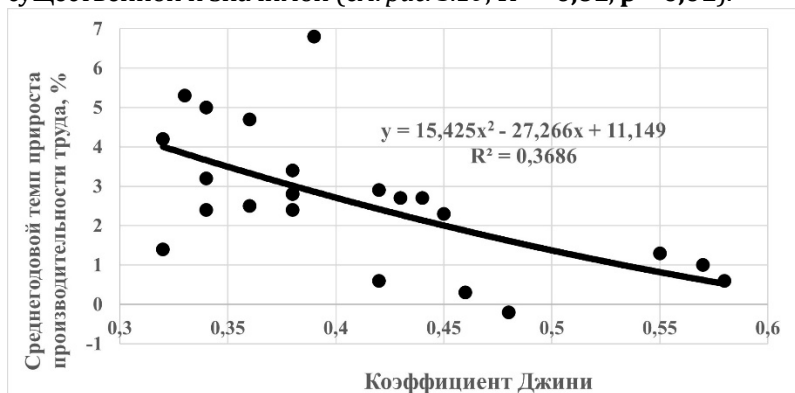


Рис. 3.10. Взаимосвязь уровня неравенства распределения доходов (коэффициент Джини, КД) и среднегодовых темпов прироста производительности труда (СТП ПТ) в развивающихся странах (РС), 2000–2020 гг.

¹⁶⁶ Дискуссию по этой теме см. также: Акимов А. В. Неравенство социально-экономического развития: страны и страты. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2002. Глава 2.1; Дерюгина И. В. Неравномерность экономического роста в современных условиях. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2002. Глава 1.1; Цветкова Н. Н. Неравенство в распределении доходов в странах Азии и Африки и роль ТНК. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2002. Глава 2.3.

Примечания. 1. КД (по распределению доходов) — в среднем за период после вычета налогов и предоставления субсидий. Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному). 2. Рассчитано по 23 крупным и средним РС, по которым за период были сопоставимые данные (КНР, Индонезия, Филиппины, Таиланд, РК, Вьетнам, Индия, Пакистан, Бангладеш, Иран, Турция, Египет, РФ, Польша, Нигерия, Эфиопия, ДРК, Южная Африка, Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия, Перу).

Рассчитано по источникам к рис. 3.1.

Согласно нашим расчетам (см. модель ниже), примерно в пять раз более высокий СГТП ПТ в группе из пяти быстрорастущих РС (КНР, Индия, Вьетнам, Бангладеш, Эфиопия) по сравнению с более медленно растущими крупными и средними РС (Южная Африка, Иран, Бразилия, Мексика, Аргентина; 5,2 % vs 1,1 %) определялся примерно на $2/5$ и $1/3$ более низкими значениями у первых соответственно исходного уровня ПТ и неравенства в распределении доходов. То есть, даже с поправкой на действие эффекта А. Гершенкрона — т. н. преимущества отсталости¹⁶⁷, — в данном случае более низкого исходного уровня производительности, рост последней выше, если в стране умеренный и не быстро растущий уровень неравенства распределения доходов.

$$GR_Y/E_i = 7,63 - 0,05 \cdot Y/E_{0i} - 9,07 \cdot GINI_i$$

(p<0,001) (p<0,01) (p=0,02)

F-significance < 0,001; R = 0,77; R² adj. = 0,54.

Примечания. **GR_Y/E_i** — среднегодовой темп прироста ПТ в *i*-й стране в 2000–2020 гг.;

Y/E_{0i} — уровень ПТ в *i*-й стране в 2000 г.;

GINI_i — КД распределения доходов — в среднем за период после вычета налогов и предоставления субсидий.

Рассчитано по источникам к рис. 3.1.

Заключение

Представляется, что определенный уровень самообеспеченности, импортозамещения, поворот к которому после периода интенсивной глобализации, приведшей к возникновению/углублению острых диспропорций и противоречий в

¹⁶⁷ Чем более отсталая страна, тем более вероятно, что, если у нее низкие *общие* (а не только трудовые) издержки производства и не самый плохой инвестиционный климат, она будет расти быстрее экономически более продвинутых стран.

мировом хозяйстве, обозначился в ряде РГ и РС, весьма важен для поддержания экономической безопасности любой страны. Однако, отдавая отчет в минусах глобализации, стоит помнить, что без достаточно интенсивного обмена идеями, информацией, технологиями, трансграничного движения капиталов, людей, товаров и услуг темпы и эффективность экономического роста начнут снижаться, а экономическая и социальная жизнь, особенно в небогатых странах, может примитивизироваться и начать деградировать.

Разумеется, очень многим реалистично мыслящим ученым, политикам и «простым» людям понятно, что **нужна другая глобализация**¹⁶⁸ — на другой основе, ведущая к инклюзивному, более устойчивому экономическому, финансовому, экологическому и социальному развитию подавляющего числа стран мира, которым, даже несмотря на заметный экономический прогресс, по разным — внутренним и внешним — причинам спустя многие десятилетия после обретения независимости так и не удалось стать экономически и технологически развитыми государствами, а острота ряда социально-экономических проблем в них усилилась.

В отличие от нищеты, которую все-таки, опираясь на механизмы (далеко не совершенной) глобализации и экспорто-ориентированной индустриализации (прежде всего в азиатских РС) удалось в целом на планете заметно сократить (в 1981–2024 гг. почти в пять раз до $1/10$ мирового населения), бедность, охватывающая примерно половину населения планеты¹⁶⁹, и во многом обуславливающее ее неравенство зримо присутствуют в нашем мире.

Конечно, люди не ангелы. Жадность, в т. ч. как двигатель прогресса (см. «Басню о пчелах» Б. де Мандевиля, 1714 г.),

¹⁶⁸ Rodrik D. A Better Globalization Might Rise from Hyper-Globalization's Ashes. *Project-Syndicate*. 09.05.2022. <https://www.project-syndicate.org/commentary/after-hyperglobalization-national-interests-open-economy-by-dani-rodrik-2022-05>; Stiglitz J. Getting Deglobalization Right. *Project-Syndicate*. 31.05.2022. <https://www.project-syndicate.org/commentary/deglobalization-and-its-discontents-by-joseph-e-stiglitz-2022-05>.

¹⁶⁹ За рассматриваемый период доля бедного населения и в целом по миру и в РС уменьшилась всего на треть. Рассчитано по: Poverty headcount ratio at \$8.30 a day (2021 PPP) (% of population). The World Bank. Data-Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

очень даже им присуща. При этом достаточно многим из них и во многих странах — сверх всякой меры. Ведь говорят же: много денег не бывает. Или: счастье не в деньгах, а в их количестве.

Да, определенный уровень неравенства в доходах и богатстве, обусловленный в т. ч. различной конкурентоспособностью разных стран, компаний и людей, — нравится нам или нет — естественен и даже необходим, в т. ч. для накопления капитала, экономического роста и развития. Хотя бы потому, что, как известно, «за равный труд — равная оплата, а за неравный труд¹⁷⁰ — неравная оплата».

Однако сколько царств и государств, в конечном счете, рухнуло из-за неуёмной алчности, в большей мере нежелания, чем неумения элит демпфировать социальные проблемы, разрабатывать и претворять в жизнь эффективные (инклюзивные) стратегии развития! При этом нельзя не видеть, что происходящее на наших глазах взрывное распространение трудосберегающих инфо- и других технологий, в т. ч. робототехники и искусственного интеллекта, при отставании в развитии систем управления и социального обеспечения, адекватной, ускоренной подготовки и переподготовки кадров могут усилить дифференциацию стран мира (что, в принципе, и происходит) на небольшое число успешных и множество менее успешных стран, привести к заметной социальной поляризации, особенно в последней группе стран.

Использованная литература и источники

1. Акимов А. В. Неравенство социально-экономического развития: страны и страты. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Глава 2.1.

2. Дерюгина И. В. Неравномерность экономического роста в современных условиях. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Глава 1.1.

3. Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Издательство Московского университета, 1996. 304 с.

¹⁷⁰ Напомним, что менеджеры, предприниматели, как правило, трудятся и рискуют намного больше, чем «простые» работники.

4. Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). Москва: Издательство «Ключ-С», 2009. 216 с.
5. Мельянцев В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста в развитых и развивающихся странах. Москва: Издательство «Ключ-С», 2015. 80 с.
6. Мельянцев В. А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 5. С. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3.
7. Мельянцев В. А. Современная глобализация и ее воздействие на развитые и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2018. № 1. С. 98–119.
8. Мельянцев В. А. Современный экономический рост развивающихся стран: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. № 6. С. 203–212. DOI: 10.31857/S086919080017343-4.
9. Цветкова Н. Н. Развитие сектора ИТ-услуг в Индии. *Афро-азиатские страны и новые технологии*, 2021. Отв. ред. Н. Н. Цветкова. Москва: Институт востоковедения РАН, 2021. Глава 4.4.
10. Цветкова Н. Н. Неравенство в распределении доходов в странах Азии и Африки и роль ТНК. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Глава 2.3.
11. A More Fragmented World. *The Finance and Development*. 2022. Vol. 59. No. 2.
12. Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours. Paris: Gallimard. 1997.
13. Bordo M. The Second Era of Globalization Is Not Yet Over: An Historical Perspective. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper No. 23786. Cambridge, MA. 2017. doi:10.3386/w23786.
14. Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G., et al. World Inequality Report, 2022. New York, 2022.
15. IMF Data. URL: <http://www.imf.org/external/data.htm>.
16. KOF Globalization Index. URL: <http://globalization.kof.ethz.ch/>.
17. Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris: OECD. 1995. 255 p.

18. Maddison A. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. New York: Oxford University Press, 2007. 418 p.
19. OECD.Stat. URL: <http://stats.oecd.org>.
20. OXFAM. *Inequality Kills*. Summary. Oxford, 2022.
21. Rodrik D. A Better Globalization Might Rise from Hyper-Globalization's Ashes. *Project-Syndicate*. 09.05.2022. <https://www.project-syndicate.org/commentary/after-hyperglobalization-national-interests-open-economy-by-dani-rodrik-2022-05>.
22. Stiglitz J. Getting Deglobalization Right. *Project-Syndicate*. 31.05.2022. <https://www.project-syndicate.org/commentary/de-globalization-and-its-discontents-by-joseph-e-stiglitz-2022-05>.
23. UN. *World Social Report, 2020. Inequality in a Rapidly Changing World*. New York, 2020.
24. UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org>.
25. UNDP. *Human Development Report, 2019, 2020*. New York.
26. World DataBank. URL: <http://databank.worldbank.org>.
27. World Bank. *Global Economic Prospects*. Washington, D.C. 2022, January.

4. Ресурсоемкий/сберегающий экономический рост и развивающиеся страны¹⁷¹

Спасет эффективность, наша приверженность эффективности.

Джозеф Конрад

Нет эффективности. Есть только неучтенные виды затрат.

Ирвинг Крэвис

Ресурсы, как известно, бывают разные, в т. ч. природные, трудовые, предпринимательские, материальные, финансовые, научно-информационные и другие¹⁷². Их дефицит¹⁷³, как, впро-

¹⁷¹ Мельянцев В. А., 2023 (С). Глава базируется на публикации автора в: «Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки: Коллективная монография». Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2023. С. 31–47.

¹⁷² См.: Ресурсы мировой экономики. *Мировая экономика и международные экономические отношения*. Ред. А. С. Булатов. М., 2021. Главы 10–12.

¹⁷³ Основоположник классической политической экономии Уильям Петти, как считается, полагал, что экономика начинается с дефицита. И в этом смысле его наличие (в умеренных дозах) — плюс для развития.

чем, и профицит могут оказывать неоднозначное, в зависимости от обстоятельств амбивалентное (неблагоприятное/благоприятное) воздействие на экономическое и социальное развитие.

В мире для ряда стран и регионов характерен существенный дефицит воды, продовольствия, энергии и других ресурсов. Что составляет сразу несколько глобальных проблем современности¹⁷⁴. В начале 2020-х гг. в АЮС доля населения, испытывавшая *нехватку чистой питьевой воды*, все еще превышала $\frac{1}{3}$. Хотя *доля голодающих* в РС снизилась в последние тридцать лет вдвое до $\frac{1}{10}$, этот показатель в полтора раза и вдвое больше соответственно в Южной Азии (ЮАЗ) и АЮС¹⁷⁵. Бурный экономический рост, индустриализация и урбанизация в таких крупных густонаселенных странах, как Китай и Индия, привели к тому, что за последние сорок лет их *самообеспеченность в энергии* сократились примерно на $\frac{1}{4}$ — соответственно $\sim$ до $\frac{4}{5}$ и менее $\frac{2}{3}$ ¹⁷⁶.

Но бывают сложности и при избытке ряда ресурсов. Например, очень быстрый рост численности населения¹⁷⁷, как

¹⁷⁴ См.: The UNDP. Human Development Report, 2021/2022. Uncertain times, unsettled lives. Shaping our future in a transforming world. New York. 2022.

¹⁷⁵ Рассчитано по источникам к *рис. 4.1*. См. подр.: Дерюгина И. В. Продовольственный кризис в современном мире — некоторые причины и возможные последствия. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 211–223.

¹⁷⁶ Рассчитано по источникам к *рис. 4.1*. Одновременно, несмотря на ряд мер, принимавшихся их правительствами, произошло в целом существенное ухудшение в них экологической обстановки. См. подр.: Новая система производительных сил и страны Востока. Отв. ред. А. В. Акимов, С. А. Панарин. Москва: Институт востоковедения РАН, 2019. О перекосах в развитии других составляющих ресурсного потенциала мира см.: Растяникова Е. В. Неравномерность ресурсного потенциала в мировой добывающей промышленности. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Кн. 1. С. 88–108.

¹⁷⁷ Наше время — очень интересное. АЮС и АС в целом страдают от (все еще) быстрого роста населения, а развитые государства и уже Китай — от сокращения его численности и потери демографического дивиденда. И, несмотря на ряд проведенных сравнительных исследований, не понятно, что с точки зрения устойчивого социально-экономического развития (понимаемого в широком смысле) хуже.

справедливо считается, контрпродуктивен (см. *рис. 4.1*), так как вызывает массу проблем, создавая избыточное давление на другие, в т. ч. природные, ресурсы, ресурсы образования, здравоохранения, социального обеспечения, обостряет проблемы безработицы и неполной занятости населения, а также неравенства распределения доходов.

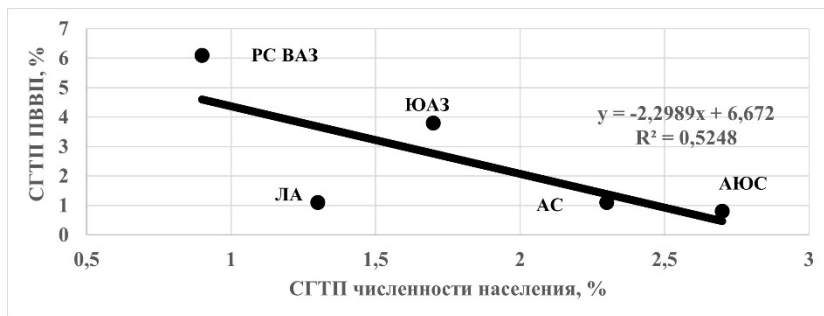


Рис. 4.1. Влияние среднегодовых темпов роста (СГТП) численности населения на СГТП подушевого ВВП (ПВВП) по группе основных регионов развивающихся стран (РС), 1990–2022 гг., %

Графики в *рис. 4.1* и *4.2* рассчитаны по: The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org> (accessed 20.05.2023).

Ресурсное проклятие — есть оно или нет — тема дискуссионная¹⁷⁸. Но есть некоторая закономерность, связанная с тем, что РС, имеющие высокую долю природной ренты в ВВП (*рис. 4.2*) и/или специализирующиеся на экспорте товаров с невысокой степенью обработки, растут обычно медленнее, чем те из них, которые преимущественно экспортируют готовые/высокотехнологичные товары¹⁷⁹.

¹⁷⁸ См.: Капица Л. М. Природные ресурсы и социально-экономический прогресс. *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4. С. 168–186.

¹⁷⁹ См.: Мельянцев В. А. Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 5. С. 194–219.

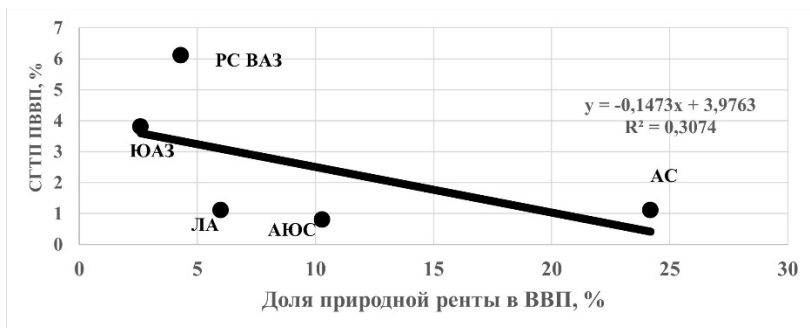


Рис. 4.2. Влияние доли природной ренты в ВВП на среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП (СГТП ПВВП) по группе основных регионов развивающихся стран (РС), 1990–2022 гг., %

Мешает в известном смысле, как представляется, и быстро растущий объем информационных ресурсов, который в результате информационной революции¹⁸⁰ ныне в среднем ежегодно увеличивается чуть ли не на 50 % в год¹⁸¹. Между тем для многих людей на планете, в т. ч. ученых, нехватка информации может быть не столько препятствием¹⁸², сколько стимулом и драйвером их активности, а вот ее избыток может «утопить» даже наиболее продуктивных из них. Вспоминаются известные строфы американско-британского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Т. С. Элиота «Where is the wisdom we have lost in knowledge? Where is the knowledge we have lost in information?»¹⁸³

¹⁸⁰ См. Мельянцев В. А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. Москва: Гуманитарий, 2000.

¹⁸¹ Как гласит сравнительно недавно возникшее изречение, «We are drowning in information, and starving for knowledge».

¹⁸² Говорят, высоко в Гималаях есть надпись: «Научились ли вы радоваться препятствиям?»

¹⁸³ О деньгах как о ресурсе написаны библиотеки. Что бы там ни говорили, их в конечном счете, как известно и как отмечалось выше (глава 3), никогда не бывает много (даже если в отдельные моменты (кому-то и) кажется, что их очень много).

Ресурсоемкие и ресурсосберегающие драйверы роста развивающихся стран

Хотя успехи РС *в целом* немалые, далеко не праздный вопрос, какой ценой — экологической, финансовой и социальной — достигается прогресс¹⁸⁴. Происходит ли он после двух с лишним столетий крупных технологических и институциональных изменений в мире на основе ресурсоемкой, а в какой уже — на основе ресурсосберегающей модели роста, экстенсивных или интенсивных факторов?

Попробуем разобраться, уточнив ряд статистико-экономических параметров.

По нашим расчетам и оценкам (см. *рис. 4.3*), доля *учтенных природных ресурсов* (ПрР)¹⁸⁵, вовлеченных в хозяйственных оборот, в общей структуре *производительного богатства* (ПБ) РГ с начала т. н. современного экономического роста (СЭР)¹⁸⁶ сократилась примерно с 22 % в 1800 г. до 8 % в 1950 г. и 3 % в 2022 г., в то время как общая доля двух наиболее продуктивных компонентов ПБ — *средств производств* (СП) и *невещественного человеческого капитала* (НЧЛК) — увеличилась соответственно с 12 % до 28 и 63 %. То есть, если на заре СЭР в ныне РГ доля ПрР в ПБ превышала общую долю СП и НЧЛК почти вдвое, то ныне (в наших расчетах 2022 г.) она стала примерно в двадцать раз меньше, чем общая доля двух упомянутых компонентов. При этом доля НЧЛК, составлявшая в РГ в 1800 г. не более $\frac{1}{3}$ от соответствующей доли СП, достигла $\frac{1}{2}$ в 1950 г., $\frac{3}{5}$ в 1980 г. и $\frac{4}{5}$ от доли СП РГ в 2022 г., превысив четверть всего ПБ РГ.

¹⁸⁴ Хотя тема не новая, но, учитывая интенсивность и противоречивость происходящих глобальных трансформаций, она заслуживает глубокого и всестороннего исследования.

¹⁸⁵ Иногда называемая природным капиталом.

¹⁸⁶ Начало СЭР ассоциируется многими исследователями со стартом первой промышленной революции.

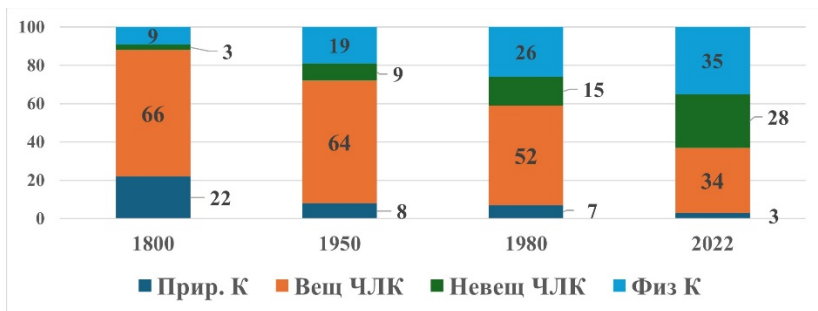


Рис. 4.3. Изменение структуры производительного богатства (ПБ) ныне развитых государств (РГ), 1800–2022 гг., %

Примечания. 1. Исчислено методом инвентаризации различных категорий капитальных и текущих расходов без учета жилья, военного имущества, финансовых активов. Исходные данные Р. Голдсмита о материальном и природном богатстве (капитале) дополнены нашими расчетами и оценками о человеческом капитале по методу Дж. Кендрика¹⁸⁷. 2. Физический капитал (ФК) — капитализированные расходы на оборудование, машины, здания, сооружения. 3. Вещественный человеческий капитал (ВЧЛК) — оценка капитализированных потребительских расходов на формирование рабочей силы без учета затрат на образование и здравоохранение. 4. Невещественный ЧЛК (НЧЛК) — оценка капитализированных расходов на профподготовку, образование, здравоохранение и науку.

Диаграммы на рис. 4.3 и 4.4 рассчитаны по: Goldsmith R.W. Comparative National Balance Sheets. A Study of Twenty Countries, 1688–1978. Chicago: University of Chicago Press. 1985. P. 215–217, 225–226, 231–236, 242–243, 249–251, 254–256, 264–265, 300–301; Goldsmith R. Premodern Financial Systems. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. P. 58, 175, 196; Goldsmith R. Brasil, 1850–1984: Desenvolvimento Finsnceiro sob um Século de Inflação. Rio de Janeiro: Banco Bamerindus do Brasil. 1986. P. 83, 213–214, 320–321; The World Bank. The Changing Wealth of Nations, 2021. Washington, D.C. 2021. P. 446–456; World DataBank (<http://databank.worldbank.org>); UNDP.Data (<http://hdr.undp.org/en/data>); Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 376–383; Meliantsev V. Russia's Comparative Economic Development in the Long Run. *Social Evolution and History*. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 124–125, 127; Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: издательство Московского университета. 1996. С. 120, 141, 197; Мельянцев В. А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. Москва: издательство «Ключ-С». 2013. С. 9, 25–26.

¹⁸⁷ См.: Кендрик Д. Совокупный капитал США и его формирование. М.: Издательство «Прогресс», 1978.

В РС, в массе своей — бывших колониях и зависимых странах, сдвиги в структуре ПБ, несмотря на многие проблемы и известное особенно в последнее время противодействие (в т. ч. в виде санкций и торговых ограничений) их росту со стороны РГ, в целом немалые (см. *рис. 4.4*). Доля ПрР также сократилась, но меньше — с $\frac{1}{3}$ (1800 г.) до $\frac{1}{6}$ (1950 г.) и примерно $\frac{1}{10}$ (2022 г.). А вот суммарная доля двух наиболее продуктивных компонентов ПБ (о которых речь шла выше) выросла намного больше, чем по РГ — почти в семь раз: примерно с 6 % в 1800 г. до 12 % в 1950 г., 25 % в 1980 г. и 40 % в 2022 г. Если в 1800 г. в колониальных и зависимых странах доля ПрР в ПБ более чем в пять раз превышала суммарную долю упомянутых двух компонентов, то в 1980 г. в РС их совокупная доля была выше доли ПрР примерно на $\frac{2}{3}$ (25 %:15 %), а в 2022 г. — более чем вчетверо (40 %:9 %). Правда, доля НЧЛК, бывшая двести лет тому назад — просто мизерной (1 % ПБ (!) и $\frac{1}{5}$ от доли СП (физического капитала, ФК), хотя и увеличилась масштабно, но все еще не дотягивает до половины от доли в ПБ ФК (13 %:27 %).

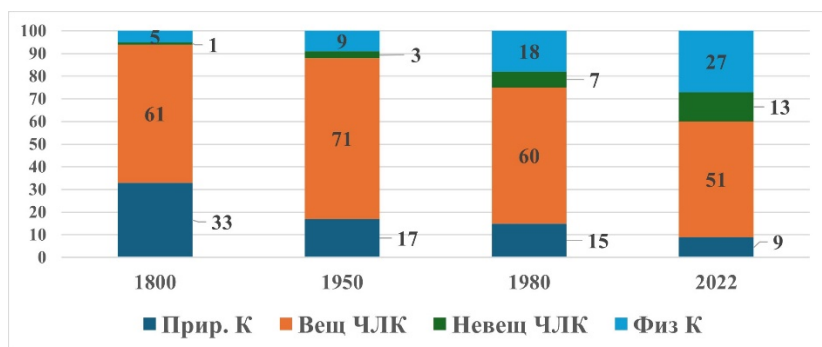


Рис. 4.4. Изменение структуры производительного богатства (ПБ) развивающихся стран (РС), 1800–2022 гг., %

Получается, что прогресс РГ в формировании исторически созданных производительных сил (с 1950 г. и с 1980 г.) происходил в большей мере за счет НЧЛК, а в РС — за счет СП — наращивания физических капиталовложений. Последние очень нужны для развития, но, особенно в наше время, международная конкурентоспособность и экономическая безопасность все более и более зависят от компетентности людей на всех уровнях и их инновационных достижений.

Опираясь на аналитические разработки видных экспертов в области международных сравнений и экономической истории, в т. ч. Э. Мэддисона и П. Бэрока, статистические материалы международных организаций (Всемирного банка, ПРООН), результаты своих исследований, нами по ныне РГ и РС за длительный период рассчитаны СГТП (а) использования важнейших ресурсов в расчете на душу населения (потребления энергии¹⁸⁸, физического (основного) капитала, числа лет обучения взрослого населения); (б) совокупных затрат ресурсов (СЗР), упомянутых выше (а также рабочей силы¹⁸⁹); (в) совокупной факторной производительности (СФП).

Переход к СЗР, начавшийся с промышленной революции в ныне РГ и в РС — в основном после обретения ими политической самостоятельности, в существенной мере связан с увеличением потребления многих видов природных, а также трудовых ресурсов (рабочей силы), ресурсов физического и человеческого капитала (см. *рис. 4.5* и *4.6*).

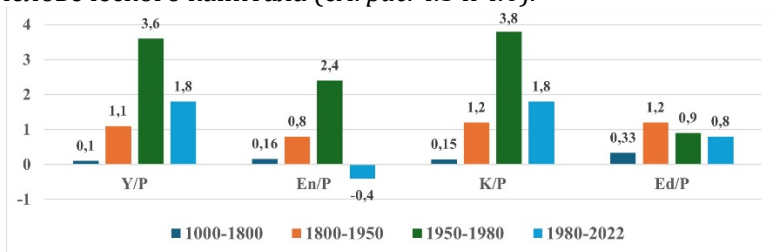


Рис. 4.5. (Ныне) развитые государства (РГ), 1000–2022 гг.: среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП (СГТП ПВВП, **Y/P**), потребления энергии (**En/P**), физического капитала (ФК, **K/P**), числа лет обучения взрослого населения (**Ed/P**), %

¹⁸⁸ Рассчитать динамику суммарного потребления в РГ и РС *всех* природных ресурсов — методологически и практически весьма сложная задача. Ранее нами была предпринята попытка оценить динамику ряда природных ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности (см. Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии. С. 190–191, 201). В данной работе долгосрочные тренды использования природных ресурсов оцениваются — в первом приближении — по динамике потребления одного из их важнейших видов — энергии.

¹⁸⁹ Расчет такого сложного показателя/ресурса, как (невещественный) человеческий капитал (для последующего использования в макроэкономической производственной функции), произведен за последние два века по динамике числа лет обучения взрослого населения, а за ряд столетий, предшествующих промышленной революции, — по имеющимся оценкам грамотности населения.

Примечания к рис. 4.5 и 4.6. 1. Параметры за 1000–1800 гг. — расчетные оценки автора по материалам историко-экономических исследований. 2. В показателях потребления энергии учтены ее современные и традиционные виды.

Диаграммы на рис. 4.5 и 4.6 рассчитаны по источникам к рис. 4.3, а также: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours. Paris: Gallimard. 1997. Vol. 1. P. 97–99, 597; Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: издательство Московского университета. 1996. С. 58, 61, 81–82, 95, 107, 110, 121, 143, 145, 157, 161, 190–191, 198, 201–202, 247–258; Мельянцев В. А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. Москва: Гуманитарий. 2004. С. 48–49; Meliantsev V. Asia's Economic and Social Performance: A Comparative Perspective. *The Stockholm Journal of East Asian Studies*. Center for Pacific Asia Studies. Stockholm University. 2004. Vol. 14. P. 60, 62, 64.

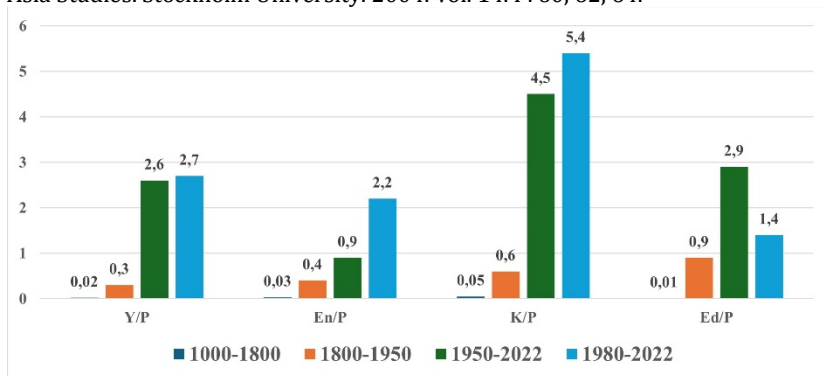


Рис. 4.6. Развивающиеся страны (РС), 1000–2022 гг.: среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП (СГТП ПВВП, **Y/P**), потребления энергии (**En/P**), физического капитала (ФК, **K/P**), числа лет обучения взрослого населения (**Ed/P**), %

Нетрудно заметить, что опережающий рост ПВВП в целом по РС (по отношению к РГ) в последние десятилетия во многом определялся более быстрым у них наращиванием использования практически всех из упомянутых ресурсов, особенно энергетических, а также капитальных. Без этого модернизация отставших стран была бы крайне затруднительна. Однако при недостаточно рациональном/эффективном их использовании в РС возникают серьезные экологические проблемы, растет задолженность (что, кстати, характерно не только для неуспешных, но и для весьма успешных стран, например Китая; см. главы 1 и 2).

Как видно из *рис. 4.5 и 4.6*, одна из острых проблем не только РС, но и, подчеркнем, РГ — явное отставание роста НЧЛК (напомню, у нас он здесь оценивается по среднему числу лет обучения взрослого населения) от прогресса материальных производительных сил, прежде всего физического (основного) капитала. Если в РГ отставание по темпам прироста в последние четыре десятилетия с небольшим было примерно двукратным, то в РС — оно практически четырехкратное. Что, как представляется, сказывается на замедленной динамике экономического роста в РГ и многих РС, а также показателях его эффективности.

Сделанные нами расчеты по *модели расширенной производственной функции*, в которой рост ВВП декомпозирован на эффект, связанный с динамикой совокупных затрат ресурсов (СЗР)¹⁹⁰ и эффект, связанный с изменением СФП, показывают, что, несмотря на определенный прогресс, долгосрочная динамика ВВП в РГ — во многом, а в РС — преимущественно определялась экстенсивными факторами¹⁹¹. Таким образом, хотя по отдельным видам ресурсов, прежде всего трудовым, а также уже по энергетическим, наблюдается увеличение ресурсосбережения (т. е. происходит рост производительности труда и снижение энергоемкости ВВП), даже в РГ не обнаружилась тенденция к снижению *средней капиталоемкости ВВП*. А в целом по группе РС (в результате наращивания нормы капиталовложений)¹⁹² прежде всего в азиатских исполинах — Китае и Индии) среднегодовой темп снижения капиталотдачи вырос почти на $2/5$ — с $-1,9\%$ в 1950–1980 гг. до $-2,7\%$ в 1980–2022 гг.

¹⁹⁰ СГТП использования ресурсов взвешены (за соответствующие периоды) по средним долям компонентов производительного богатства, которые рассматривались выше (см. о методологии расчетов, напр., Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии. Гл. 1). Опираясь на ряд оценок Р. Голдсмита, в наших расчетах мы исходили из того, что в течение ряда столетий, предшествовавших промышленной революции, на долю природного капитала и вещественного ЧЛК приходилось в целом по странам Востока и Юга соответственно примерно $1/2$ и свыше $2/5$, а по Западной Европе $\sim 1/3$ и свыше $3/5$ их производительного богатства.

¹⁹¹ Действительно (см. слова И. Крэвиса в эпитафье), если более полно учитывать разнообразные производственные ресурсы, то на «остаток», т. е. на то, что называется СФП приходится меньшая часть.

¹⁹² О долгосрочной динамике нормы капиталовложений в РГ и РС см.: Мельянцева В. А. Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2.

Если рассматривать *сверхдлинные периоды*, можно обнаружить, что, судя по нашей расширенной модели (см. *рис. 4.7*), в целом по (ныне) РГ в результате технологического прогресса и институциональных изменений, сопутствовавших переходу к современному экономическому росту (СЭР), вклад т. н. *экстенсивных факторов* в рост их ВВП существенно сократился, а *интенсивных*, — напротив, увеличился примерно с $1/10$ в 1000–1800 гг. до почти $2/5$ в 1800–1950 гг. и $1/2$ в 1950–2022 гг. Однако, вследствие ряда причин (в т. ч. потери демографического дивиденда, перемещения существенной части динамичных производств в РС, а также значительной части рабочей силы РГ — в сегменты их сферы услуг с замедленным ростом производительности), в последних СГТП ВВП в целом сократился почти вдвое — примерно с 4,6 % в 1950–1980 гг. до 2,4 % в 1980–2022 гг., а СГТП СФП — почти на $3/5$ (с 2,5 до 1,1 %) ¹⁹³. В результате в среднем по группе РГ ее вклад в прирост ВВП уменьшился — примерно с 54 % до 46 %.

В целом по странам Востока и Юга, ныне относимым к РС, доля интенсивных факторов роста их ВВП в 1000–1800 гг. в тенденции была близка к 0. В период их колониального и полуколониального существования (1800–1950 гг.) эксплуатация их природных и трудовых ресурсов прежде всего странами Запада привела к повышению СГТП СФП до ~ 0,1–0,3 %, что было, однако, втрое-четверо ниже, чем в метрополиях, и в среднем обеспечивало не более $1/5$ роста ВВП стран Востока и Юга.

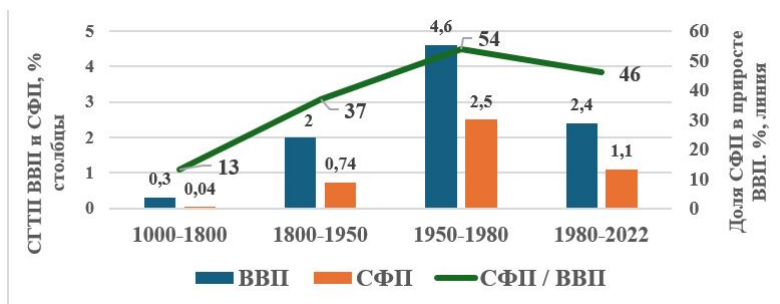


Рис. 4.7. (Ныне) развитые государства (РГ), 1000–2022 гг.: вклад совокупной факторной производительности (СФП) в прирост ВВП, %

¹⁹³ О торможении СФП в РГ за более короткие периоды см. *рис. 1.12* (глава 1).

Примечание. СГТП СФП получен вычитанием из СГТП ВВП СГТП совокупных затрат ресурсов (СЗР). СЗР получен как средневзвешенное по соответствующим долям в производительном богатстве (в среднем за период) значений СГТП четырех ресурсов/факторов: потребления энергии, рабочей силы, физического капитала, среднего числа лет обучения взрослого населения (за 1000–1800 гг. — грамотности населения).

Диаграммы и графики в *рис. 4.7* и *4.8* рассчитаны по данным и источникам *рис. 4.3–4.6*.

Хотя вследствие успеха нескольких десятков РС, включая азиатские НИС, Китай и Индию, доля интенсивных факторов¹⁹⁴ в росте всей группы РС выросла в 1950–2022 гг. примерно до $\frac{1}{3}$, этот показатель в тенденции снизился с немногим менее $\frac{2}{5}$ в 1950–1980 гг. до немногим более $\frac{1}{4}$ в 1980–2022 гг. вследствие серьезных сбоев в механизмах экономического роста во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), Африки южнее Сахары (АЮС) и Латинской Америки (ЛА), не справившихся с вызовами глобализации (см. подр. главы 1, 8, 9).

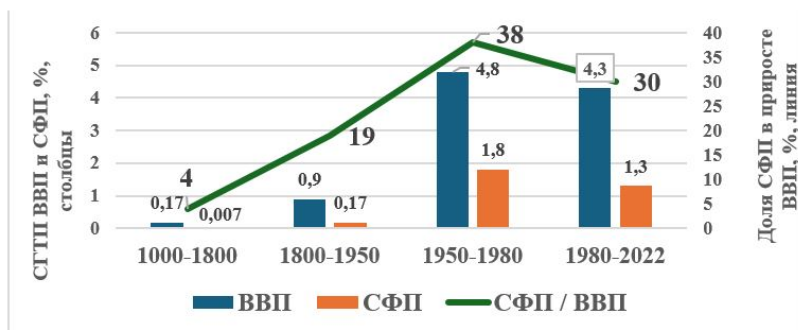


Рис. 4.8. Развивающиеся страны (РС), 1000–2022 гг.:
вклад СФП в прирост ВВП, %

Заключение

Резюмируя (и отвечая на поставленный во введении вопрос), подчеркнем, что, в период колониального и полуколониального существования (в наших расчетах 1800–1950 гг.) отставание стран Востока¹⁹⁵ и Юга по СГТП ВВП (0,9 %) примерно вдвое от ныне РГ (2,0 %) лишь наполовину можно

¹⁹⁴ При подсчете динамики затрат четырех ресурсов.

¹⁹⁵ Без Японии.

отнести за счет более высоких темпов прироста СФП в РГ (соотв. $\sim 0,7\%$ vs $\sim 0,2\%$) и примерно на столько же — за счет более активного использования в РГ экстенсивных факторов, в т. ч. ресурсов, в немалой мере полученных из поработанных стран. Экономический рост РГ в те времена, несмотря на индустриальный прогресс, был — по своим источникам — менее чем на $2/5$ ресурсосберегающим и интенсивным (хотя, как отмечалось, в колониальных и полуколониальных странах этот параметр был почти вдвое ниже — $1/5$)¹⁹⁶.

В первые десятилетия после Второй мировой войны (в наших расчетах 1950–1980 гг.) РС, освободившиеся от колониальной и полуколониальной зависимости и начавшие проводить реформы и преобразования, практически догнали РГ по СГТП ВВП (соотв. $4,8\%$ и $4,6\%$). Однако в РС СГТП СФП был $\sim$ на $1/4$ ниже, чем в РГ ($1,8\%$ vs $2,5\%$), но, подчеркнем, почти на порядок (!) — в 9 раз — выше, чем в 1800–1950 гг., что примерно на $2/5$ обеспечило ускорение роста ВВП РС.

Глобализация мирового хозяйства, наряду с информационной революцией оказали колоссальное воздействие на РГ и РС. Но выиграли, несмотря на развертывание новых витков НТП, далеко не все. Значительная часть азиатских, в т. ч. крупнейших РС (прежде всего, КНР) совершили впечатляющий экономический рывок, что не скажешь про большинство стран БВСА, АЮС и ЛА. СГТП ВВП в РС немного замедлился (в 1980–2022 гг. до $\sim 4,3\%$), но еще больше — по указанным выше причинам — в РГ (примерно вдвое — до $2,4\%$). Произошло и торможение СГТП СФП в РС с $1,8$ до $1,3\%$ (более чем на четверть), но еще большее — в целом по РГ — с $2,5$ до $1,1\%$ (почти на $3/5$). В то же время почти двукратное опережение развивающимися странами развитых по темпам экономического роста в последние четыре с небольшим десятилетия, несмотря на некоторое опережение первыми последних по СГТП СФП ($1,3\%$ vs $1,1\%$), лишь на $1/10$ связано с более высокой в РС динамикой производительности и на $9/10$ — с более высоким темпом прироста использования ресурсов.

¹⁹⁶ Если исключить из затрат ресурсов вклад фактора повышения качества трудовых ресурсов (по динамике лет обучения взрослого населения), то в 1800–1950 гг. это прибавит не более 3–5 п.п. к вкладу интенсивных факторов роста РГ, т. е. их рост все равно был преимущественно экстенсивным.

РС в период после обретения ими политической независимости, как отмечалось, достигли немало. Правда, далеко не все. Треть из них — наименее развитые, с хрупкими экономическими и социально-политическими структурами¹⁹⁷. Десятки РС уже попали или могут попасть в очень сложную ситуацию. Дело в том, что на нынешнем этапе НТП, с массовым внедрением роботов (в РГ и некоторых РС), прогрессом в области искусственного интеллекта, преимущество РС в виде дешевой рабочей силы и низких экологических и социальных издержек, начинает заметно ослабевать. При этом часть РС попала еще и в т. н. «ловушку средних доходов» (их рабочая сила перестала быть относительно дешевой, но они не сумели создать сравнительно эффективный механизм инновационного развития).

Многим странам Востока и Юга для поддержания приемлемых темпов экономического и социального развития предстоит внести существенные коррективы в стратегии своего экономического роста, уделить намного больше внимания продвижению инноваций¹⁹⁸, развитию интеллектуальных ресурсов, повышению качества социально-политических институтов и эффективности управления¹⁹⁹.

¹⁹⁷ См.: Meliantsev V. Have the Least Developed Countries Stepped on a Path of Fast and Inclusive Growth? *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 7. С. 2–9.

¹⁹⁸ В то же время нельзя не отметить, что, хотя место многих стран арабского мира, АЮС и ЛА значительно ниже *линии тренда мирового инновационного развития*, сгенерированного по уровню инновационного развития и подушевого ВВП, ряд других, преимущественно быстрорастущих азиатских РС (НИС, КНР, Индия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия), расположен (существенно) выше упомянутой линии тренда. См.: Мельянцев В. А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2023. № 3. Граф. 1.

¹⁹⁹ Если по РС ВА3 *средний индекс качества институтов*, отнесенный к уровню РГ, вырос соответственно с 69 % в 1998–2002 гг. до 74 % в 2019–2021 гг., в ЮАЗ — с 45 до 49 %, то по ЛА он практически мало изменился (хотя и был не очень низким — 62–63 %), в целом по странам БВСА индикатор снизился с 53 % до 46 %, по АЮС — с 37 до 35 %. Индекс качества основных институтов рассчитан как среднее невзвешенное по субиндексам эффективности государства, соблюдения принципа верховенства закона и политической стабильности по: The World Bank. *Worldwide Governance Indicators*. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (accessed 19.03.2023).

Использованная литература и источники

1. Дерюгина И. В. Продовольственный кризис в современном мире — некоторые причины и возможные последствия. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 211–222.
2. Капица Л. М. Природные ресурсы и социально-экономический прогресс. *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4. С. 168–186. DOI.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-168-186.
3. Кендрик Д. Совокупный капитал США и его формирование. Москва: Издательство «Прогресс», 1978. 316 с.
4. Мельянцев В. А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. Москва: Издательство «Ключ-С», 2013. 40 с.
5. Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Издательство Московского университета, 1996. 304 с.
6. Мельянцев В. А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. Москва: Гуманитарий, 2004. 51 с.
7. Мельянцев В. А. Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 5. С. 194–219. DOI.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-194-219.
8. Мельянцев В. А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. Москва: Гуманитарий. 2000, 84 с.
9. Новая система производительных сил и страны Востока. Отв. ред. А. В. Акимов, С. А. Панарин. Москва: Институт востоковедения РАН, 2019. 276 с.
10. Растяникова Е. В. Неравномерность ресурсного потенциала в мировой добывающей промышленности. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020.
11. Ресурсы мировой экономики. *Мировая экономика и международные экономические отношения*. Ред. А. С. Булатов. Москва: Кнорус, 2021. Гл. 10–12.
12. Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours. Paris: Gallimard. 1997. Vol. 1. 672 p.

13. Goldsmith R. Brasil, 1850–1984: Desenvolvimento Finsnceiro sob um Século de Inflação. Rio de Janeiro: Banco Bamerindus do Brasil. 1986. 556 p.
14. Goldsmith R. Premodern Financial Systems. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 360 p.
15. Goldsmith R.W. Comparative National Balance Sheets. A Study of Twenty Countries, 1688–1978. Chicago: University of Chicago Press. 1985. 353 p.
16. IMF Data. <http://www.imf.org/external/data.htm>
17. Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Oxford: Oxford University Press. 2007. 418 p.
18. Maddison A. The World Economy. Historical Statistics. Paris: OECD. 2003. 273 p.
19. Meliantsev V. Asia's Economic and Social Performance: A Comparative Perspective. *The Stockholm Journal of East Asian Studies*. Center for Pacific Asia Studies. Stockholm University. 2004. Vol. 14. P. 31–70.
20. Meliantsev V. Russia's Comparative Economic Development in the Long Run. *Social Evolution and History*. 2004. Vol. 3. No.1. P. 106–136.
21. OECD.StatExtracts. <http://stats.oecd.org>
22. The UN. World Economic Situation and Prospects, 2023. New York, 2023.
23. The UNDP. Human Development Report, 2021/2022. Uncertain times, unsettled lives. Shaping our future in a transforming world. New York, 2022.
24. The World Bank. Global Economic Prospects, 2023. Washington, D. C., 2023.
25. The World Bank. The Changing Wealth of Nations, 2021. Washington, D. C., 2021.
26. UNCTADstat. <http://unctadstat.unctad.org>
27. UNDP.Data. <http://hdr.undp.org/en/data>
28. World DataBank. <http://databank.worldbank.org>

II. Модели развития важнейших стран и регионов Востока и Юга

5. КНР и США: сравнение основных параметров экономического развития²⁰⁰

Важнейшая доминанта последних полутора-двух десятилетий — динамично нарастающее соперничество двух держав — США и КНР. Китай чрезвычайно быстро, хотя и не без проблем, развивается во многих сферах, мощно расширяя свои мирохозяйственные позиции²⁰¹.

Так быстро и мощно, что мы, как сказал один из аналитиков, не успеваем удивляться. США в значительной мере этому способствовали, существенно увеличив (а) приток своих ПИИ и технологий в КНР, и (б) импорт дешевых китайских потребительских товаров. Однако ныне, испытывая солидный торговый (и уже отчасти технологический) прессинг со стороны Китая²⁰², активно пытаются его сдержать, навязывая ему жесткую торговую войну.

Эта ситуация вызывает немалые опасения. Во-первых, потому что подталкивает мир к серьезному экономическому кризису. А во-вторых, по подсчетам гарвардского профессора Г. Аллисона, за последние пятьсот лет из 16 случаев противостояния господствующей и поднимающейся держав 12 закончились кровопролитными войнами²⁰³.

²⁰⁰ Мельянцев В. А., 2019 (С). Глава базируется на публикации автора в: *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 5–14. В текст рукописи, подготовленной в 2019 г., внесены небольшие изменения.

²⁰¹ См.: Васильев А. М. Китай, куда несешься ты?! *Азия и Африка сегодня*. 2014, № 8; Ломанов А. В. Новые концепции китайской внешней политики. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 12; Конкуренция между США и КНР: возможности для России. Ред. Д. А. Дегтерев. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2024.

²⁰² Две трети американского торгового дефицита приходится на Китай. См.: Feldstein M. Will the US Capitulate to China? *The Project-Syndicate*. 25.02.2019. Опережение Китаем США в области технологий 5G стало причиной серьезной обеспокоенности последних (5G — пятое поколение мобильной связи, обеспечивающее большую скорость и эффективность коммуникаций между мобильными устройствами).

²⁰³ Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? *The Atlantic*. 24.09.2015.

Попытаемся, не претендуя на исчерпывающий анализ, дать сравнительную оценку конкурентоспособности двух рассматриваемых держав на конец 2010-х гг.

Динамика, масштабы и пропорции экономического роста

За последние четыре десятилетия Китай, системно проводя большое количество прагматичных рыночных реформ, существенно повысив уровень внешнеэкономической открытости страны и эффективность госуправления (с 48 % от уровня США в 1996 г. до 73 % в 2017 г.), в 24 раза нарастил накопленный объем ПИИ в экономику страны (с 0,5 % в 1980 г. до 12 % ВВП в 2017 г.²⁰⁴), более чем в 100 раз увеличил физический объем экспорта товаров и услуг, почти на $\frac{3}{4}$ повысил долю вложений в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК; с 31–33 % ВВП в 1978–1980 гг. до 54–56 % в 2015–2018 гг.). Она выше на $\frac{2}{3}$, чем в других развивающихся странах (ДрПС) и на $\frac{1}{4}$, чем в РГ²⁰⁵.

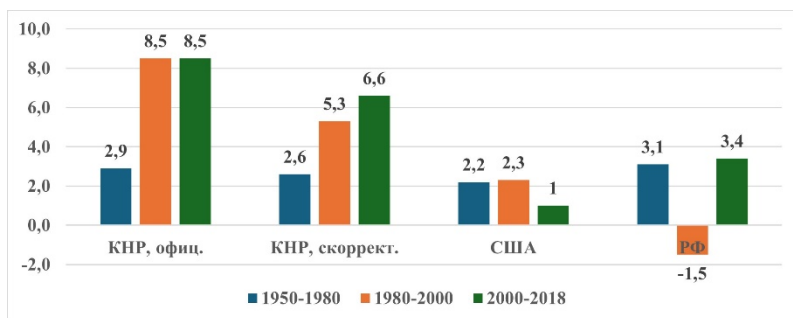


Рис. 5.1. КНР, США, СССР/РФ: СГТП PBBП, %

Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; IMF. Data. <https://www.imf.org/en/data>; UNCTAD. Stat. Data Centre.

²⁰⁴ В 2024 г. этот показатель достиг 1/5 ВВП КНР. Рассчитано по: UNCTAD. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlows-Stock> (accessed 12.12.2025).

²⁰⁵ Рассчитано по источникам к рис. 5.1, а также: Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 1998. P. 165; World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 27.03.2019).

<https://unctadstat.unctad.org/datacentre>; UNDP.Data-Center. <https://hdr.undp.org/data-center>; Chen W., Chen X., Hsieh C., Song Z. A Forensic Examination of China's National Accounts. *Brookings Papers on Economic Activity*. BPEA Conference Drafts. 2019. P. 46, 49; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD. 2003. P. 88-89, 99, 184.

Хотя динамика экономического роста Китая за годы реформ оказалась, судя по расчетам китайских, американских и английских исследователей, более чем на $\frac{1}{4}$ ниже официальных данных, СГТП ПБВП в 1980–2018 гг., в целом, достигал 6 %, что в 3,5 раза (!) больше, чем в США. А всего за 4 десятилетия после начала реформ ПБВП Китая вырос почти в 10 раз, что беспрецедентно для крупной страны (см. *рис. 5.1*).

Многократно опережающий (США) рост Китая привел к тому, что его отставание по ПБВП от США сократилось с 18-кратного в 1950 г. до 16 раз — в 1980 г., 9 — в 2000 г. и 3,4 раза — в 2018 г. По рассматриваемому показателю Китай быстро подтягивается и к РФ: с $\frac{2}{5}$ в 2000 г. до $\frac{2}{3}$ в 2018 г.²⁰⁶ По объему ВВП в ППС КНР, в 1990 г. отстававший от США почти втрое, в 2018 г. уже на $\frac{1}{4}$ превзошел США и более чем в 6 раз — РФ²⁰⁷.

При этом Китай в 2018 г., отставая от США по производству услуг примерно на $\frac{1}{5}$, уже в 3 раза (!) превзошел последних (и в 9 раз — РФ) по объему добавленной стоимости, созданной в сфере материального производства. В 2010–2017 гг. в Китае прирост добавленной стоимости индустриального сектора был более чем в 7 раз (!) больше, чем в США и примерно таким же, как и в следующих по рассматриваемому показателю после Китая 13 странах, вместе взятых²⁰⁸.

²⁰⁶ Свежие данные Всемирного банка в ППС 2021 г. позволили уточнить расчет. Отношение подушевого ВВП КНР (в ППС 2021 г.) к РФ, составлявшее в 2018 г. $\frac{1}{2}$, достигло $\frac{3}{5}$ в 2024 г. Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

²⁰⁷ Рассчитано по источникам к *рис. 5.1*. По уточненным данным Всемирного банка в ППС 2021 г., КНР превосходил США в 2018 г. на 13 %, а в 2024 г. — на 31 %, и был выше, чем в РФ, соответственно в 4,6 и 5,5 раза. Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

²⁰⁸ Рассчитано по источникам к *рис. 5.1*.

С чем связано столь значительное опережение Китаем США по динамике роста ПВВП?

По рассчитанной нами модели (см. ниже), это опережение можно объяснить на $1/3$ преимуществом отсталости; на $2/5$ — более чем в 2 раза большей у Китая (по сравнению с США) долей капиталовложений в ВВП; на $1/4$ — вчетверо большим у Китая (по сравнению с США) средним темпом роста экспорта.

$$GRY/P_i = -0,000066 \cdot Y/P_{0i} + 0,12 \cdot mPK_i + 0,16 \cdot GRX_i,$$

(p=0,00036) (p=0,0005) (p=0,0031)

$R^2 \text{ adj.} = 0,89, N = 20, T = 2000\text{--}2016 \text{ гг.}$

Примечания. 1. GRY/P_i , GRX_i — среднегодовые темпы прироста ПВВП и физического объема экспорта товаров и услуг в стране i (%); Y/P_{0i} — исходный уровень ПВВП (\$ в ППС 2011 г.); mPK_i — средняя за период доля капвложений в ВВП (%). 2. Расчеты выполнены по 20 наиболее крупным развитым и развивающимся странам. Все параметры статистически значимы. Скорректированный коэффициент детерминации достаточно высок (вариации зависимой переменной почти на $9/10$ могут быть объяснены вариациями трех регрессоров).

Рассчитано по источникам к рис. 5.1.

Детерминанты международной конкурентоспособности

Помимо упомянутых причин, важнейшим фактором успеха КНР (равно как и ряда других азиатских НИС) было весьма выгодное соотношение цены и качества рабочей силы на протяжении примерно первых трех десятилетий после начала реформ. Речь идет об огромных массах не только дешевой, но и относительно дисциплинированной и быстро обучающейся рабочей силы. По нашим расчетам, в 1980 г. в Китае среднее число лет обучения его взрослого населения было примерно втрое выше уровня, теоретически (по международным меркам) соответствующего средней «планке» его подушевого дохода²⁰⁹.

Проведение Китаем достаточно сбалансированного пакета реформ, как представляется, позволило ему во многом избежать ловушки средних доходов.

²⁰⁹ Рассчитано по источникам к рис. 5.1, а также Мельянцев В. А. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен*. Москва: Издательство «Ключ-С», 2009. С. 206.

За последние четыре десятилетия ²¹⁰ подушевой личный доход китайцев в реальном выражении вырос, как минимум, в 4,5 раза ²¹¹. В целом многократно увеличилась и зарплата. Но при этом улучшились многие качественные характеристики рабочей силы, основного производственного капитала, инфраструктуры и системы управления.

В результате, по рейтингу международной конкурентоспособности (МКСП), по версии Всемирного экономического форума, Китай, занимавший в 2000 г. 40-е место среди 55 обследованных стран мира, в 2018 г. переместился на 28-ю позицию в группе из 140 стран ²¹². Выше Китая, кроме ОАЭ и Малайзии, расположены только РФ.



Рис. 5.2. Международная конкурентоспособность в зависимости от ИЧР, 2018 г.

Рассчитано по источникам к рис. 5.1, а также: The World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report, 2018*. New York, 2018. P. XI.

При сопоставлении рассматриваемого показателя с ИЧР (который, напомним, помимо подушевого дохода учитывает ряд качественных характеристик человеческого капитала) видно, что рейтинг Китая по МКСП заметно выше тренда, сгенерированного по ИЧР (см. рис. 5.2).

²¹⁰ В 1980–2018 гг.

²¹¹ Рассчитано по источникам к рис. 5.1.

²¹² См. The World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report, 2001–2002*. P. 32; 2018. P. XI. New York.

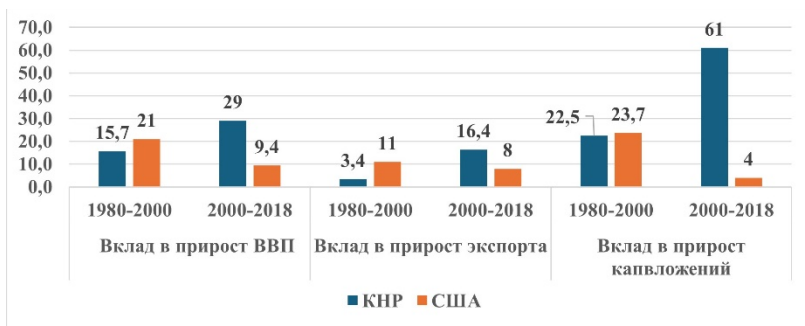


Рис. 5.3. Вклад КНР и США в прирост мирового объема ВВП²¹³, экспорта и капвложений, %
Рассчитано по источникам к рис. 5.1.

Китай, проводивший после вступления в 2001 г. в ВТО активную внешнеэкономическую и инвестиционную политику, многократно обгонял США в приросте важнейших мировых агрегатов (см. рис. 5.3).

Справедливости ради, подчеркнем, что немалую роль в китайской экспортоориентированной индустриализации сыграл иностранный капитал. Хотя доля иностранных и смешанных компаний, занимающихся экспортом из Китая, в 2007–2017 гг. сократилась на $\frac{1}{4}$, на них все еще в 2018 г. приходилось свыше $\frac{2}{5}$ его экспорта (в т. ч. $\frac{3}{5}$ в машиностроении и свыше $\frac{4}{5}$ в электронике). 13 из 20 крупнейших компаний, участвовавших в экспорте китайской продукции в 2018 г., — иностранные²¹⁴.

Чем дальше, тем больше хозяйственный рост Китая основывается на конкурентных преимуществах более высокого порядка, чем в 1980–1990-е годы. Охват молодежи обучением в высшей школе вырос в Китае в 1980–2017 гг. более чем в 20 раз, достигнув 43–44 %, что, однако, на $\frac{2}{5}$ меньше, чем в РФ, и вдвое — чем в США. Если в 2005 г. китайские вузы ежегодно

²¹³ Вклад КНР в прирост мирового объема ВВП в 1980-2000 гг., рассчитанный в главе 5 на основе ППС 2011 г., несколько выше параметра, рассчитанного в ППС 2021 г., представленного в главе 1.

²¹⁴ Seong J., Woetzel J. Could China Turn Inward? *The Project-Syndicate*. 24.12.2018; Hancock T. China's Relentless Export Machine Moves Up the Value Chain. *The Financial Times*. 23.09.2018.

выпускали дипломированных специалистов в области инженерного дела и естественных наук в 1,5 раза больше, чем в ЕС, то десять лет спустя — уже почти в 2,8 раза больше²¹⁵.

За годы реформ страна достигла немалых успехов в области космических исследований, физике, биохимии, медицине, развития искусственного интеллекта, разработке новых компьютеров, энергетике²¹⁶.

Резко выросли расходы Китая на НИОКР: по доле в ВВП более чем втрое — с 0,5–0,6 % в 1990-е гг. до 2,1 % — в 2016–2018 гг. При этом их абсолютный объем увеличился в 2000–2018 гг. более чем в 8 раз, в то время как в США — только в 1,5 раза. Если рассматриваемый показатель в КНР в 2000 г. составлял всего 17–18 % от США, то в 2018 г. он почти сравнялся с США, обогнав РФ в 12–13 раз²¹⁷.

При том, что в Китае за последние 10–15 лет наблюдается быстрый рост числа публикаций научных статей в расчете на 1 млн человек (в 2010–2016 гг. оно выросло с $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ от уровня США), на него, согласно результатам международных обследований, в 2014–2016 гг. приходилось уже 11 % опубликованных научных статей с высоким импакт-фактором. В 2013–2018 гг. в 23 из 30 важнейших областей науки учеными из КНР опубликовано больше научных статей, имеющих высокий индекс цитирования и большее прикладное значение, чем в США²¹⁸.

Даже если учесть, что, по оценкам, только четверть китайских патентов на изобретения по-настоящему значимые²¹⁹, поражает огромный рост заявок на патенты в расчете на 1 млн человек — в 2000–2018 гг. в 23–24 раза. Если в 2000 г. этот показатель по Китаю не превышал 4 % от США и $\frac{1}{5}$ от РФ, то в 2018 г. он превысил половину от первых и обогнал РФ

²¹⁵ Рассчитано по источникам к рис. 5.1, а также The Great Experiment. *The Economist*. 12.01.2019. P. 66.

²¹⁶ См. The Great Experiment. *The Economist*. 12.01.2019, pp. 64–68.

²¹⁷ Рассчитано по источникам к рис. 5.1. Более свежие данные Всемирного банка в ППС 2021 г. позволяют предположить, что КНР в 2024 г. уже сравнялся с США по объему расходов на НИОКР, превысив показатель по РФ в 16–17 раз. Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

²¹⁸ См.: The Great Experiment. *The Economist*. 12.01.2019. P. 66; Red Moon Rising. *The Economist*. 12.01.2019. P. 9.

²¹⁹ The Global Centre. *The Economist*. 23.02.2019.

в 3,4 раза²²⁰. Китай, как уже было сказано выше, в числе лидеров по количеству роботов на 10 тыс. занятых, и числу суперкомпьютеров²²¹.

Итак, Китай, у которого еще 1,5–2 десятилетия назад не было крупных инновационных ТНК, сегодня располагает такими гигантами, как *Baidu*, *Alibaba*, *Tencent*, *Huawei* и др., и, опираясь на них, сравнительно быстро движется вверх по шкале рейтинга международной конкурентоспособности. Однако он в 2018 г. все еще существенно (на 27 позиций) отставал от США²²².

Это отставание, по нашей модели (см. ниже), объяснялось примерно на $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ его отставанием, соответственно, по ИЧР и коэффициенту экономической сложности экспорта (КЭСЭ)²²³.

$$CMP_i = 21,5 + 54,1 \cdot HDI_i + 4,92 \cdot EcComplexity_i$$

(p=0,05) (p=0,00) (p=0,01)

$$R^2 \text{ adj} = 0,80; F = 4,91E-12; N = 34.$$

Примечания. 1. CMP_i — международная конкурентоспособность страны (i -й) в баллах; HDI_i — ИЧР (изменяется от 0 до 1); $EcComplexity_i$ — индекс экономической сложности экспорта (изменяется от –2,3 до 2,3). 2. Расчеты выполнены по 34 крупным развитым и развивающимся странам, по которым была сопоставимая информация. Все параметры статистически значимы. Скорректированный коэффициент детерминации достаточно высок (вариации зависимой переменной на $\frac{4}{5}$ могут быть объяснены вариациями двух регрессоров).

Рассчитано по источникам к рис. 5.1, а также: *Economic Complexity Rankings*; The World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report*, 2018. New York, 2018. P. XI.

По имеющимся данным, в 2001–2018 гг. Китай сократил отставание от США по рейтингу инновационного развития почти втрое²²⁴ — до 22 позиций, которые, подчеркнем, занимают РФ. Но разрыв в 2018 г. был еще немалым. По нашим

²²⁰ Рассчитано по источникам к рис. 5.1.

²²¹ См. главы 1 и 2 данной работы.

²²² Более свежие данные, за 2025 г., показывают, что, согласно рейтингу конкурентоспособности IMD, разрыв по МКСП между США и КНР составил всего 3 позиции (соответственно 13 и 16 места из 69 экономик мира). См.: IMD World Competitiveness Booklet. Lausanne. 2025. P. 54–55.

²²³ При этом по каждому из двух индексов в Китае достигнут немалый прогресс. Так, КЭСЭ КНР к уровню США в 1978–2017 гг. вырос почти вдвое — с 20 % до 39 %.

²²⁴ По ориентировочным подсчетам, Китай отставал от США по рейтингу инновационного развития в 2001 г. на 61 позицию, а в 2018 г. — уже только на 22 позиции.

подсчетам (по приведенной ниже модели), отставание Китая от США по рассматриваемому показателю могло объясняться примерно на $\frac{3}{5}$ и $\frac{1}{3}$, соответственно, его более низким качеством институтов и человеческого капитала.

$$INNOV_i = -85,5 + 0,74 \cdot INST_i + 1,41 \cdot HK_i,$$

(p=0,002) (p=0,000) (p=0,008)

$R^2 \text{ adj} = 0,75; N = 40.$

Примечания. 1. $INNOV_i$, $INST_i$ и HK_i — соответственно уровень инновационного развития, а также показатели качества институтов и человеческого капитала (в баллах). 2. Расчеты выполнены по 40 крупным развитым и развивающимся странам, по которым была сопоставима информация. Все параметры статистически значимы. Скорректированный коэффициент детерминации достаточно высок (вариации зависимой переменной на $\frac{3}{4}$ могут быть объяснены вариациями двух регрессоров).

Рассчитано по: The World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report, 2017–2018*. P. 326–332; 2018. P. XI, 616–621. New York; The World Economic Forum. *The Global Human Capital Report, 2017*. Geneva, 2017. P. 60–182.

Вместе с тем, Китай мощно движется вперед по пути инновационного развития. Материалы Глобального инновационного индекса за 2025 г. показывают, что разрыв между США и КНР по его рейтингу сократился до 7 позиций (США занимают 3-е, а КНР, вытеснив Германию, 10-е место)²²⁵.

Проблемы и перспективы

Проведение экономических реформ в Китае привело к многократному повышению СГТП совокупной факторной производительности (СФП), который в целом за 1980–2018 гг. ($\sim 2,4\%$) был более чем вдвое выше, чем в среднем по РГ (0,9%). Но, подчеркнем, учитывая, в целом, более низкое у Китая качество рабочей силы, основного капитала, инновационной системы и основных институтов²²⁶, не удивительно, что

²²⁵ См.: WIPO. *Global Innovation Index 2025*. Geneva, 2025. P. 18.

²²⁶ Хотя качество основных государственных институтов в Китае по отношению к США в 2000–2017 гг. выросло на $\frac{1}{5}$, оно все еще не превышает $\frac{1}{2}$ от последних. Рассчитано по: Worldwide Governance Indicators. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (accessed 27.03.2019).

вклад СФП в прирост ВВП в КНР в 1980–2018 гг. ($\sim 1/3$) оказался ниже, чем в среднем по РГ ($\sim 2/5$). При этом в Китае произошло снижение СГТП СФП $\sim$ на $3/5$ с 3,7 % в 2000–2010 гг. до 1,5 % в 2010–2018 гг. на фоне замедления СГТП ВВП $\sim$ на два проц. пункта до 6 %. В результате, в КНР вклад СФП в прирост ВВП, превышавший в 2000–2010 гг. $2/5$, сократился до $1/4$.²²⁷

С чем связано заметное торможение роста ВВП и СФП в Китае в 2010-е гг., о масштабах и причинах которого среди экспертов ведется оживленная дискуссия?

По ряду оценок, возможно, несколько драматизирующих ситуацию, реальные темпы его экономического роста в 2010-е годы могли быть вдвое меньше официальных²²⁸. В немалой мере это было вызвано существенным ограничением внешнего спроса на экспортную продукцию КНР, связанным с замедлением экономической динамики в РГ и многих РС, возникшим в результате финансового кризиса 2008–2009 гг., а также политикой торгового сдерживания, проводившейся в США по отношению к Китаю с середины 2010-х гг.

В результате, в КНР произошло резкое сокращение темпов прироста физического объема экспорта (с 16–18 % в год в 2000–2010 гг. до 7–8 % — в 2011–2014 гг., и 2–3 % в год — в 2015–2017 гг.) и профицита платежного баланса по текущим операциям с в среднем 9 % ВВП в 2006–2008 гг. до 2–2,5 % — в 2014–2016 гг., 1,3 % — в 2017 г. и 0,3 % ВВП — в 2018 г.²²⁹

Весьма сильное и нарастающее негативное воздействие на динамику экономического роста Китая оказало сокращение темпов прироста численности рабочей силы (с 1,5–1,7 % в год в 1980–2000 гг. до 0,6 % — в 2000–2010 гг., 0,2 % — в 2010–2015 гг. и -0,1 % — в 2015–2018 гг.), вызванное сравнительно быстрым старением населения²³⁰. Это способствовало исчерпанию действия фактора перемещения ресурсов труда из отраслей с низкой в отрасли с его более высокой капиталовооруженностью и производительностью, а также (в связи с

²²⁷ Рассчитано по данным и источникам к рис. 1.12 (глава 1) и 5.1.

²²⁸ Nye J. China Will Not Surpass America any Time Soon. *The Financial Times*. 20.02.2019.

²²⁹ Рассчитано по источникам к рис. 5.1.

²³⁰ Вследствие осуществления в Китае политики «одна семья — один ребенок» медианный возраст населения в Китае в 2018 г. практически сравнялся с США, составив 38 лет. Рассчитано по источникам к рис. 5.1.

быстрым увеличением зарплат) значительному росту трудовых издержек производства.

В значительной степени замедление роста ВВП и СФП в КНР определялось также просчетами в инвестиционной стратегии, стремлением поддерживать высокие темпы их роста после мирового финансового кризиса 2008–2009 годов гаргантюанскими вливаниями финансовых ресурсов в госкорпорации и в жилищный сектор.

Накачивание дешевыми кредитами госпредприятий стало важнейшей причиной увеличения показателя совокупного долга к ВВП страны (см. главу 2). Этот рост оказался намного большим, чем в среднем по другим РС и РГ. Справедливости ради, подчеркнем, что долг преимущественно внутренних. Но не исключено, что, учитывая значительный объем внебанковского, теневого кредитования²³¹, его масштабы, возможно, занижены статистикой примерно на треть²³².

В результате проводимой в Китае интенсивной индустриализации, базирующейся на активном использовании таких энергоресурсов, как уголь, выброс двуокиси углерода в расчете на душу населения в стране увеличился с начала 1980-х гг. примерно в 5–6 раз (см. подр. главу 1).

В Китае за последние 3,5–4 десятилетия после начала рыночных реформ в результате беспрецедентного в мировой экономической истории экономического рывка число людей, живущих в критической бедности, сократилось на 750–780 млн, что позволило уменьшить общее число нищих в мире более чем на $2/3$. Но при этом в Китае коэффициент Джини по доходам вырос существенно — с 0,29–0,30 в 1980–1983 гг. до 0,39 — в 2000–2003 гг. и 0,43–0,47 (по неофициальным расчетам и оценкам — 0,55–0,61) — в 2010–2014 гг.²³³

²³¹ Доля внебанковского кредитования в Китае от общего объема выданных кредитов выросла с $1/10$ в 2003–2007 гг. до $2/5$ в 2010–2014 гг., снизившись в 2015–2018 гг. до $1/4$. Составлено по: Harrison A., Meyer M., Wang W., Zhao L., Zhao M. Changing the Tiger's Stripes: Reform of Chinese State-Owned Enterprises in the Penumbra of the State. *The VoxEU*. 07.04.2019; Lardy N. Xi Jinping's Turn away from the Market Puts Chinese Growth at Risk. *The Economist*. 15.01.2019.

²³² Light on the Shadows. *The Economist*. 14.06.2018.

²³³ Рассчитано и составлено по источникам к рис. 5.1, а также: Мельянцева В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. Москва: Издательство Ключ-С, 2015. С. 62.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что Китай, проведя серию прорывных реформ, широко используя преимущества глобализации, но сохраняя при этом высокий уровень управляемости экономикой, добился беспрецедентных успехов. По обычному и расширенному ИЧР он быстро подтягивался к США (см. *рис. 5.4*).

Доля Китая в совокупном богатстве мира в 2000–2018 гг. выросла в 5 раз (с 3,2 % до 16,2 %), а США — сократилась (с 36,6 до 30,7 %). В результате, по отношению к США показатель по КНР увеличился примерно в 5 раз — с $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ ²³⁴. Китай сравнительно быстро нагоняет США по ряду компонентов научно-технического потенциала, а также по расходам на оборону: с $\frac{1}{10}$ от уровня последних в 2000 г. до $\frac{2}{5}$ — в 2018 г. при расчете по обменным курсам и, соответственно, с $\frac{1}{3}$ до $\frac{4}{5}$ — в ППС²³⁵. Растет его совокупная мощь и международное влияние.

По расчетам экспертов, проанализировавших мировые сетевые эффекты, воздействие Китая на мировую экономику в 2010-е годы 10 лет было примерно таким же, как у США и ЕС, вместе взятых²³⁶.

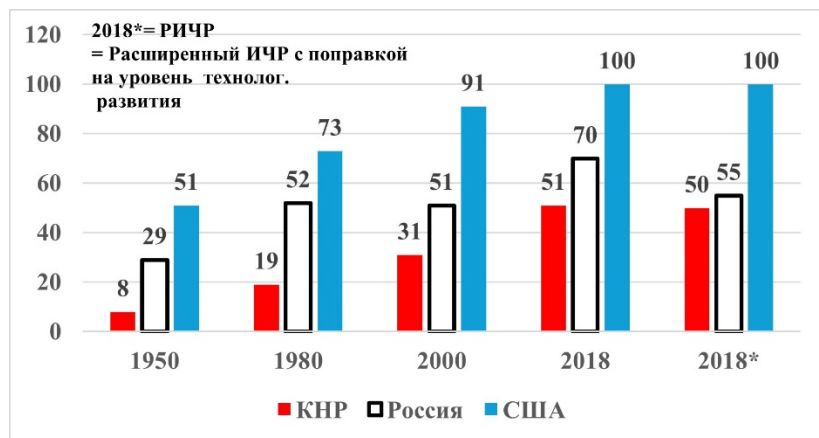


Рис. 5.4. КНР, Россия, США: динамика ИЧР, 1950–2018 гг., 100 = США в 2018 г., %

²³⁴ Credit Suisse. *Global Wealth Data Book*, 2018. Geneva, 2018.

²³⁵ Рассчитано по источникам к *рис. 5.1*.

²³⁶ Smith C. The Global Economy's Second Sun. *The Financial Times Al-phaville*. 29.01.2019.

Примечание. ИЧР — среднегеометрическое невзвешенное показателей ПВВП в ППС, среднего числа редуцированных по качеству лет обучения взрослого населения и средней продолжительности жизни (от рождения), отнесенных к уровню США 2018 г.

Рассчитано по источникам к *рис. 5.1.*

Чтобы ни говорили критики китайской модели развития, она, при всех имеющихся несовершенствах (а у кого их нет?), по крайней мере на протяжении первых четырех постреформенных десятилетий по своим экономическим и социальным результатам оказалась одной из наиболее эффективных в мировой экономической истории.

Вместе с тем, давая сравнительную оценку конкурентоспособности КНР и США, стоит учитывать, что современная статистика не вполне адекватно отражает динамику производства и изменение (улучшение) качества продукции, особенно в постиндустриальных сегментах мировой экономики. Хотя США и ряд других РГ страдают от острых структурных проблем, рост их ВВП и совокупной производительности, возможно, недооценен, как минимум, на $1/5 - 1/3$ ²³⁷.

* * *

Впереди — большие испытания. Мировая экономика сравнительно быстро замедляется. СГТП ВВП и физического объема внешней торговли в мире уменьшились, соответственно, примерно на $1/5$ (с 4,3 % в 2002–2007 гг. до 3,6 % — в 2011–2018 гг.) и почти вдвое (с 7,3 до 4 %) и продолжают сокращаться²³⁸.

По прогнозам, в ближайшие пару лет возможен глобальный кризис, который протестирует на прочность китайскую, американскую и другие модели развития²³⁹.

²³⁷ См.: Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York: W.W. Norton & Company. 2016; Oulton N. Productivity and the Great Recession. *Intereconomics*. 2018. Vol. 53. No. 1; Sichel D. Productivity Measurement: Racing to Keep Up. *NBER. Working Paper* 25558. Cambridge, M.A., 2019.

²³⁸ Рассчитано по источникам к *рис. 5.1.*

²³⁹ Прогноз, нами сделанный в начале 2019 г., в принципе (во многом вследствие распространения пандемии), подтвердился: темп прироста ВВП (в ППС 2021 г.) в мире, составлявший в 2019 г. 2,7 %, оказался равен в 2020 г. –2,6 %. Соответствующие цифры по США составили 2,7

Использованная литература и источники

1. Васильев А. М. Китай, куда несешься ты?! *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 8. С. 2-11. DOI: 10.7868/S50000617-4-1
2. Конкуренция между США и КНР: возможности для России. Ред. Д. А. Дегтерев. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 300 с.
3. Ломанов А. В. Новые концепции китайской внешней политики. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 12. С. 8–18. DOI: 10.7868/S50000616-3-1
4. Мельянцев В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. Москва: Издательство «Ключ-С», 2015. 80 с.
5. Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. Москва: Издательство «Ключ-С», 2009. 215 с.
6. Мельянцев В. А., Матюнина Л. Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). Москва: Издательство «Ключ-С», 2019. 191 с.
7. Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? *The Atlantic*. 24.09.2015. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756> (accessed 20.03.2019).
8. Billionaires — <https://www.forbes.com/billionaires/#3af1abf9251c> (accessed 05.03.2019).
9. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W.W. Norton & Company. 2016. 320 p.
10. Chen W., Chen X., Hsieh C., Song Z. A Forensic Examination of China's National Accounts. *Brookings Papers on Economic Activity. BPEA Conference Drafts*. 2019. 54 p.
11. Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2018. Geneva. 2018.
12. Distress Test: Beware China's \$3tn of Troubled Debt. *The Financial Times*. 30.01.2019. <https://www.ft.com/content/27950522-22dc-11e9-b329-c7e6ceb5ffdf> (accessed 30.01.2019).
13. Economic and Financial Indicators. *The Economist*. 02.03.2019.

и –2,2 %, а по КНР 6 и 2,3 %. Рассчитано по: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

14. Feldstein M. Will the US Capitulate to China? *The Project-Syndicate*. 25.02.2019. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-china-trade-deal-capitulation-by-martin-feldstein-2019-02> (accessed 25.02.2019).
15. Hancock T. China's Relentless Export Machine Moves Up the Value Chain. *The Financial Times*. 23.09.2018. <https://www.ft.com/content/cdc53aee-bc2e-11e8-94b2-17176fbf93f5> (accessed 23.09.2018).
16. Harrison A., Meyer M., Wang W., Zhao L., Zhao M. Changing the Tiger's Stripes: Reform of Chinese State-Owned Enterprises in the Penumbra of the State. *The VoxEU*. 07.04.2019. <https://voxeu.org/article/reform-chinese-state-owned-enterprises-penumbra-state> (accessed 07.04.2019).
17. IFR. World Robotics, 2018. Industrial Robots. Executive Summary. Frankfurt am Main, 2018. https://ifr.org/downloads/press2018/Executive_Summary_WR_2018_Industrial_Robots.pdf (accessed 11.03.2019).
18. IMD World Competitiveness Booklet. Lausanne. 2025. <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/>
19. IMF. Data. <https://www.imf.org/en/data>
20. Lardy N. Xi Jinping's Turn away from the Market Puts Chinese Growth at Risk. *The Economist*. 15.01.2019. <https://www.ft.com/content/3e37af94-17f8-11e9-b191-175523b59d1d> (accessed 15.01.2019).
21. Light on the Shadows. *The Economist*. 14.06.2018. <https://www.economist.com/finance-and-economics/2018/06/14/chinas-tighter-regulation-of-shadow-banks-begins-to-bite> (accessed 14.06.2018).
22. Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris: OECD.1998. 195 p.
23. Nye J. China Will Not Surpass America any Time Soon. *The Financial Times*. 20.02.2019. <https://www.ft.com/content/7f700ab4-306d-11e9-80d2-7b637a9e1ba1> (accessed 20.02.2019).
24. Oguh Ch., Tanzi A. Global Debt of \$244 Trillion Nears Record Despite Faster Growth. *Bloomberg*. 15.01.2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-15/global-debt-of-244-trillion-nears-record-despite-faster-growth> (accessed 15.01.2019).

25. Oulton N. Productivity and the Great Recession. *Intereconomics*. 2018. Vol. 53. N 1. DOI:10.1007/s10272-018-0723-x.
26. Plender J. China's Policy Choices Crucial for Global Financial Stability. *The Financial Times*. 05.09.2018. <https://www.ft.com/content/635ab2cc-b00f-11e8-99ca-68cf89602132> (accessed 05.09.2018).
27. Red Moon Rising. *The Economist*. 12.01.2019.
28. Seong J., Woetzel J. Could China Turn Inward? *The Project-Syndicate*. 24.12.2018. <https://www.project-syndicate.org/commentary/will-china-/turn-inward-by-jeongmin-seong-and-jonathan-woetzel-2018-12> (accessed 24.12.2018).
29. Sheng A., Geng X. China and Its Western Critics. *The Project-Syndicate*. 26.03.2019. <https://www.project-syndicate.org/commentary/western-consensus-on-china-wrong-by-andrew-sheng-and-xiao-geng-2019-03> (accessed 26.03.2019).
30. Sichel D. Productivity Measurement: Racing to Keep Up. NBER. Working Paper 25558. Cambridge, M.A., 2019. DOI:10.3386/w25558.
31. Smith C. The Global Economy's Second Sun. *The Financial Times* Alphaville. 29.01.2019. <https://ftalphaville.ft.com/2019/01/29/1548759745000/The-global-economy-s-second-sun/> (accessed 29.01.2019).
32. The Global Centre. *The Economist*. 23.02.2019. <https://www.economist.com/essay/2019/02/23/how-one-building-reflects-the-chinese-economys-struggle-with-itself> (accessed 23.02.2019).
33. The Great Experiment. *The Economist*. 12.01.2019.
34. The World Economic Forum. The Global Competitive-ness Report, 2001–2002; 2018. Geneva.
35. The World Economic Forum. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva.
36. UNCTAD. Stat. Data Centre. <https://unctad-stat.unctad.org/datacentre>
37. UNDP. Data-Center. <https://hdr.undp.org/data-center>
38. WIPO. Global Innovation Index 2025. Geneva, 2025. <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/gii-2025-results.html>.
39. Wolf M. The Chinese Economy Is Stabilising. *The Financial Times*. 03.04.2019. <https://www.ft.com/content/37ac5f08-5529-11e9-91f9-b6515a54c5b1> (accessed 03.04.2019).

40. World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

41. World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 27.03.2019).

6. Южнокорейское чудо, или Не боги горшки обжигают²⁴⁰

If there is a will, there is a way.
Английская пословица

힘과 마음을 합치면 하늘을 이긴다
Объединив усилия, дотянемся до небес!
Корейская пословица

Одна из наиболее актуальных тем в мировой экономической науке — кто, кого, когда, как, почему и при каких обстоятельствах догонял и перегонял по уровню развития. Об этом, в том числе об опыте стран Запада и Японии, написаны сотни книг и статей. Казалось бы, для многих отсталых стран чего проще: взять и применить предложенные рецепты и стать развитыми. Однако за последние шесть-семь десятилетий после деколонизации афро-азиатских и за два столетия после деколонизации латиноамериканских стран в группу богатых государств перешло не более двух дюжин бывших колоний и зависимых стран. Среди них большинство богаты не столько человеческим капиталом, сколько природными ресурсами, прежде всего углеводородами, высоко ценимыми мировым рынком. В группу экономически (технологически и институционально) продвинутых государств ²⁴¹ вошло и того

²⁴⁰ Мельянцев В. А., Горожанкина А. А., 2018 (С). Глава базируется на публикации авторов в: «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность». 2018. № 3. С. 150–164. В текст рукописи, подготовленной в 2018 г., были внесены небольшие дополнения.

²⁴¹ Таковыми, как правило, считаются страны, входящие в ОЭСР с ПВВП свыше половины от уровня США (критерий МВФ) и имеющие достаточно высокие характеристики технологической зрелости (сравнительно высокие показатели доли высокотехнологичных товаров в экспорте готовых изделий и расходов на НИОКР в ВВП, а также зарегистрированных (в США, ЕС, Японии) «триадных» патентов на 1 млн жителей).

меньше — не более десяти стран и экономик. Если исключить офшоры и сверхмалые по численности населения страны / экономики, то к ним можно отнести Тайвань²⁴², уже обогнавший бывшую метрополию — Японию по уровню ВВП (в ППС) в расчете на душу населения (в 2016 г. на $1/6$), а также Республику Корея (РК), вошедшую в восьмерку наиболее конкурентоспособных среди крупных экономик мира (с ВВП свыше 1 трлн долл. по ППС 2016 г.)²⁴³.

Какими же темпами отставшим странам нужно было расти, чтобы за прошедшие две трети века преодолеть пяти-или шестикратный разрыв, в среднем существовавший в 1950-е гг. между РГ и РС по критерию ПБВП²⁴⁴? По нашим расчетам, это порядка 5–6 % в среднегодовом выражении. Подчеркнем, в целом за весь период, включающий спады и кризисы. Этот темп вдвое выше, чем в среднем по РС за последние пять-шесть десятилетий. То есть это нетривиальная задача, предполагающая создание весьма эффективного механизма экономического роста, опирающегося не только на экстенсивные факторы, связанные с мобилизацией капитальных и трудовых ресурсов, но и на растущую отдачу от их использования, о чем применительно к моделям роста азиатских НИС шла оживленная дискуссия накануне азиатского кризиса 1997–1998 гг.²⁴⁵

Опыт Республики Корея (РК), сумевшей, несмотря на нехватку природных ресурсов, в сжатые сроки превратиться из весьма бедной в технологически продвинутую страну, весьма полезен как для РС, так и для России, которой сейчас, после серии проб и ошибок, жизненно необходимо выйти на траекторию эффективного роста/развития, опирающегося не столько

²⁴² О модели долгосрочного роста Тайваня см.: Meliantsev V. A. Taiwan: Assessing National Competitiveness in the Regional and World Economy. *Paper Prepared for the Fourth Conference of the European Association of Taiwan Studies*. Stockholm: Stockholm University. 2007.

²⁴³ *Global Competitiveness Report 2017–2018*. World Economic Forum, Geneva, 2017. P. 13, 168, 160, 280.

²⁴⁴ См. Мельянцев В. А. Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2016. № 2. С. 62.

²⁴⁵ См. Мельянцев В. А. *Восточноазиатская модель экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны*. Москва: Издательский центр ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. С. 23; Krugman P. The myth of Asian miracle. *Foreign affairs*, 1994.

на природные ресурсы, сколько на хорошо просчитанные реформы, институциональные и технологические инновации. Несмотря на то, что РК не обделена вниманием как российских, так и зарубежных исследователей²⁴⁶, ряд аспектов ее развития нуждается, на наш взгляд, в дополнительной проработке с использованием новых статистических материалов и аналитического инструментария.

Основные факторы роста РК

В осуществлении экономического чуда РК сыграли роль несколько факторов, которые, возможно, не дали бы существенного эффекта каждый в отдельности, но в совокупности привели к значительным успехам.

В первую очередь это неблагоприятные исходные геополитические, геоэкономические и исторические условия РК. В частности, речь идет о менее дружественном, чем, например, на Тайване, режиме японского протектората (1910–1945 гг.) в Корее. Японцы буквально подавляли местное население, пытались стереть с лица земли корейскую культуру, использовали Корею как источник дешевой рабочей силы для развития горнодобывающей и обрабатывающей промышленности Японии, а также для урегулирования демографической ситуации

²⁴⁶ Андрианов В. Д. *Новые индустриальные страны в мировом капиталистическом хозяйстве*. Москва: Международные отношения, 1989; Суслина С. С. *Промышленность Южной Кореи (экономическое развитие и социальные последствия)*. Москва: Наука, 1988; Суслина С. С. *Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 1980-х — начало 1990-х гг.)*. Москва: Восточная литература, 1997; Суслина С. С. *Республика Корея и мировой финансовый кризис. Мировое и национальное хозяйство*. 2009. № 1 (8); Федоровский А. Н. *Южнокорейская чэболь: становление, развитие, трансформация*. Москва: ИМЭМО РАН, 2007; Lee J. W. The Republic of Korea's Economic growth and Catch-up: Implications for the People's Republic of China. *Asian Development Bank*. 2016. No. 571; Lee H. H, Harvie C. *Export-Led Industrialization and Growth — Korea's Economic Miracle 1962–89*. University of Wollongong Economics. Australia. 2003; Lee K. How can Korea be a Role model for Catch-up development? *World Institute for Development Economic Research*. 2009; Lee K., Kim B. K., Lee C. H., Yee J. Y. *Visible Success and Invisible Failure in Post-Crisis Reform in the Republic of Korea: Interplay of Global Standards, Agents, and Local Specificity*. World Bank. 2005; Lee K., Ryu K. K., Yoon J. *Corporate Governance and Long-Term Performance of the Business Groups: The Case of Chaebols in Korea*. Institute of Economic Research Hitotsubashi University. Japan. 2004.

в Японии. Количество японцев в РК увеличилось в 7 раз в годы колонизации²⁴⁷. Жесткий режим эксплуатации способствовал гораздо большей нацеленности РК на экономическую самостоятельность. Определенными вызовами также стали постоянное противостояние с КНДР и нарастающая международная конкуренция.

Безусловно, в условиях отсталости, когда в 1950-е гг. по уровню ВВП Южная Корея находилась на уровне беднейших стран Африки, осуществление догоняющего развития в ней не представлялось возможным без значительной роли государства²⁴⁸.

В отличие от многих других РС, РК проводила в целом взвешенную экономическую политику. Именно государство создавало условия для осуществления структурных сдвигов, ограничивало приток ПИИ в приоритетные отрасли с целью налаживания собственного производства, создавало стимулы для развития частного сектора, способствовало продвижению южнокорейских товаров на международные рынки.

Государственные меры РК тщательно прорабатывались южнокорейскими специалистами из Совета экономического планирования, экспертами Всемирного банка и других международных аналитических центров, а также отличались последовательностью, системностью и выполнялись в намеченные сроки. Государство, к примеру, стремилось не только оградить внутреннее производство от конкурирующего импорта, но и избежать использования ресурсов в неприоритетных отраслях, применяя в качестве мер защиты импортные тарифы, лицензирование и квотирование, а также различные формы валютного контроля²⁴⁹.

Государство осуществляло постоянный мониторинг ситуации на мировом рынке и оперативно реагировало на ее изменения. В частности, в период формирования отраслей тяжелой и химической промышленности (с начала 1970-х гг.) в РК, в отличие от Японии и в дальнейшем от ряда других НИС,

²⁴⁷ Lee H. H., Harvie C. *Export-Led Industrialization and Growth — Korea's Economic Miracle 1962–89*. University of Wollongong Economics. Australia. 2003. P. 9.

²⁴⁸ Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм. 2014.

²⁴⁹ Luedde-Neurath R. *Import controls and export-oriented development: a reassessment of the South Korean case*. SA: Westview Press. MC, 1986. P. 114.

импортозамещение и экспортоориентированное развитие проходили не поэтапно, а параллельно. Стремительный переход к развитию отраслей тяжелой промышленности был обусловлен снижением конкурентоспособности южнокорейских товаров легкой промышленности из-за повышения доли более дешевой продукции стран ЮВА и Китая на мировом рынке, что послужило стимулом для РК к поиску новых источников экспортных доходов. Кроме того, РК спешила создать промышленный комплекс, не уступающий японскому, а также опередить КНДР в реализации стратегии развития тяжелой промышленности.

На масштабную индустриализацию требовались большие капиталовложения. Немалая помощь в течение длительного периода (1945–1975 гг.) поступала из США, что было обусловлено заинтересованностью США в азиатском союзнике в условиях «биполярного» мира. При этом РК, судя по всему, удавалось более эффективно использовать полученные средства, чем другим развивающимся странам, получавшим помощь²⁵⁰. В качестве одного из важнейших факторов успеха РК отметим растущий спрос на южнокорейскую продукцию со стороны США, которые с самого начала индустриализации обеспечили достаточно емкий рынок сбыта для товаров из РК.

Немаловажным фактором экономического роста РК стало создание государством благоприятной среды для развития предпринимательства — главной движущей силы наращивания экспортного потенциала и конкурентоспособности страны²⁵¹. Используя систему стимулов для увеличения доли экспорта в ВВП и доли товаров тяжелой промышленности в структуре экспорта, государство с середины 1960-х гг. «вращивало» крупные корпорации. Администрация Пак Чон Хи ежегодно составляла детальные планы по объемам экспорта и его товарной структуре, выполнение которых жестко регулировалось государством и непосредственно президентом²⁵².

²⁵⁰ Горожанкина А. А. Благоприятные факторы и ограничения экономического развития Республики Корея на современном этапе. *Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение*, 2017. № 2. С. 70.

²⁵¹ Lee K. *How can Korea be a Role model for Catch-up development?* World Institute for Development Economic Research, 2009.

²⁵² Lee H. H, Harvie C. *Export-Led Industrialization and Growth — Korea's Economic Miracle 1962–89*. University of Wollongong Economics. Australia, 2003. P. 11–12.

Если компания не выполняла план, с нее снимали все льготы, включающие отмену или понижение тарифов на импорт сырья и товаров, необходимых для производства экспортных товаров, налоговые льготы, а также льготный доступ к кредитам под низкий процент. В результате такой политики малому и среднему бизнесу к концу 1960-х гг. стало сложнее выполнять экспортные планы, требования которых часто завышались. В связи с этим большая часть льгот перешла крупному бизнесу и способствовала его дальнейшему укреплению. Для оказания помощи экспортерам в маркетинге их товаров на зарубежных рынках создавались правительственные организации содействия продвижению экспорта. Некоторые из них, доказав свою эффективность, функционируют по сей день, в частности Корейская корпорация содействия торговле, KOTRA. Такая экспортоориентированная политика, безусловно, способствовала повышению конкурентоспособности корейских товаров на мировых рынках.

Однако РК не удалось полностью избежать дисбалансов и кризисов. В частности, в 1990-е гг. с переходом к демократизации и либерализации, предполагавшей повышение частной инициативы и ограничение участия государства в экономике, правящие круги уже не имели прежней власти над крупными корпорациями. Это привело к неконтролируемому разрастанию власти чеболей и, как следствие, большой их задолженности, номинированной в основном в краткосрочных обязательствах, срок выплат по которым пришелся на самый тяжелый период Азиатского кризиса (конец 1997 г.)²⁵³. Эти обстоятельства совпали с падением цен на экспортные товары, удержанием высокого курса воны, неблагоприятного для экспортеров, повышением процентных ставок и заработной платы, создававших дополнительную нагрузку на корпоративный сектор.

Справедливости ради заметим, что благодаря проведению системных посткризисных реформ²⁵⁴ РК довольно быстро по сравнению с другими азиатскими странами справилась с тяжелыми последствиями кризиса. РК не слепо

²⁵³ Увеличение краткосрочных заимствований было связано с вступлением РК в ОЭСР, при котором одним из обязательных условий была либерализация сделок с капиталом.

²⁵⁴ Lee J. W. *Twenty years after the financial crisis in the Republic of Korea*. Asian Development bank, 2017. No. 790. P. 2–12.

следовала разработанной МВФ программе, отдельные из положений которой осложняли и без того напряженную экономическую ситуацию, а, тщательно анализируя предложенные инициативы, выбирала наиболее эффективные и подходящие для нее меры. Так, после принятия взвешенных последовательных инициатив была проведена реструктуризация наиболее успешных чеболей, в результате которой они стали концентрироваться на выпуске основных видов своих продуктов.

Благодаря скоординированным и тщательно продуманным антикризисным мерам и своевременному осуществлению реформ были минимизированы и ликвидированы в короткие сроки последствия мирового финансового кризиса 2008 г.

Залогом успеха РК стала ориентация государственной политики РК на развитие научных технологий. Основы для этого были заложены уже в 1960–1970-е гг. с появлением Корейского института научных технологий (KAIS), министерства научных технологий, научного городка в Тедук и множества научно-исследовательских институтов²⁵⁵. Государственные меры были нацелены на улучшение условий для адаптации заимствованных технологий, а также на развитие собственных НИОКР²⁵⁶.

Таким образом, с целью повышения инновационного потенциала страны росли расходы на НИОКР, охват населения образованием и человеческий капитал, которые постепенно становились основой для интенсивного экономического роста.

Безусловно, реализация такой политики подкреплялась корейскими национальными чертами: трудолюбием, ответственностью и целеустремленностью, а также немалой долей патриотизма. В этом смысле сложно не согласиться с Полом Кругманом — нобелевским лауреатом по экономике, который еще в 1990-е гг. отметил, что южнокорейское общество принимало авторитарность правительства, готово было жертвовать

²⁵⁵ UNCTAD. *Investment and technology policies for competitiveness: review of successful country experiences*. New York. 2003. P. 35–41.

²⁵⁶ 김영귀, 김정덕, 강중구, 김혁황. 경제개방과 R&D 정책의 상호작용에 대한 평가와 시사점. 대외경제정책연구원 (Анализ политики развития НИОКР в условиях экономической открытости Республики Корея. Корейский Институт Международной Экономической Политики, Сеул, 2012).

личными интересами ради всеобщего блага, брало на себя ответственность за страну, поступаясь своими краткосрочными интересами для долгосрочного экономического роста²⁵⁷.

Динамика и пропорции экономического развития Южной Кореи

С целью оценить масштабы успехов РК и результативность южнокорейской модели представим наглядно динамику ключевых экономических показателей в период 1960–2016 гг., менявшихся под воздействием вышеописанных благоприятных факторов экономического развития. Нами рассматривается временной отрезок с 1960-х гг., так как именно в начале этого периода РК сумела восстановить уровень подушевого ВВП 1930-х гг. Чтобы наглядно представить динамику показателей в рассматриваемый период, мы разбили его на следующие этапы: 1960–1980 гг., куда входит нефтяной шок 1973 и 1979 гг., 1980–2000 гг., который включает Азиатский кризис 1997 г., 2000–2016 гг., куда входит мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. Такое разграничение представляется равномерным и справедливым, так как каждый из этих периодов включает как экономический подъем, так и спад.

В расчетах мы опирались на данные национальной и международной статистики, в ряд индикаторов были внесены поправки. Используя метод скользящих весов, нами были скорректированы в сторону снижения индексы роста ВВП. Так, если, по официальным данным и по данным Всемирного банка, СГТП ВВП в 1960–1980 гг. был равен 8,7 %, то по нашим расчетам на базе методики скользящих весов²⁵⁸ он составил 8 %; в период 1980–2000 гг. — 7,2 % вместо 7,9 %, а в период 2000–2016 гг. — 4,0 %, что чуть выше, чем официальные данные в 3,9 %.

В результате ускоренного экономического роста РК за прошедшие десятилетия ее ПВВП, не превышавший 7–9 % от уровня США во второй половине 1950-х гг., в 2016 г. достиг $\frac{2}{3}$ от уровня США (см. *рис. 6.1*). Несмотря на то, что РК пока отстает от Японии, где этот показатель составил $\frac{4}{5}$ от уровня

²⁵⁷ Krugman P. The myth of Asian miracle. *Foreign affairs*, 1994.

²⁵⁸ Формулу расчета индекса роста по модели Торнквиста — Дивизиа со скользящими весами (*rolling weights*) см.: Мельянцев В. А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). Москва: Издательство «Ключ-С», 2009. С. 73.

США в 2016 г., простая экстраполяция СГТП ПВВП РК и Японии за 2010–2016 гг. показывает, что при прочих равных условиях РК способна догнать бывшую метрополию по рассматриваемому показателю через 6–8 лет — в 2023–2024 гг.²⁵⁹

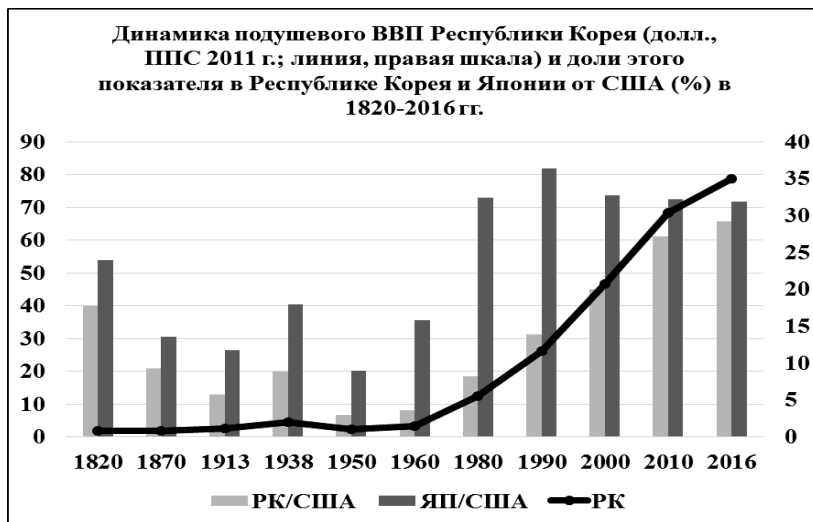


Рис. 6.1. Динамика подушевого ВВП Республики Корея, (долл., ППС 2011 г.; линия, правая шкала) и доли этого показателя в РК и Японии от США (%) в 1820–2016 гг.

Здесь и далее (рис. 6.2–6.8) рассчитано по: World Bank Data; IMF Data; OECD.Stat; UNCTADstat; UNDP. *Human Development Report*. New York, 2016; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics* Paris: OECD, 2003. Рр. 87–89, 180, 182, 184.

Поэтапные реформы правительства РК, направленные на улучшение инвестиционного климата, качества инфраструктуры и государственного управления, привели к значительному росту этих показателей. В частности, судя по ряду характеристик, основанных на базе данных *World Governance Indicators* Всемирного банка, уровень качества и эффективности

²⁵⁹ По уточненным данным, по уровню подушевого ВВП (в ППС 2021 г.) РК сумела перегнать Японию в 2024 г. почти на 1/5. См.: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

государственного регулирования вырос за последние 20 лет с 75 до 92–98 % от среднего показателя группы РГ. В РК произошли определенные сдвиги в сторону улучшения условий ведения бизнеса ²⁶⁰, что продиктовано намерением государства сделать страну более привлекательной для иностранных компаний, а также упростить процедуру вхождения на рынок новых перспективных фирм.

Результатом проводимой в течение многих десятилетий экспортоориентированной политики стало значительное увеличение валового вклада экспорта в экономический рост РК. Вклад экспорта в ВВП РК, рассчитанный по модели Энгуса Мэддисона²⁶¹, увеличился с $1/2$ в 1960–1980 гг. до $3/5$ в 1980–2000 гг. и составил $4/5$ в 2000–2016 гг.

Товарная структура экспорта претерпела существенные качественные изменения: доля высокотехнологичной продукции в товарном экспорте выросла до 27 %²⁶², что в 1,5 раза выше, чем в среднем по миру (18 %). В структуре экспорта страны, по данным на 2016 г., преобладают электронное оборудование (27 %), транспортные средства (13 %), машинная техника, включая компьютеры (12 %) и суда (7 %); небольшая доля приходится на экспорт пластика и пластмассы (5,6 %), оптической и медицинской аппаратуры (5,6 %), минерального топлива (5,5 %), железа и стали (4 %) ²⁶³.

Диверсификация товарной структуры экспорта сопровождалась интенсивными изменениями в структуре производства и занятости. В частности, СГТП абсолютной величины сдвигов в трехсекторной структуре занятости²⁶⁴ РК в последние 56 лет оказались в целом вдвое выше, чем в среднем по миру. По структуре производства и занятости РК — одна из наиболее развитых промышленных стран мира — стремительно превращается в постиндустриальную экономику (см. *рис. 6.2*).

²⁶⁰ *Doing business 2017. Equal opportunity for all. Economy profile 2017.* Korea. World Bank, 2017.

²⁶¹ Расчет произведен по формуле: $V = [a \cdot 0.5(b_1 + b_2) : c] \cdot 100, \%$, где V — вклад экспорта в прирост ВВП, a и c — среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 — доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода (см.: Мельянцев В. А. *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста*. Москва: Издательство Ключ-С, 2013. С. 11). Исходные данные взяты из источников к *рис. 6.1*.

²⁶² *World Bank Data*.

²⁶³ *World's Top Exports, 2017*.

²⁶⁴ См. главу 1.



Рис. 6.2. Республика Корея, 1960–2016 гг.:
динамика структуры ВВП, %

В результате политики государства, направленной на наращивание капиталовложений, в РК существенно возросла норма накопления. Норма инвестиций в физический капитал достигла 23,4 % в 1960–1980 гг. и превысила 30 % ВВП в 1980–2010-е гг., тогда как доля инвестиций в человеческий капитал составила в 1960–1980 гг. 9–10 %, повысилась до 13–14 % в 1980–1990-е гг. и выросла до 17 % ВВП в 2000–2016 гг. Таким образом, доля совокупных вложений в фонд развития выросла примерно с $\frac{1}{3}$ в 1960–1980 гг. до $\frac{1}{2}$ ВВП в 1980–2016 гг. (см. рис. 6.3).

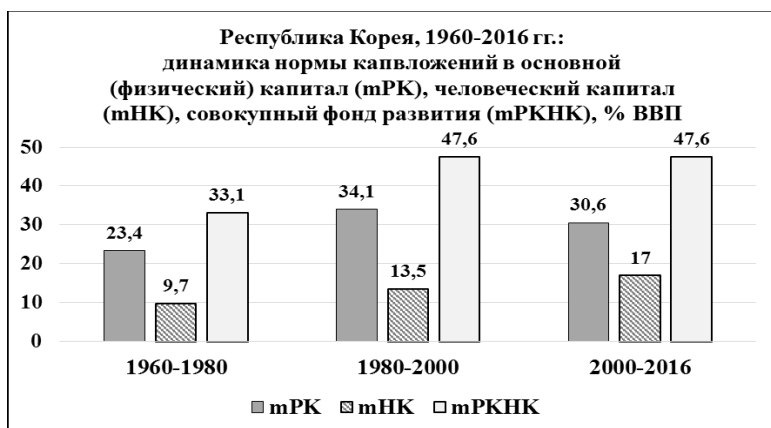


Рис. 6.3. Республика Корея, 1960–2016 гг.: динамика нормы капиталовложений в основной физический капитал (мРК), человеческий капитал (мНК), совокупный фонд развития (мРКНК), % ВВП

Справедливости ради отметим высокую результативность капиталовложений в РК. Так, по нашим расчетам, за последние 56 лет ее современного экономического роста, объем физического капитала вырос в 120–125 раз (8,5–9 % в год), капиталовооруженность труда возросла в 31 раз, увеличиваясь в среднем на 6–6,5 % в год.

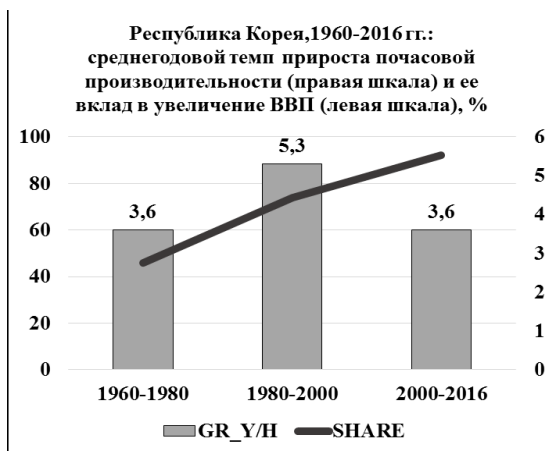


Рис. 6.4. РК, 1960–2016 гг.: СГТП почасовой производительности (правая шкала) и ее вклад в увеличение ВВП (левая шкала), %

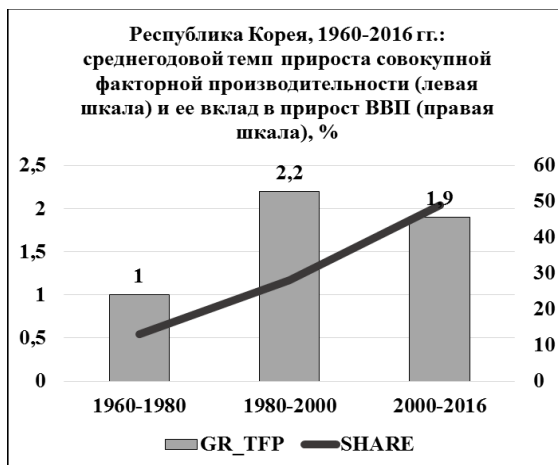


Рис. 6.5. РК, 1960–2016 гг.: СГТП СФП (левая шкала) и ее вклад в прирост ВВП (правая шкала), %

Национальная черта корейцев — трудолюбие — вкупе с государственной и корпоративной политикой РК, нацеленной на достижение результатов, в течение десятилетий способствовали стремительному увеличению количества отработанных часов на одного занятого с 2100 в 1960 г. до 2400 в 1970 г. и до 2600–2700²⁶⁵ часов в 1980–1990-е гг., а также росту почасовой производительности труда в 10 раз (см. *рис. 6.4*) и совокупной факторной производительности (СФП) в 2,5 раза (см. *рис. 6.5*) за период 1960–2016 гг.

Отметим, что увеличение производительности труда в РК было также обусловлено частично демографическим дивидендом (доля населения в возрасте от 15–64 лет выросла с 53,4 в 1960–1980-е гг. до 72,9 % в 2000–2016 гг.), значительным повышением охвата населения образованием и постепенным ростом его качественного уровня. Стремление жителей РК к образованию, основанное на главных принципах конфуцианства и протестантизма, способствовало увеличению среднего числа лет обучения в 3,5–4 раза до 16–17 редуцированных лет обучения в период 1960–2016 гг. В результате в современной Южной Корее треть (свыше 35 %) ²⁶⁶ всех занятых имеет высшее образование. Повысился и качественный уровень образования: средний уровень IQ корейцев составляет 104,8, превышая уровень IQ населения многих других РГ. Для сравнения в Великобритании IQ составляет 100²⁶⁷.

Говоря о человеческом капитале, следует заметить, что в РК значительно вырос уровень качества жизни, медицинского обслуживания, социального обеспечения, что способствовало увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни населения на 30 лет — с 53 лет в 1960 г. до 82–83 лет в 2016 г.²⁶⁸

В целом в РК, в которой огромное внимание уделяется развитию человеческого фактора, ИЧР, отнесенный к среднему уровню по развитым странам, вырос с 93 % в 1990 до 102 % в 2015 г. (см. *рис. 6.6*).

²⁶⁵ Подсчитан по: Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris: OECD. 1995. P. 248; OECD data.

²⁶⁶ *Human development indicators*, 2016.

²⁶⁷ Ibid.

²⁶⁸ См. *World Bank Data*.



Рис. 6.6. РК, 1990–2015 гг.: динамика ИЧР (столбцы, правая шкала) и изменение его относительных уровней (линия, левая шкала, %)

Рассчитано по источникам к рис. 6.1.

Образованная, трудолюбивая, организованная и здоровая рабочая сила вкупе с взвешенной политикой государства, направленной на развитие наукоемких производств и высокотехнологичной продукции (по расходам на НИОКР РК занимает 2-е место в мире после Израиля — 4,3 %²⁶⁹ от уровня ВВП), эффективным частно-государственным партнерством создали высокий инновационный потенциал. Это подтверждает количество зарегистрированных «триадных» патентов, которое увеличилось в 4 раза за последние 20 лет, согласно данным Корейского ведомства интеллектуальной собственности²⁷⁰.

Особо отметим значительные успехи РК в развитии ИКТ. По технологическому уровню РК превосходит многие развитые страны. Среди последних корейских разработок — технологии 5G, внедрение которых тестируется на зимних Олимпийских играх в Пхёнчхане в феврале 2018 г. Впечатляет уровень

²⁶⁹ World Bank Data.

²⁷⁰ 특허청 (Korean Intellectual Property office).

использования Интернета в РК, который составляет 90 % всего населения, а среди молодежи (16–24 лет) уже достиг 100 %²⁷¹. В корпоративном секторе уровень широкополосного подключения к сети приблизился к 100 %, причем все большее число южнокорейских фирм использует наиболее совершенные и повышающие производительность технологии. Что касается использования высоких технологий на государственном уровне, то РК обладает самой совершенной среди стран ОЭСР системой электронного правительства, созданной для повышения прозрачности государственной политики²⁷².

Проблемы и противоречия развития РК на современном этапе

Отмечая феноменальные успехи, достигнутые РК в период 1960–2016 г., следует подчеркнуть, что в последние 10–20 лет в РК наметилась тенденция к замедлению темпов экономического роста, и страна испытывает определенные трудности, сдерживающие дальнейший экономический рост. Это связано с тем, что ряд факторов, благоприятствовавших росту в прошлом, близок к исчерпанию.

В частности, с учетом того, что внешнеторговая квота страны в 2015 г. достигала примерно $9/10$ ВВП, в РК остается слишком мало возможностей наращивания роста за счет форсированного развития по экспортоориентированной модели.

Наблюдается тенденция к снижению эффективности капиталовложений. В связи с усложнившейся структурой экономики РК (индекс сложности экономики РК ECI (*Economic complexity index*), разработанный профессором Гарварда Рикардо Хаусманном, по данным на 2016 г., составил 1,98²⁷³, каждая дополнительная единица ее роста требует все больших удельных вложений в физический и человеческий капитал. Предельная капиталоемкость по норме вложений в физический капитал выросла в 2,5 раза (с 3 до 7,8), тогда как по норме вложений в совокупный фонд развития практически втрое (см. рис. 6.7).

²⁷¹ OECD Digital Economy Outlook 2017. Spotlight on Korea, 2017. P. 2.

²⁷² OECD Government at a Glance 2015. Country Fact Sheet, 2015.

²⁷³ Economic Complexity Rankings (ECI). Добавим к сказанному, что ныне РК — в числе лидеров не только по использованию роботов, но и по применению искусственного интеллекта.

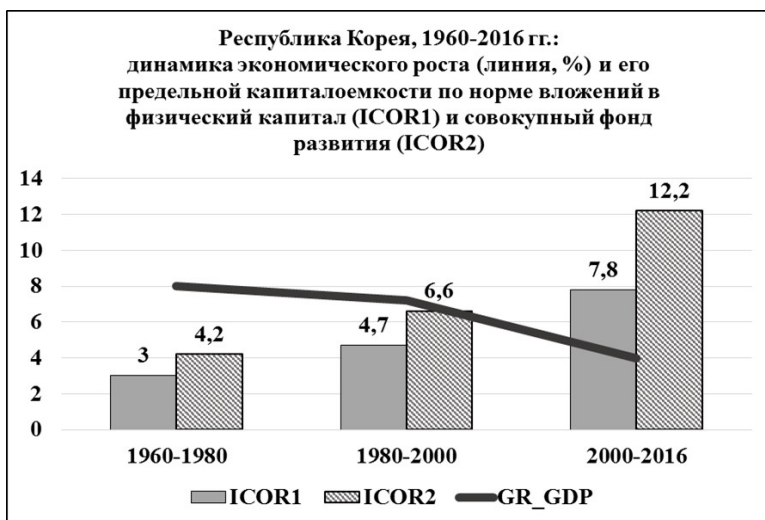


Рис. 6.7. РК, 1960–2016 гг.: динамика экономического роста (линия, %) и его предельной капиталоемкости по норме вложений в ФК (ICOR₁) и совокупный фонд развития (ICOR₂)

Таким образом, возможности для дальнейшего увеличения капиталовложений ограничены, а в условиях существенного снижения эффективности этих капиталовложений дальнейшее их наращивание нецелесообразно.

Не представляется возможным обеспечить дальнейший рост экономики РК за счет перелива рабочей силы из отраслей с низкой капиталовооруженностью и производительностью труда в отрасли с высокой капиталовооруженностью и производительностью труда. Если этот фактор, по нашим расчетам, обеспечивал $\frac{1}{5}$ роста корейской экономики в 1960–1980 гг. и $\frac{1}{10}$ в 1980–2000 гг., то в 2000–2016 гг. вклад этого фактора в рост ВВП оказался практически нулевым²⁷⁴. Это в большей степени связано с высокой долей занятых в сфере услуг (свыше $\frac{2}{3}$ общего числа занятых; см. рис. 6.8) с относительно низким уровнем производительности²⁷⁵.

²⁷⁴ Расчет произведен по формуле С. Кузнецца из Мельянцева В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М.: Издательство МГУ, 1996. С. 50–51.

²⁷⁵ *OECD National Accounts Database*; Choi H., Jung S. C., Kim S. B. The effect of restructuring on labour reallocation and productivity growth: an estimation for Korea. *KIEP*, 2017. P. 36.

В целом в РК в 2000–2016 гг. произошло снижение темпов прироста почасовой производительности и СФП примерно на $\frac{1}{3}$ и на $\frac{1}{6}$ (до 1,9 %) соответственно. Однако в 2000–2016 гг. среднегодовой темп прироста СФП РК был почти вчетверо выше, чем в таких высокоразвитых экономиках, как США и Япония.

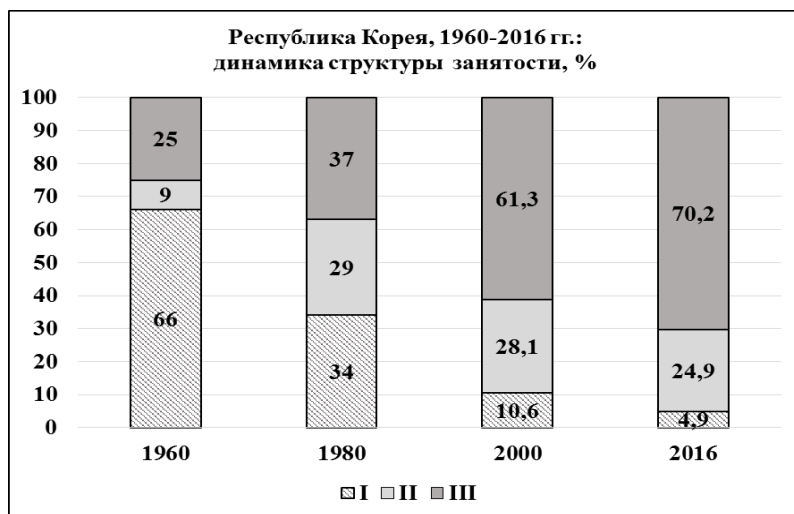


Рис. 6.8. РК, 1960–2016 гг.: динамика структуры занятости, %

Наращивание производительности экстенсивным путем возможно за счет увеличения пропорции занятых к трудоспособным (значительная часть трудоспособного населения не занята на рынке труда)²⁷⁶, ввиду затруднения дальнейшего увеличения длительности рабочего дня. Среднее число отработанных человеко-часов, достигнув своего максимума в 2800 часов²⁷⁷ в 1992 г., стало постепенно снижаться, сократившись в общей сложности на $\frac{1}{5}$ в период с 1990 по 2016 г., однако по-прежнему остается одним из самых высоких в мире.

²⁷⁶ Горожанкина А. А. Благоприятные факторы и ограничения экономического развития Республики Корея на современном этапе. *Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение*. 2017, № 2. С. 70–72.

²⁷⁷ Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris: OECD. 1995. P. 248.

Проблема роста производительности усугубляется тем, что население РК стремительно стареет. Показатель фертильности корейских женщин в возрасте 20–49 лет понизился с 6 детей на 1 женщину в 1960 г. до 1,2²⁷⁸ в 2016 г.²⁷⁹ Это способствовало сокращению годовых темпов прироста демографического дивиденда в 8 раз — с 0,7–0,8 % в год в 1960–1990 гг. до 0,1 % в 2000–2016 гг. и существенному увеличению доли пожилого населения (свыше 65 лет) до 13 %²⁸⁰ всего населения. Учитывая наметившуюся тенденцию к улучшению качества жизни, развитию медицины, можно предположить, что доля пожилых людей в структуре населения страны будет увеличиваться, а значит, велика вероятность роста социальной нагрузки, пенсионных отчислений, нагрузки на работающее население и, как следствие, снижения производительности труда и дальнейшего замедления темпов экономического роста²⁸¹.

Говоря об исчерпании возможностей роста за счет экстенсивных факторов, отметим невозможность дальнейшего увеличения числа редуцированных лет обучения взрослого населения, годовые темпы роста которого сократились в 5 раз — с 2,8–3,2 % в 1960–2000 гг. до 0,6 % в 2000–2015 гг. В связи с этим для интенсивного экономического роста необходимо уделять гораздо большее внимание повышению качества образования. Заметим, что в системе образования, ориентированной до недавнего времени на развитие памяти, наметились некоторые сдвиги в сторону развития аналитических способностей у учащихся. Согласно данным международного тестирования ОЭСР *Program for International Student Assessment (PISA)*, в разделе «креативное мышление» корейские ученики показали высокие результаты²⁸², что является

²⁷⁸ *World Bank Data*.

²⁷⁹ И к 2023 г. сократился на $\frac{2}{5}$ — до 0,7. См.: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

²⁸⁰ *World Bank Data*.

²⁸¹ Предположения авторов, сделанные в 2018 г., подтвердились: СГТП ВВП в РК сократился на $\frac{2}{5}$ — с 4,1 % в 2000–2016 гг. до 2,4 % в 2016–2024 гг. См.: World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.12.2025).

²⁸² *Intelligence, Personality and Creativity. Unleashing the power of intelligence and personality traits to build a creative and innovative economy*. World Bank, Seoul, 2014. P. 27.

положительной предпосылкой для дальнейшего экономического роста, но пока рано говорить о кардинальных переменах в этой сфере среди значительной доли населения.

Потенциал дальнейшего роста экономики РК в определенной степени тормозят политическая нестабильность, снижение доверия со стороны бизнеса и потребителей в связи с коррупционным скандалом 2016 г., политическая напряженность вокруг Северной Кореи и нарастающая конкуренция со стороны Китая и ряда других азиатских стран.

Цена развития

Среди отрицательных последствий экономического роста РК можно назвать неблагоприятную экологическую ситуацию, по качеству которой РК уступает другим развитым странам, что в немалой мере связано с низкими экологическими налогами и тарифами на загрязнение воздуха и воды²⁸³. По объему выбросов углекислого газа на душу населения РК занимает 6-е место в рейтинге после Люксембурга (1-е место), США (2-е место), Австралии (3-е место), Канады (4-е место) и Эстонии (5-е место). Не исключено, что воздействие на окружающую среду постепенно начнет снижаться ввиду масштабного применения эко-инноваций, в развитии которых РК значительно преуспела в последнее время. И это неудивительно, ведь уже в 2014 г. РК вышла на первое место в мире по доле расходов на НИОКР в сферах энергетики и экологии в ВВП (0.14 %) ²⁸⁴.

Совокупный долг РК достиг весьма солидной величины ВВП, увеличившись за последние 10 лет примерно на $\frac{1}{5}$ — с 242 до 292 % в 2016 г.²⁸⁵, что, безусловно, существенно влияет на экономическую безопасность. Это произошло в большей степени за счет увеличения задолженности домохозяйств, составившей 178,9 % от располагаемых доходов на 2017 г., что отрицательно сказывается на благополучии общества, а также ведет к потенциальному сдерживанию потребления.

В РК растет неравенство: верхний дециль, имевший в 1976 г. 27,5 % и в 1995 г. 29 % всех располагаемых доходов, в 2013 г. сконцентрировал в своих руках 45 % ²⁸⁶.

²⁸³ OECD Environmental Performance Reviews Korea 2017.

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Trading Economics.

²⁸⁶ World Development Report 1983. World Bank, Washington, D. C., 1983. P. 201; Lee J.W. Inequality Comes to Asia. The Project-Syndicate, 2017.

Вышеперечисленные проблемы наряду с дисбалансом работы и личной жизни, трудностями с трудоустройством, связанными с жесткостью рынка труда, приводят к тому, что среди корейцев распространяются алкоголизм и суицид²⁸⁷. По количеству самоубийств РК занимает первое место среди стран ОЭСР²⁸⁸. Этот показатель в РК, по нашим расчетам, в 2,6 раза превышает общемировой показатель и среднее значение по развитым странам.

Однако все познается в сравнении, и, констатируя явные признаки замедления экономического роста РК, следует подчеркнуть, что в 2000–2016 гг. его темпы были в два-три раза выше, чем в других развитых странах, экологическая ситуация в РК гораздо лучше, чем, например, в Индии и Китае, не говоря уже о незначительных по сравнению с рядом других крупных и средних стран мира степени неравенства и уровне совокупного долга РК.

Подводя итоги, подчеркнем, что, несмотря на ряд проблем и противоречий, возникших в развитии РК на протяжении жизни почти трех поколений ее населения в условиях независимого существования (страна пережила разрушительную гражданскую войну, три крупных экономических и три-четыре политических кризиса), ей в отличие от многих десятков других бывших колоний и зависимых стран удалось в рекордные сроки добиться многого. *Социальную систему характеризуют не столько ошибки и сбои (они органичны для всего живого), сколько реакция общества на них и способы их преодоления.*

Речь идет о проведении южнокорейским государством политики форсированной индустриализации²⁸⁹ по модели

²⁸⁷ Which country drinks the most amount of alcohol per capita. *News.com.au*. 17.02.2016.

²⁸⁸ *Korea's increase in suicides and psychiatric bed numbers is worrying, says OECD*; 지난 해 한국 자살률 소폭 감소...여전히 OECD 1 위. *NEWS 1 뉴스*. 2015-09-23.

²⁸⁹ Южнокорейскую модель синергии рынка и государства иногда характеризуют как «an invisible hand in an iron glove» («невидимая рука в железной перчатке»). Звучит жестко. Но, напомним, что успех ныне развитых государств, что бы там ни говорилось в популярных учебниках, был в немалой мере основан на том, что государство в них раздвигало возможности для предпринимателей, особенно если последние действо-

экспорт-ориентированного импортозамещения, опирающейся на крупный частный бизнес при существенном наращивании нормы совокупного накопления капитала и увеличении в нем доли человеческого капитала и расходов на НИОКР. По сути, в южнокорейском экономическом успехе, если его разложить на составляющие, нет ничего фантастического.

Использованная литература и источники

1. Андрианов В. Д. *Новые индустриальные страны в мировом капиталистическом хозяйстве*. М.: Международные отношения, 1989. 182 с.
2. Горожанкина А. А. Благоприятные факторы и ограничения экономического развития Республики Корея на современном этапе. *Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение*. М., 2017, № 2. С. 63–85.
3. Мельянцев В. А. *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста*. М.: Издательство «Ключ-С», 2013. 40 с.
4. Мельянцев В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М.: Издательство МГУ, 1996. 304 с.
5. Мельянцев В. А. *«Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны*. М.: Издательский центр ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 52 с.
6. Мельянцев В. А. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*, М.: Издательство «Ключ-С», 2015. 80 с.
7. Мельянцев В. А. Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. М., 2016. № 2. С. 45–74.
8. Мельянцев В. А. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.)*. М.: Издательство «Ключ-С», 2009. 216 с.
9. Суслина С. С. *Промышленность Южной Кореи (экономическое развитие и социальные последствия)*. М.: Наука, 1988. 215 с.

вали на международной арене. См. Мельянцев В. А. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. М.: Ключ-С, 2015. С. 74–80.

10. Суслина С. С. *Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 1980-х — начало 1990-х гг.)*. М.: Восточная литература, 1997. 222 с.

11. Суслина С. С. Республика Корея и мировой финансовый кризис. *Мировое и национальное хозяйство*. М., 2009. № 1 (8). <http://www.mirec.ru/2009-01/respublika-koreya-i-mirovoj-finansovyj-krizis>.

12. Федоровский А. Н. *Южнокорейская чэболь: становление, развитие, трансформация*. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 137 с.

13. Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм. <https://coollib.com/b/317695/read#t4> (дата обращения: 14.12.2017).

14. Choi H., Jung S. C., Kim S. B. The effect of restructuring on labour reallocation and productivity growth: an estimation for Korea. *KIEP*, 2017. <http://www.kiep.go.kr/eng/sub/view.do?bbsId=working&ntId=196399> (дата обращения: 22.12.2017).

15. *Doing business 2017*. Equal opportunity for all. Economy profile 2017. Korea. World Bank, 2017. <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB17-Report.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).

16. *Economic Complexity Rankings* (ECI). <https://atlas.media.mit.edu/en/rankings/country/eci/> (дата обращения: 21.12.2017).

17. *Global Competitiveness Report 2017–2018*. World Economic Forum, Geneva, 2017. <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%20%80%932018.pdf> (дата обращения: 24.12.2017).

18. *Human development indicators, 2016*. <http://hdr.undp.org/en/countries/profiles/KOR> (дата обращения: 12.12.2017).

19. *Intelligence, Personality and Creativity. Unleashing the power of intelligence and personality traits to build a creative and innovative economy*. World Bank, Seoul, 2014. <http://documents.worldbank.org/curated/en/319691468340199371/pdf/922120WP0Box380ferenceEdition0Korea.pdf> (дата обращения: 22.12.2017).

20. *IMF Data*. <http://www.imf.org/external/data.htm> (дата обращения: 22.12.2017).

21. *Investment and technology policies for competitiveness: review of successful country experiences*. UNCTAD, 2003.

22. *Korea's increase in suicides and psychiatric bed numbers is worrying, says OECD*. <https://www.oecd.org/els/health-systems/MMHC-Country-Press-Note-Korea.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).

23. Krugman P. The myth of Asian miracle. *Foreign affairs*, 1994. <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1994-11-01/myth-asias-miracle> (дата обращения: 18.12.2017).
24. Lee J.W. Inequality Comes to Asia. *The Project-Syndicate*, 2017. <https://www.project-syndicate.org/commentary/inequality-growth-asia-policies-by-lee-jong-wha-2017-11> (дата обращения: 20.11.2017).
25. Lee J. W. The Republic of Korea's Economic growth and Catch-up: Implications for the People's Republic of China. *Asian Development Bank*, 2016. No. 571. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/183353/adb-wp571.pdf> (дата обращения: 23.12.2017).
26. Lee J. W. Twenty years after the financial crisis in the Republic of Korea. *Asian Development bank*, 2017. No. 790. <https://www.adb.org/publications/twenty-years-after-financial-crisis-korea> pp. 2–12 (дата обращения: 21.12.2017).
27. Lee H. H., Harvie C. *Export-Led Industrialization and Growth — Korea's Economic Miracle 1962–89*. University of Wollongong Economics. Australia, 2003. <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1066&context=commwkpapers>. (дата обращения: 07.12.2017).
28. Lee K. *How can Korea be a Role model for Catch-up development?* World Institute for Development Economic Research, 2009 (дата обращения: 23.12.2017).
29. Lee K., Kim B. K., Lee C. H., Yee J. Y. *Visible Success and Invisible Failure in Post-Crisis Reform in the Republic of Korea: Interplay of Global Standards, Agents, and Local Specificity*. World Bank, 2005. <http://documents.worldbank.org/curated/en/838541468048541422/pdf/wps3651.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).
30. Lee K., Ryu K. K., Yoon J. *Corporate Governance and Long Term Performance of the Business Groups: The Case of Chaebols in Korea*. Institute of Economic Research Hitotsubashi University. Japan, 2004. <http://hermes-ir.lib.hit-u.ac.jp/rs/bitstream/10086/13878/1/wp2004-3a.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).
31. Luedde-Neurath R. *Import controls and export-oriented development: a reassessment of the South Korean case*. SA: Westview Press. MC, 1986.
32. Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris: OECD. 1995. 255 p.
33. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD. 2003. 273 p.

34. Meliantsev V.A. *Taiwan: Assessing National Competitive-ness in the Regional and World Economy*. Paper Prepared for the Fourth Conference of the European Association of Taiwan Studies. Stockholm: Stockholm University. 2007. https://www.soas.ac.uk/taiwanstudies/eats/eats2007/file_38469.pdf (дата обращения: 15.12.2017).
35. *OECD data*. <https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm> (дата обращения: 20.12.2017).
36. *OECD Digital Economy Outlook 2017*. Spotlight on Korea, 2017. <https://www.oecd.org/korea/digital-economy-outlook-2017-korea.pdf> (дата обращения: 21.12.2017).
37. *OECD Environmental Performance Reviews Korea 2017*. <http://dx.DOI.org/10.1787/9789264268265-en> (дата обращения: 20.12.2017).
38. *OECD Government at a Glance 2015*. Country Fact Sheet, 2015. www.oecd.org/gov/govataglance.htm (дата обращения: 20.12.2017).
39. *OECD National Accounts Database*. <http://dx.DOI.org/10.1787/888933356072> (дата обращения: 21.12.2017).
40. *OECD.Stat*. <http://stats.oecd.org> (дата обращения: 15.12.2017).
41. *Trading Economics*. <https://tradingeconomics.com> (дата обращения: 21.12.2017).
42. *UNCTADstat*. <http://unctadstat.unctad.org> (дата обращения: 21.12.2017).
43. *UNDP. Human Development Report*. New York, 2016.
44. *Which country drinks the most amount of alcohol per capita* <https://www.news.com.au/lifestyle/real-life/news-life/which-country-drinks-the-most-amount-of-alcohol-per-capita/news-story/5197f334dac288f10f21d56f903d3c94> (дата обращения: 21.12.2017).
45. *World Bank Data*. <http://databank.worldbank.org> (дата обращения: 21.12.2017).
46. *World Development Report 1983*. World Bank, Washington, D.C., 1983.
47. *World Governance Indicators*. World Bank. <https://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 21.12.2017).
48. *World's Top Exports, 2017*. <http://www.worldstopexports.com/south-koreas-top-10-exports/2302> (дата обращения: 21.12.2017).

49. 지난 해 한국 자살률 소폭 감소...여전히 OECD 1 위// NEWS 1 뉴스. 2015-09-23. <http://news1.kr/articles/?2436793> (дата обращения: 20.12.2017).

50. 김영귀, 김정덕, 강중구, 김혁황. 경제개방과 R&D 정책의 상호작용에 대한 평가와 시사점. 대외경제정책연구원 (*Анализ политики развития НИОКР в условиях экономической открытости Республики Корея*. Корейский Институт Международной Экономической Политики, Сеул, 2012).

51. 특허청 (Korean Intellectual Property office) <http://www.kipo.go.kr/kpo/user.tdf?a=user.english.main.BoardApp&c=1001> (дата обращения: 01.12.2017).

7. Индонезия: динамика, пропорции и факторы экономического развития²⁹⁰

Хотя экономический рост очень важен для РС, на путь сравнительно быстрого и устойчивого роста ПВВП²⁹¹ сумело пока встать не более $1/10$ из их числа. Опыт этих стран весьма ценен. Тем более, что они в своей массе вовсе не фавориты удачи и баловни судьбы.

Преодолевая немалые трудности²⁹², связанные с неблагоприятным воздействием ряда природных²⁹³, экономических, социально-политических и институциональных факторов,

²⁹⁰ Мельянцев В. А., Адрова И. С., 2021 (С). Глава базируется на публикациях авторов в: «Азия и Африка сегодня». 2021. № 3. С. 5–13; 2021. № 4. С. 5–14. В текст рукописи, подготовленной в 2019 г., внесены небольшие изменения.

²⁹¹ Одним из ключевых критериев такого роста в современных условиях можно считать достижение страной СГТП ПВВП не менее 3 % в течение, как минимум, 2–3 десятилетий. Такой рост позволяет РС за этот срок сократить относительный разрыв в уровнях ПВВП с РФ в 1,5–2 раза.

²⁹² Говорят, где-то высоко в Гималаях есть надпись: «Научились вы радоваться препятствиям?».

²⁹³ Добрая половина быстроразвивающихся стран (БРС) расположена не в умеренной климатической зоне, которая, как считается, более благоприятна для устойчивого роста и развития, а в тропиках, т. е. в той части планеты, где, как известно, весьма интенсивны и масштабны проявления природных катаклизмов и аномалий (тайфуны, цунами, наводнения и пр.).

которые, как считали многие западные эксперты, могли блокировать рост ныне быстроразвивающихся стран (далее — БРС)²⁹⁴, последние, в целом, системно и систематично проводя прагматичные реформы²⁹⁵, добились существенного прогресса. В допандемийный период текущего столетия (2000–2019 гг.) более бедные из быстрорастущих, подчеркнем, тропических стран (Индия, Вьетнам, Эфиопия), более или менее эффективно реализуя ряд преимуществ отсталости²⁹⁶, росли со СГТП ПВВП в 5–6 %, а у тех, что «побогаче» (Малайзия, Таиланд, Филиппины, Тайвань и Индонезия), он достигал 3–4 % (что в 3–4 раза больше, чем в РГ)²⁹⁷.

Индонезия, о модели развития которой пойдет речь ниже, — (а) самое большое островное государство, расположенное в экваториальном поясе; (б) четвертая по численности населения и седьмая по объему ВВП в ППС страна мира; (в) крупнейшая мусульманская страна, которая за годы независимости, сменив два авторитарных режима и перейдя на рубеже веков к более или менее устойчивой демократии, уже полвека растет сравнительно быстро и, в целом²⁹⁸, относительно стабильно²⁹⁹.

²⁹⁴ См., напр.: Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995. No 1; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*. 2001. Vol. 91, No. 5; Истерли У. В поисках роста: приключения и злключения экономистов в тропиках. Москва: Институт комплексных стратегических исследований. 2006.

²⁹⁵ Во многих из БРС есть сочетание и рынка, и плана, в тенденции развития их социально-экономических систем реализуется ряд инвариантов фундаментального принципа Парето — улучшения, когда быстрый рост доходов более продуктивной и предприимчивой части общества, активно внедряющей инновации, не сопровождается за сколько-нибудь длительный период времени абсолютным снижением благосостояния у его остальной части.

²⁹⁶ См., в частности, Гершенкрон А. *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. Москва: Издательский дом Дело, 2015.

²⁹⁷ Рассчитано по данным и источникам к рис. 7.1.

²⁹⁸ За исключением 1998 г., на который пришелся Азиатский кризис, и 2020 г., в котором разразилась пандемия.

²⁹⁹ См. рис. 7.1, а также: Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. Отв. ред. В. Л. Шейнис, А. Я. Эльянов. Москва: Наука, 1990; Мельянцева В. А. Восточноазиатская модель экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. Москва: Издательский центр ИСАА при МГУ

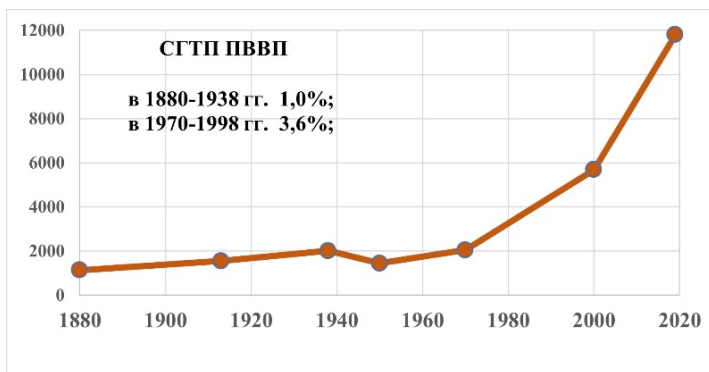


Рис. 7.1. Индонезия, 1880–2019 гг.: динамика подушевого ВВП (ПБВП, долл., ППС 2017 г.)

Рассчитано по: The World Bank. *World Development Indicators*; The UNCTAD. *Economic Trends*; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, OECD. P. 144–145, 184–185, 220–221; Van der Eng P. *The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880–2008. Explorations in Economic History*. 2010. Vol. 47. N 3. P. 304–306.

Динамика, детерминанты и модели роста

Увеличив СГТП ПБВП в 3–4 раза по сравнению с заключительным периодом колониального господства (в 1880–1938 гг. ~ 1%), Индонезия по его динамике в 1970–2019 гг.³⁰⁰ вошла в высшую квинтиль из дюжины КРС, среди которых КНР,

им. М.В. Ломоносова, 1998; Мельянцев В. А. Немалый социально-экономический прогресс. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016; Прозоровский А. С. Индонезия — как опыт модернизации. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016; Рогожин А. А. Ключевые факторы модернизации Индонезии. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016; Бойцов В. В. Экономический рост в современной Индонезии: итоги, факторы, эффективность. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 2. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Глава 3.8; Van der Eng P. *Indonesia's Growth Performance in the 20th Century, The Asian Economies in the Twentieth Century*. A. Maddison, D. S. Prasada, W. Shepherd, eds. New York: Edward Elgar Publishing. 2002; Hill H., Negara S.D. *The Indonesian Economy in Transition: Policy Challenges in the Jokowi Era and Beyond*. ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2019.

³⁰⁰ Нами учтен тот факт, что максимальный уровень ПБВП, достигнутый в колониальный период (по одним расчетам, в 1938 г., по другим — в 1941 г.), вследствие длительной фазы военно-политической нестабильности, был восстановлен лишь в начале 1970-х гг.

Индия, Бразилия, Мексика, Турция, Королевство Саудовская Аравия (КСА), Иран, Таиланд, Египет, Нигерия, Пакистан. СГТП ПВП Индонезии в период 2000–2019 гг., равный 3,9 % был ниже, чем у КНР (6,5 %) и Индии (5,2 %), но выше, чем у остальных перечисленных стран.

Успех Индонезии связан не только с благоприятными обстоятельствами, в т. ч., например, с заметным — в тенденции — улучшением *чистых бартерных условий внешней торговли*³⁰¹, но и с политикой модернизации/индустриализации и проведением прагматичных экономических реформ, начало которым было положено еще в эпоху президента Сухарто³⁰². При этом, однако, среднее *качество институтов (КИ)*³⁰³ в Индонезии в конце его 33-летнего пребывания у власти (в 1996 г. 28 %) было ниже — втрое, чем в среднем по РГ (87 %) и в 1,5 раза, чем в целом по РС (41 %). *Показатель контроля коррупции* в сухартовской Индонезии (в 1996 г. 22 %) был ниже примерно вчетверо, чем в среднем по РГ (87 %) и вдвое, чем в целом по РС (42 %).

После Азиатского финансово-экономического кризиса (АФЭК), вследствие которого ВВП страны в 1998 г. сократился

³⁰¹ Для страны, в которой в последние полстолетия доля экспорта в ВВП, в среднем, составляла $\frac{1}{4}$, а доля в нем (экспорте) сырья и топлива превышала $\frac{4}{5}$ в 1970–1980-е гг., $\frac{3}{5}$ в 1990-е гг. и $\frac{1}{2}$ в 1998–2019 гг., изменение *чистых бартерных условий внешней торговли* (ЧБУВТ, соотношение индекса экспортных цен к индексу импортных цен) было весьма важным фактором роста реальных совокупных доходов страны. С начала 1970-х по конец 2010-х гг. в Индонезии увеличение ЧБУВТ было весьма весомым. СГТП этого показателя составил 2,5 %, в т. ч. 3 % в 1972–1998 гг. (в 1972–1981 гг. 15–16 %; в 1981–1998 гг. -3 %) и около 2 % в 1998–2019 гг. (в 1998–2011 гг. 4 %; в 2011–2019 гг. -1,5 %). Рассчитано по источникам к *рис. 7.1*.

³⁰² Важнейшим фактором оздоровления экономики стало обуздание инфляции. СГТП дефлятора ВВП, составлявший 123 % в 1960–1965 гг. и 149 % в 1965–1970 гг., после принятия командой макро-экономистов в правительстве Сухарто мер по стабилизации роста денежной массы в 1970–1998 гг. понизился почти в 10 (!) раз до 15 %, а затем в постсухартовский период (в наших расчетах в 1999–2019 гг.) сократился, в среднем, на $\frac{2}{5}$ — до 8–9 % (рассчитано по источникам к *рис. 7.1*).

³⁰³ Среднее по 6 индикаторам, рассчитываемым Всемирным банком, — подотчетность государственных органов, политическая стабильность, эффективность правительства, качество регулирования, верховенство закона, противодействие коррупции. Данные рассчитаны по World Bank. *World Governance Indicators*. <https://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators>

на 13 %, и краха режима Сухарто, Индонезия встала на путь широких социально-экономических преобразований. Если в 2000–2019 гг., в среднем, и по РГ, и по РС показатель КИ практически не изменился (оставаясь на уровне, соответственно, 85–86 % и 40–41 %), в Индонезии он вырос в 1,5 раза (с 30–31 до 45–46 %).

В результате, Индонезия, два десятилетия назад по рассматриваемому индикатору сильно отстававшая от РС, в конце 2010-х гг. перегнала последних почти на $1/5$, в т. ч. по качеству регулирования экономики — на $1/3$. При этом, что немаловажно, все еще заметно отставая по показателю *обеспечения верховенства закона* от Сингапура, РК, Малайзии (в 2020 г., соответственно, 12-е место, 17-е и 47-е место в глобальном рейтинге из 128 обследованных стран), она, занимая 59-е место, существенно опережала такие страны, как Бразилия, Индия, Таиланд, Вьетнам, КНР, Филиппины (соответственно, 67-е место, 69-е, 71-е, 85-е, 88-е и 91-е место)³⁰⁴.

Более чем на $2/5$ повысился СГТП *индекса экономической свободы* (ЭС) — с 0,9 % в 1980–2000 гг. до 1,3 % в 2000–2020 гг. В 2020 г., отставая по этому показателю от Сингапура, Тайваня, Малайзии, РК и Таиланда (соответствующие места в глобальном рейтинге ЭС — 1, 11, 24, 25 и 43), Индонезия (54-е место) заметно перегнала Филиппины, Турцию, КНР, Вьетнам, Индию и Бразилию (места в рейтинге: 70, 71, 103, 105, 120 и 144)³⁰⁵.

Число дней, необходимое, чтобы начать бизнес, сократилось в Индонезии в 2002–2019 гг. значительно больше (в 13 раз), чем в среднем по РС (в 2,6 раза). И хотя рассматриваемый показатель по Индонезии в 2019 г. (12,6 дней) на $2/5-3/5$ выше, чем, например, в КНР, РК, Малайзии, а также в среднем по РГ (7–9 дней), он ниже почти вдвое, чем в среднем по РС (23,7 дней) и на $1/4$ — чем в Индии и Бразилии (17–18 дней). При этом *затраты на открытие бизнеса* сократились в Индонезии в 2011–2019 гг. более чем втрое — с 17,9 % до 5,7 % от ее подушевого ВВП (ПВНП), и в 2019 г. были, хотя и в 1,5–2 раза выше, чем в среднем по РГ, а также по КНР и НИС (3–4 % их

³⁰⁴ Составлено и рассчитано по: World Bank. *World Governance Indicators*. <https://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators> (accessed 28.10.2020).

³⁰⁵ Fraser Institute. *Economic Freedom of the World, 2020*. Vancouver, 2020. P. 92; The Heritage Foundation. *2020 Index of Economic Freedom*. Washington, D. C., 2020.

ПВНП), но в 4–5 раз ниже, чем в среднем по РС (26–28 % их ПВНП)³⁰⁶.

По крупнейшим странам мира (с численностью населения 100 млн человек и выше) нами была выявлена *нелинейная позитивная взаимосвязь между ПВВП и индексом эффективности государства* (ИЭГ³⁰⁷; см. рис. 7.2)³⁰⁸.

Сопоставление построенных нами регрессионных зависимостей (за 2019 и 2000 гг.) позволяет обнаружить, что, вследствие улучшения качества государственного управления, в Индонезии ИЭГ, оцененный группой исследователей Всемирного банка, оказался выше расчетного значения, сгенерированного по уровню ПВВП, в 2000 г. на $\frac{1}{5}$, а в 2019 г. уже почти на $\frac{1}{3}$.

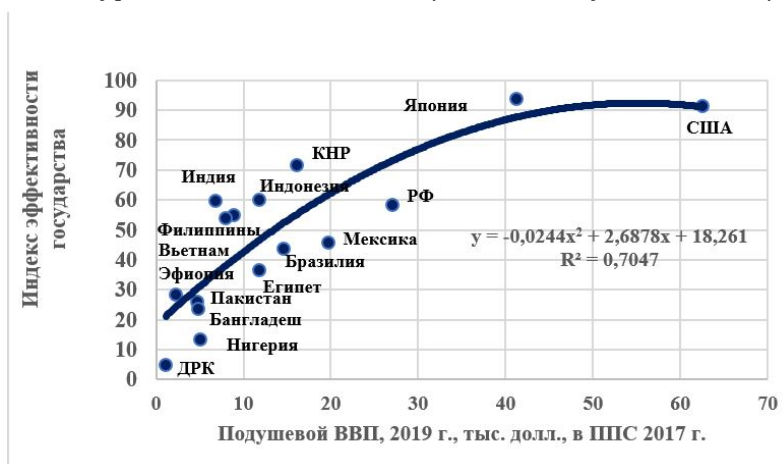


Рис. 7.2. Взаимосвязь подушевого ВВП (ПВП) и индекса эффективности государства (ИЭГ) в Индонезии, ряде развивающихся и развитых стран, 2019 г.

³⁰⁶ Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 28.10.2020).

³⁰⁷ Меняется от 0 (минимальное значение) до 100 (в %).

³⁰⁸ Если в ряде стран их ИЭГ оказался меньше расчетного значения, которое можно было сгенерировать по уровню ПВВП (например, по Нигерии, Мексике, Египту и Бразилии, соответственно, на $\frac{3}{5}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{6}$), то в ряде других крупных, преимущественно азиатских, РС ИЭГ оказался существенно выше расчетного значения, в т. ч. в КНР и Индонезии почти на $\frac{1}{3}$, во Вьетнаме и Филиппинах — на $\frac{2}{5}$ и Индии — на $\frac{2}{3}$ (!).

Рассчитано по источникам к *рис. 7.1*, а также: World Bank. *Worldwide Governance Indicators*. <https://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators> (accessed 15.11.2020).

Проведенные реформы, способствовавшие, в целом, улучшению инвестиционного климата, обеспечению прав собственности, активизации деятельности в стране ТНК и хуацяо³⁰⁹, обусловили *в тенденции* повышение доли валовых сбережений и притока ПИИ в ВВП, что привело к росту (а не падению, как, например, в Японии) доли валовых капиталовложений в ВВП (см. *рис. 7.3*). При этом рост последнего показателя в Индонезии оказался «круче», чем в целом по РС.

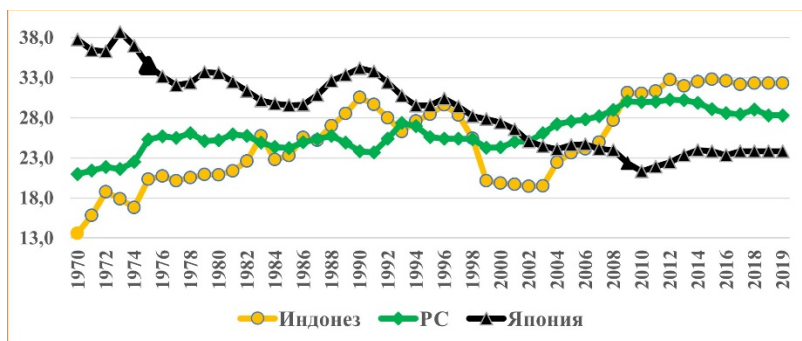


Рис. 7.3. Индонезия, развивающиеся страны (РС), Япония: динамика доли вложений в основной капитал в ВВП, 1970–2019 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

Согласно одной из ранее построенных нами моделей, сравнительно высокий СГТП ПВВП, достигнутый в стране в 2000–2014 гг. (4 %), определялся примерно на $\frac{1}{3}$ *эффектом конвергенции*, т.е. относительно более низким, чем не только в РГ, но и во многих РС, исходным уровнем ее ПВВП; на $\frac{1}{4}$ — в целом сравнительно более высокой *долей в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал*; на $\frac{2}{5}$ — относительно более существенным *прогрессом в повышении уровня экономи-*

³⁰⁹ На долю хуацяо (выходцев из Китая), не превышающую 3–4 % численности населения Индонезии, приходится, по оценкам, не менее $\frac{2}{3}$ ее крупных и средних частных компаний.

ческой свободы в стране и качества государственного регулирования экономики в результате проведенных в стране реформ³¹⁰.

С помощью модели, рассчитанной по материалам 20 КРС за 2000–2019 гг. (см. ниже), установлено, что опережение Индонезией по СГТП ПВВП 16 РС (кроме КНР, Индии, Вьетнама³¹¹) в среднем на 1,5–2 п.п. определялось, соответственно, примерно на $1/5$, $1/7$ и $2/5$ ³¹² более высокими у нее значениями показателей доли капиталовложений в ВВП (28 %:21 %), темпов прироста экспорта (5,1 %:4,3 %) и повышения эффективности госуправления (14 п.п.: -0,7 п.п.).

$$GR_Y_i/P_i = 0,047 \cdot mPK_i + 0,301 \cdot GR_X_i + 0,049 \cdot \Delta EFF_GOV_i,$$

(p=0,038) (p=0,002) (p=0,002)

F-StatProb. = 1,27E-11; R² adj. = 0,90.

где GR_Y_i/P_i , GR_X_i — среднегодовой темп прироста ПВВП, физического объема экспорта товаров и услуг i -й страны, %;

mPK_i — средняя за период доля валовых вложений в основной капитал в % от ВВП;

ΔEFF_GOV_i — прирост индекса эффективности государства, в п.п. Все основные параметры значимы на уровне менее 4 %. Скорректированный коэффициент детерминации (0,90) весьма высок.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1, а также: World Bank. *Worldwide Governance Indicators*. <https://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators> (accessed 15.11.2020).

Структурные изменения в экономике

В свете изложенного неудивительно, что Индонезия смогла добиться не только быстрого, но и масштабного роста, сопровождавшегося рядом крупных структурных изменений в экономике.

³¹⁰ См.: Мельянцев В. А. Немалый социально-экономический прогресс. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 97–99; Прозоровский А. С. Индонезия — как опыт модернизации. *Современные проблемы развития*, Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 82–93.

³¹¹ СГТП ПВВП в 2000–2019 гг. в Индонезии (3,9 %) был ниже, чем в КНР (6,6 %), Индии (5,2 %) и Вьетнаме (5,3 %).

³¹² $\frac{1}{4}$ разницы в СГТП ПВВП Индонезии и группы из 16 КРС приходится на неидентифицированные факторы.

По абсолютному приросту ВВП в 2000–2019 гг. Индонезия (2 трлн долл. США в ППС 2017 г.), более чем втрое отставая от США и Индии (6,3 и 6,5 трлн) и в 8–9 раз — от КНР (17,3 трлн долл. США), вышла на 4-е (!) место в мире, у которой прирост валового продукта оказался больше, чем у Германии (1 трлн долл. США) и Японии (0,7 трлн долл. США) вместе взятых (расчитано по источникам к рис. 7.1).

2,5-кратное ускорение СГТП ВВП Индонезии на этапе экономической модернизации (в наших расчетах — 1970–2019 гг., 5,3 %) по сравнению с колониальным периодом (1880–1938 гг., 2,1 %) осуществилось на достаточно сбалансированной основе³¹³, т. к. произошло значительное повышение СГТП производства как в сельском хозяйстве (с 1,6 до 3,5 %) ³¹⁴, так и индустриальном секторе (с 2,9 до 5,2 %, в т. ч. в обрабатывающей промышленности (ОП) — с 1,8 до 7,2 %) и сфере услуг (с 2,2 до 6,3 %).

Таблица 1

Индонезия: динамика макроотраслевой структуры ВВП и занятости, 1880–2019 гг. (%)

	1880		1938	1950	1970	1998	2019
		Структура ВВП²					
I¹	44		34	36	28	16	12
II	15		23	23	40	45	38
ОП	10		8	8	10	26	24
III	41		43	41	32	39	50
ВВП	100		100	100	100	100	100

³¹³ Сбалансированный рост — нечастое явление в РС. По нашим расчетам, коэффициент вариации СГТП производства трех основных макросекторов экономики в 2008–2019 гг. в Индонезии (21 %) был ниже (а, соответственно, сбалансированность роста экономики — выше) в 1,5 раза, чем в КНР и Индии (33 %), на ¾ — чем в РК и на Филиппинах (35–39 %), и в 2,5–3,8 раза, чем в Мексике (52 %), Таиланде (59 %) и Бразилии (80 %). Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

³¹⁴ В Индонезии в результате осуществления т. н. зеленой революции и повышения технического уровня сельского хозяйства СГТП *подушевого* производства в нем увеличился в 4–5 раз — с 0,3–0,4 % в 1880–1938 гг. до 1,6–1,7 % в 1970–2019 гг. (1,3 % в 1970–1998 гг. и 2,2 % в 1998–2019 гг.). Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

	1880		1938	1950	1970	1998	2019
		Структура занятости					
I	86 ³		81	79	65	47	29
II	6 ³		7	8	9	16	22
III	8 ³		12	13	26	37	49
Всего	100		100	100	100	100	100

Примечания: 1. I — сельское хозяйство, II — индустриальный сектор (добывающая, обрабатывающая промышленность (ОП) и строительство), III — сфера услуг. 2. Структура производства рассчитана на базе относительных цен 2000 г. 3. 1905 г.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1, а также: Maddison A. L'économie mondiale au 20e siècle. Paris: OCDE, 1989.

Хотя существенную роль в экономике играл комплекс добывающих отраслей (в среднем в 1970–2010-е гг. $\frac{1}{6}$ ВВП), ускорение СГТП ВВП в последние полвека по сравнению с колониальным периодом вызвано, соответственно, на $\frac{1}{3}$ и свыше $\frac{1}{2}$ повышением вклада в экономический рост ОП и третичного сектора (прежде всего, транспорта и связи, что весьма критично для крупнейшего островного государства в мире, и торговли).

В результате экономической модернизации произошли: (а) резкая интенсификация сдвигов в структуре экономики (СГТП изменений в структуре занятости и ВВП вырос более чем втрое — с 0,2–0,3 % 1880–1938 гг. до 0,6–1,0 % в 1950–2019 гг.³¹⁵); (б) ее значительная индустриализация и сервисизация (доля вторичного сектора в структуре занятости населения и ВВП выросла, соответственно, с 8 % в 1950 г. до 22 % в 2019 г. и с 23 до 38 %, а сферы услуг — с 13 до 49 % и с 41 до 50 %³¹⁶). При этом в рассматриваемый период доля ОП в ВВП в итоге утроилась — с 8 до 24.

³¹⁵ Интенсивность сдвигов в структуре ВВП (занятости), (J) рассчитана по следующей формуле: $J = \{[(100 + \sum_{i=1}^n |A_{it} - A_{i0}|)/100]^{1/\Delta t} - 1\} \cdot 100$, где A_i — доля сектора i в ВВП (занятости) в п.п. в начальном или конечном моментах периода (0, t), n — число секторов (в данном случае — три: аграрный, индустриальный, третичный).

³¹⁶ Данные по структуре ВВП рассчитаны на базе цен 2000 г. При расчете в текущих ценах структурные изменения более рельефны: доля в ВВП индустриального сектора увеличилась, соответственно, с 12 до 39 %, а третичной сферы — с 32 до 48 %.

В целом, относительно равномерный рост важнейших отраслей экономики (см. рис. 7.4), снижение в тенденции размера внешней задолженности³¹⁷, а также, как будет показано ниже, все бо́льшая опора после АФЭК на внутренний спрос (а также импортозамещение), способствовали обеспечению устойчивости индонезийской экономики.

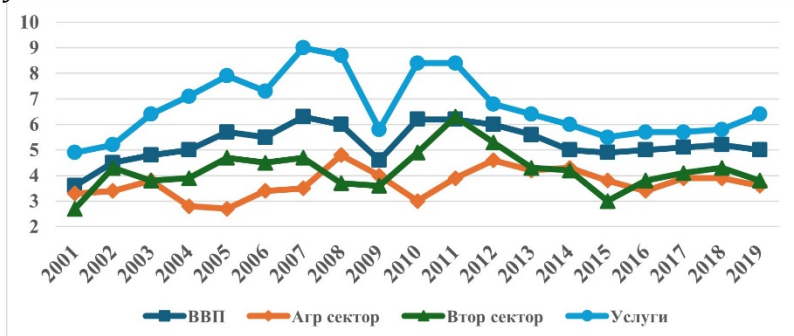


Рис. 7.4. Индонезия, 2001–2019 гг.: годовая динамика ВВП и его важнейших макросекторов производства, %

Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

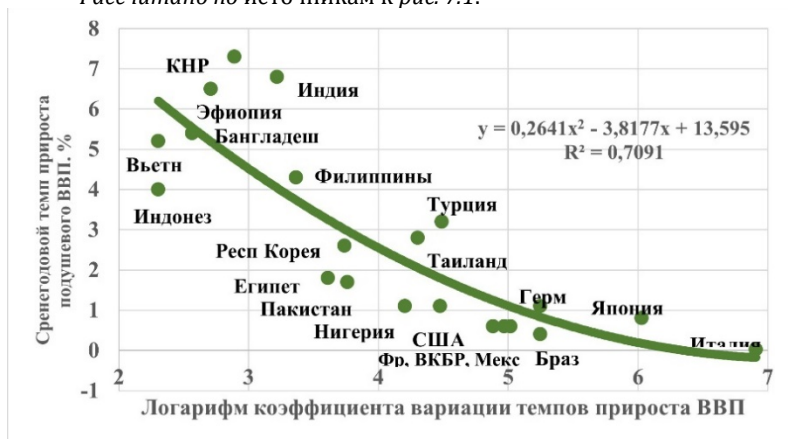


Рис. 7.5. Влияние устойчивости экономического роста (ось абсцисс) на скорость роста подушевого ВВП (ПВВП, %, ось ординат), 2008–2019 гг.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

³¹⁷ Размер внешнего долга к ВВП, имевший длительную тенденцию к росту (с 38 % в 1970 г. до 30 % в 1980 г., 69 % в 1990 г. и 94 % в 2000 г.), сократился до 27 % в 2010 г., хотя затем вырос до 37 % в 2019 г. Составлено по данным из источников к рис. 7.1.

*Коэффициент вариации (КВ)*³¹⁸ *темпов прироста ВВП* Индонезии, достигавший в 1951–1965 гг. 92 % и 98 % в 1966–1998 гг., сократился в 1999–2019 гг. вчетверо — до 24 %. По параметру устойчивости роста Индонезия в нашу турбулентную эпоху заметно (по крайней мере, до последнего времени) выделялась среди крупных стран мира (см. *рис. 7.5*).

По рассчитанной нами модели (см. ниже) по 21 крупной стране мира за последние 12 лет (с начала мирового финансового кризиса (МФК) и до начала пандемии — 2008–2019 гг.), более высокие СГТП ПБВП у быстрорастущих КРС (куда, помимо Индонезии, вошли КНР, Индия, Филиппины, Вьетнам, Бангладеш и Эфиопия) по сравнению с менее динамичными РС и РГ (см. *рис. 7.5*, примерно на 4 п.п.) можно объяснить, соответственно, примерно на $\frac{2}{5}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$, в среднем, более высокими у первых значениями параметров *доли капиталовложений в ВВП*, *динамики экспорта*, а также *устойчивости роста*³¹⁹ их экономик.

$$GR_Y/P_i = -2,45 - 0,26 \cdot VAR_GDPGR_i + 0,19 \cdot mPK_i + 0,24 \cdot GR_X_i$$

(p=0,01) (p=0,04) (p=0,00) (p=0,02)

$$F\text{-StatProb} = 5,68E-07; R^2 \text{ adj.} = 0,81.$$

где GR_Y_i/P_i , GR_X_i — среднегодовой темп прироста ПБВП, физического объема экспорта товаров и услуг i -й страны, %;

mPK_i — средняя за период доля валовых вложений в основную капитал в % от ВВП;

VAR_GDPGR_i — коэффициент вариации темпов прироста ВВП, в %.

Все основные параметры значимы на уровне менее 4 %. Скорректированный коэффициент детерминации (0,81) достаточно высок.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

Хотя в Индонезии — стране богатой природными ресурсами, востребованными мировым рынком, *доля сырья и топлива в структуре экспорта* до сих пор достаточно высока, вследствие индустриализации экономики, она снизилась примерно со 100 % в 1960 г. до 50 % в конце 2010-х гг. При этом

³¹⁸ См. главу 1.

³¹⁹ Как объясняющие переменные, первые два из трех изучаемых регрессоров весьма весомы и (по процедуре оценивания методом наименьших квадратов в рамках единой модели) оттягивают на себя большую часть вариации СГТП ПБВП.

доля экспорта в приросте ее ВВП, достигавшая в 1900–1938 гг. $\frac{1}{4}$ и возросшая в период правления президента Сухарто до $\frac{1}{3}$ (что немало для сравнительно крупной страны), сократилась, как и во многих других РС и РГ в результате МФК и его последствий, до примерно $\frac{1}{5}$ на фоне резкого снижения СГТП физического объема ее экспорта (более чем вдвое — с 7,7 % в 2000–2008 гг. до 3,2 % в 2008–2019 гг.)³²⁰.

Несложные расчеты по другой модели показывают, что, в целом, в постсухартовский период в Индонезии (в наших расчетах — 1998–2019 гг.) рост ее ВВП определялся *экспортотраслением, импортозамещением и ростом внутреннего рынка*, соответственно, на 17–19 %, 11–13 % и примерно 70 %³²¹.

Проведенный анализ динамики, пропорций и факторов экономического роста Индонезии подтверждает, что страна динамично, сравнительно устойчиво и эффективно движется вперед. Однако для сохранения достигнутого темпа ей, как представляется, придется сделать еще немало. Тем более что окружающий мир становится сложнее, возникают новые вызовы, а экономическая и политическая конкуренция в нем явно имеет тенденцию к нарастанию.

Эффективность экономического роста

Мирное развитие Индонезии началось после завершения вооруженной антиколониальной борьбы. В 1950–1960 гг. страна была одной из беднейших в мире, с огромным дефицитом бюджета и гиперинфляцией, иногда превышавшей 1500 % в год. Сначала строилась *либеральная экономика* (1950–1957 гг.), затем — *направляемая экономика* (1957–1965 гг.), наконец, *экономическая демократия* (1966–1998 гг.). В 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен *курс на реформирование*³²².

³²⁰ Рассчитано по источникам к рис. 7.1. Подробнее см. главу 2.

³²¹ Рассчитано по источникам к рис. 7.1 по следующей формуле: $\Delta Y = d_1 \cdot \Delta S + \Delta X + (d_2 - d_1) \cdot S_2$, где ΔY — прирост ВВП, S_1 и S_2 — внутреннее предложение ресурсов ($Y - X + M$) в начале и конце периода, d_1 и d_2 — соответственно доли внутреннего производства ($Y - X$) в начале и конце периода во внутреннем предложении ресурсов — $(Y - X)/(Y - X + M)$. Прирост ВВП складывается из 3 эффектов: увеличение внутреннего спроса, экспортной экспансии и эффекта импортозамещения (данные с минусом означают импортоотрасление).

³²² Пахомова Л. Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)*. Москва: Институт востоковедения РАН, 2007.

Несмотря на различие установок, неизменной чертой экономической политики во все эти периоды оставалась главенствующая роль государства в экономике, без которого осуществление догоняющего развития, вряд ли было бы возможным.

Осуществление в Индонезии в последние полвека сравнительно эффективной экономической политики, базирующейся на модернизации ее основных секторов производства, улучшении инвестиционного климата, привлечении иностранного капитала, расширение внутреннего и внешних рынков, увеличение доли валовых капиталовложений в ВВП (с 4–6 % в 1880–1950 гг. до 8–9 % в 1951–1970 гг., 20–22 % в 1970–1998 г. и 26–28 % в 1999–2019 гг.), а также среднего числа лет обучения взрослого населения (примерно с 0,4–0,6 в 1870 г. до 1,3–1,7 в 1950 г., 2,8–3,0 в 1970 г. и 8–9 лет в 2015–2018 гг.)³²³ способствовали *повышению СГТП производительности труда (ПТ)* с 0,9–1,1 % в 1880–1938 гг. до 2,6–2,8 % в 1970–1998 гг. и 3,4–3,6 % 1998–2019 гг.

Вклад ПТ в прирост ВВП вырос с $\frac{1}{2}$ в 1880–1938 до $\frac{3}{5}$ в 1970–2019 гг., а *ускорение (втрое) СГТП ПТ* было, по нашим подсчетам, вызвано на $\frac{2}{5}$ в результате *интенсификации перемещения рабочей силы* из отраслей с низкой в отрасли с более высокой ПТ, и на $\frac{3}{5}$ за счет повышения СГТП ПТ в основных секторах производства³²⁴. Все это свидетельствует о том, что Индонезия в последние полвека стала переходить на модель т. н. современного экономического роста, описанного в трудах лауреата Нобелевской премии по экономике С. Кузнеця³²⁵.

Учитывая, что, по имеющимся расчетам и оценкам, СГТП капиталовооруженности труда в Индонезии вырос почти в 2,5 раза (с 1,8–2,0 % в 1880–1938 гг. до 4,5–4,7 % в 1970–2019 гг.),

³²³ Рассчитано по источникам к *рис. 7.1*, а также The UNDP. *Human Development Report, 2019*. New York, 2019. P. 301; Прозоровский А. С. Индонезия — как опыт модернизации. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 86; Рогожин А. А. Ключевые факторы модернизации Индонезии. *Современные проблемы развития. Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 145, 202.

³²⁴ Расчеты произведены по формуле (см. главу 1) по источникам к *рис. 7.1*.

³²⁵ См., напр.: Kuznets S. *Economic Growth of Nations*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 1971.

можно определить, что СГТП СФП увеличился более чем в 7 раз — примерно с 0,2 % до 1,5 % (в 1970–1998 гг. — 1,1 и в 1998–2019 гг. — 2 %), а вклад СФП в прирост ВВП повысился с $1/10$ в 1880–1938 гг. до $1/5$ в 1970–1998 гг. и немногим менее $2/5$ в 1998–2019 гг. Хотя по этому параметру страна примерно на $1/3$ отстает, например, от РК и Тайваня³²⁶, она примерно на $1/3$ превышает средний показатель по РС³²⁷.

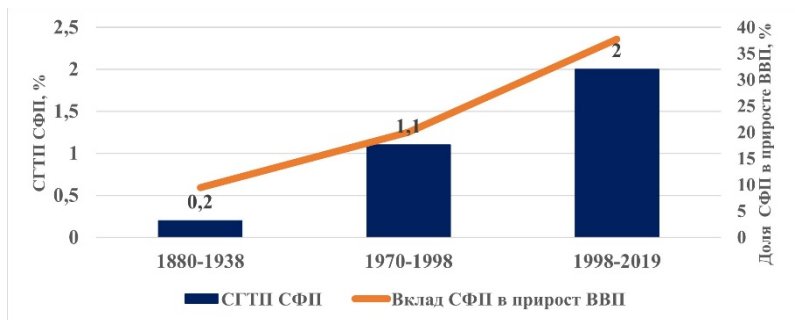


Рис. 7.6. Индонезия: динамика среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СГТП СФП) и ее вклад в прирост ВВП, %

Примечания: 1. Рассчитано по формуле: $r = y - (\alpha \cdot e + (1 - \alpha) \cdot k)$, где y , e , k и r — среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и СФП. 2. Вклад СФП в прирост ВВП исчислен по формуле: $u = r/y$, %. 3. Основной капитал рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р. Голдсмитом. 4. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1 - \alpha$) взяты равными, соответственно, в 1880–1938 гг. 0,6 и 0,4, и в 1970–2019 гг. 0,65 и 0,35.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1, а также Мельянцев В. А. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.)*. Москва: Ключ-С. 2009. С. 208–209.

Расчеты, произведенные нами за 2000–2019 гг., показывают, что по динамике *относительного уровня СФП* Индонезия (см. рис. 7.7), хотя и вдвое медленнее, чем, например, Индия и Китай, подтягивается к «планке» США, но, все еще почти втрое отставая от последних, уже сократила до двукратного свое отставание от РК и Японии.

³²⁶ См. главу 6.

³²⁷ См. главу 1.

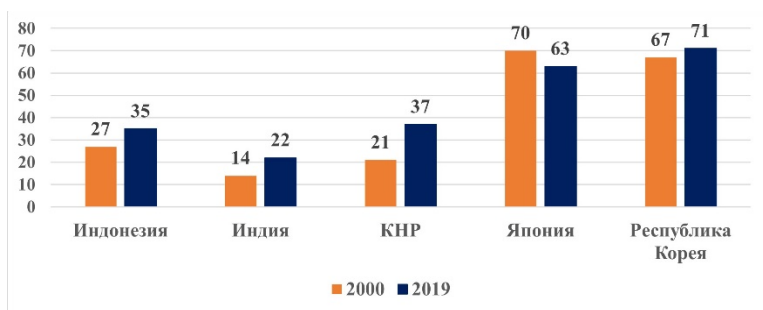


Рис. 7.7. Динамика относительного уровня совокупной факторной производительности (СФП, в % к США) в 2000 и 2019 гг.

Примечание. Рассчитано по источникам к рис. 7.1 по формуле:

$$TFP_i / TFP_j = (Y_i / (E_i^{0.65} \cdot K_i^{0.35})) / (Y_j / (E_j^{0.65} \cdot K_j^{0.35})),$$

где TFP_i и TFP_j , Y_i и Y_j , E_i и E_j , K_i и K_j — соответственно, уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в сравниваемой стране и США.

По нашим расчетам, охватывающим 30 крупнейших экономик мира (на которые приходится $\sim 3/4$ численности его населения и свыше $4/5$ глобального ВВП), ряд ведущих РС Востока, сумевших значительно модернизировать свою экономику, повысить норму капиталовложений, диверсифицировать структуру экспорта, оказались по *рейтингу международной конкурентоспособности* (РМК) в 2019 г. существенно (в т. ч. Таиланд — на 2 позиции, Индия, Малайзия и Вьетнам — на 3, Филиппины — на 4, КНР и Индонезия — на 7 позиций из 30) выше расчетных значений РМК, сгенерированных по логарифму их ПБВВП (см. рис. 7.8).

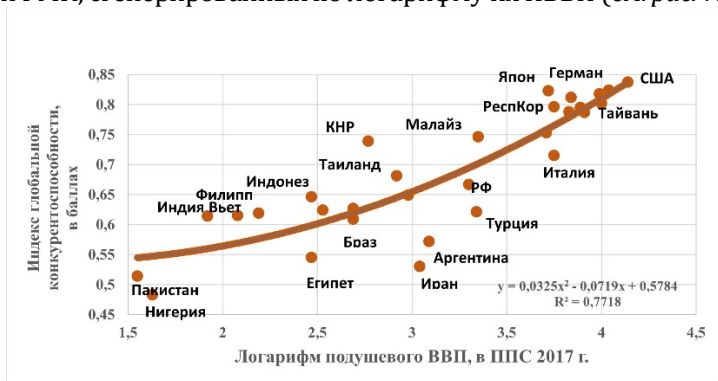


Рис. 7.8. Взаимосвязь уровня подушевой ВВП (ПБВВП) и индекса международной конкурентоспособности по 30 крупнейшим экономикам мира, 2019 г.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1, а также The World Economic Forum. *Global Competitiveness Report, 2019*. Geneva, 2019. P. XIII.

Сказанное говорит о том, что, хотя в Индонезии и ряде других быстро растущих стран Востока и Юга, существует, естественно, много проблем и трудностей (к анализу которых мы еще вернемся), эти страны — по крайней мере, в допандемийный период — сумели существенно продвинуться по шкале эффективности развития.

Итоги и социально-экономические проблемы развития

Оценивая итоги развития Индонезии в период активной модернизации, добавим к сказанному следующее. Если в среднем по РС *доля городского населения* в 1970–2019 гг. выросла примерно вдвое (с $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$), то в Индонезии — более чем втрое (с 16–18 % до 55–57 %), что говорит о наличии ряда признаков сравнительно интенсивной трансформации ее социума³²⁸.

В рассматриваемый период СГТП ПВВП в Индонезии был выше, соответственно, в 1,5 и 2 раза, чем в целом по РС и РГ (3,6 % vs 2,4 и 1,8 %), в результате чего ее ПВВП повысился от уровня РС с 60 до 110 % и с $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ от уровня РГ. Ускори-лась и динамика ИЧР (см. *рис. 7.9*). Его СГТП утроился — с 0,7 % в 1870–1950 гг. до 2,1–2,2 % в 1950–2019 гг., превысив показатель и в целом по РС (1,9 %) и значительно — по РГ (1,1 %)³²⁹.

Если в среднем по странам ЛА, АЮС и АС *конвергенция по ИЧР к среднему уровню РГ* была сравнительно небольшой (в 1950–2019 гг., соответственно, в 1,2–1,3–1,5 раза — с 46 до 57 %, с 22 до 29 % и с 35 до 54 %), то, например, для КНР она была весьма значительной (рассматриваемый индикатор вырос более чем втрое — с 20 до 62 %) и весьма существенной (двойное увеличение индикатора) для Индии (с 20 до 40 %) и Индонезии (с 24 до 48 %).

Для Индонезии, несмотря на немалые успехи в индустриализации, характерно, в целом, отставание в инновационной сфере.

³²⁸ Рассчитано по: источникам к *рис. 7.1*, а также The UNDP. *Human Development Report, 2019*. New York, 2019. P. 173.

³²⁹ Рассчитано по: источникам к *рис. 7.1*, а также APO. *Productivity Databook, 2019*. Tokyo, 2019. P. 145, 201.

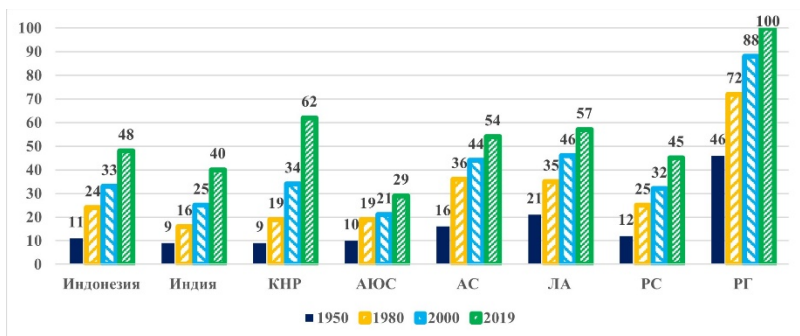


Рис. 7.9. Динамика индекса человеческого развития (ИЧР) в Индонезии, ряде развивающихся стран (РС) и развитых государств (РГ), 1950–2019 гг., (РГ в 2019 г. = 100), %

Примечание: ИЧР — среднее геометрическое невзвешенное показателей ПВВП (в ППС 2017 г.), средней продолжительности жизни от рождения, среднего числа лет обучения взрослого населения, отнесенных к среднему уровню РГ за 2019 г.

Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

Хотя в последние десятилетия в Индонезии норма расширенного накопления (в % от ВВП) имела тенденцию к росту, *доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на развитие ФК и ЧЛК в 2010-е гг.* ($1/5$) оказалась ниже, чем в среднем по РС ($1/3$), НИС (свыше $2/5$) и РГ ($1/2$ – $3/5$). *Доля расходов на НИОКР* в Индонезии (0,2 % ВВП) меньше в 5–6 раз, чем в целом по РС (без КНР), в 10 раз, чем в КНР и в 13 раз, чем в РГ (2,6 % ВВП)³³⁰.

Во второй половине 2010-х гг. *доля населения с образованием не ниже среднего* в общей его численности в возрасте от 15 до 64 лет в Индонезии ($\sim 1/2$) была выше, чем, например, в Индии ($2/5$), но существенно ниже, чем в КНР (свыше $2/3$), НИС и РГ (93–95 %). При этом доля взрослого населения с высшим образованием в Индонезии, хотя и соответствовала среднему показателю в целом по РС (7–9 %), но была меньше вдвое, чем в таких странах, как Малайзия и Таиланд (15–17 %) и вчетверо — чем в целом по РГ и НИС (32–36 %).

В конце 2010-х гг. охват населения Индонезии *широкополосным интернетом* (3–4 %) был ниже, соответственно, в 3 и в 10 раз, чем в среднем по РС (10–12 %) и РГ и НИС (34–36 %)³³¹,

³³⁰ Рассчитано по источникам к рис. 7.1.

³³¹ Рассчитано по The WEF. *The Global Human Capital Report*, 2017. Geneva, 2017. P. 58–189.

а число заявок на патенты в расчете на 1 млн человек в Индонезии (37 штук) было, соответственно, в 8, 28 и 100 раз меньше, чем в среднем по РС (277 штук), РГ (1012) и НИС (3633)³³².

В 2019 г. по индексу инновационного развития Индонезия (74-е место в мире из 141 — из базы данных Всемирного экономического форума), обгоняя, например, Вьетнам (76-е), заметно отставала от Таиланда (50-е), Индии (35-е), Малайзии (30-е), КНР (24-е), РК (6-е место)³³³.

Для Индонезии, несмотря на то, что ее развитие происходит с опорой на ТНК, характерно преобладание мелких и малых предприятий³³⁴, составлявших во второй половине 2010-х гг. 99 % их общего числа и на которых было сосредоточено до $\frac{2}{3}$ всех занятых. При этом только 6 % всех предприятий базировались на новейших технологиях, а 64 % и 30 % — соответственно, на т.н. традиционных и промежуточных³³⁵.

В Индонезии доля в добавленной стоимости ОП *средне-высокотехнологичных товаров* (примерно $\frac{1}{3}$) существенно меньше, чем в Индии, Таиланде, Малайзии и КНР (свыше $\frac{2}{5}$), и намного ниже, чем в азиатских НИС (свыше $\frac{2}{3}$), а доля в ее товарном экспорте *средне-высокотехнологичных товаров* не превышает 13 % (в Индии 24–25 %, в КНР — 56–57 %), в т.ч. *высокотехнологичных товаров* — 3,5 % (в Индии 6–8 %, в КНР 28–29 %, в среднем по РС 14–15 %)³³⁶. По коэффициенту сложности экспорта Индонезия в 2000–2019 гг. переместилась с 59 на 63-е место в мире, отстав от Вьетнама (52-е), Индии (45), Филиппин (33), Таиланда (25), КНР (19-е место из 130)³³⁷.

Эти факторы, наряду с последствиями МФК и начавшейся деглобализацией мировой экономики, вызвали примерно двукратное торможение роста СФП в Индонезии (в 2011–2019 гг. по сравнению с 2000–2008 гг.)³³⁸.

³³² Рассчитано по источникам к пус. 7.1.

³³³ The WEF. *Global Competitiveness Report, 2019*. Geneva, 2019. Pp. 157, 280, 285, 325, 369, 563, 597.

³³⁴ До 19 человек, занятых на предприятии.

³³⁵ ADB. *Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation*. Mandaluyong Citi, 2020. P. 31, 86.

³³⁶ Составлено и рассчитано по источникам к пус. 7.1, а также: UNIDO. *Industrial Development Report, 2020*. Vienna, 2020. Pp. 190–191.

³³⁷ Составлено по: *Economic Complexity Rankings*.

³³⁸ ADB. *Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation*. Mandaluyong Citi, 2020. P. 5; APO. *Productivity Databook, 2019*. Tokyo, 2019. P. 109.

В результате проведения достаточно прагматичной экономической политики, способствующей экономическому росту, в Индонезии доля населения, живущего *в критической бедности*³³⁹ сократилась с 55 % в 1990 г. до 35 — в 2000 г., 13 — в 2010 г. и 4 % — в 2018 г., т. е. до уровня, который втрое ниже, чем в среднем по РС.

Доля недоедающих в 1990–2018 гг. уменьшилась почти вдвое до менее $1/10$. Хотя в стране *доля бедных*³⁴⁰ заметно снизилась (соответственно, с 96 до 53 %), сравнительно *невысокий уровень жизни* у почти $4/5$ населения³⁴¹. В 2020 г. — в условиях пандемии и современного мирового кризиса — доля бедных выросла, но, по оценкам, заметно меньше, чем во многих других РС³⁴².

В Индонезии, как, впрочем, и в ряде других РС и РГ, в последние десятилетия существенно углубилось социальное неравенство. Коэффициент Джини (КД)³⁴³ по распределению доходов³⁴⁴ увеличился в 1999–2018 гг. на $1/5$ — с 0,31–0,32 до 0,38³⁴⁵.

В Индонезии в 2010–2019 гг. неравенство по распределению богатства, выросло весьма существенно. Судя по *коэффициенту Пальма* (КП)³⁴⁶, — с 33 до 49. Он, правда, не достиг планки Таиланда, Африки, Индии и Латинской Америки (КП равен, соответственно, 55, 60, 68 и 180), но выше, чем в Турции, Франции, КНР, РК и Японии (соответственно, 28, 17, 11, 8 и 5)³⁴⁷.

³³⁹ Подушевое потребление менее 1,9 долл. США в ППС 2011 г. в день.

³⁴⁰ Подушевое потребление менее 5,5 долл. в ППС 2011 г. в день.

³⁴¹ Составлено по: Poverty headcount ratio. World Bank. *Databank*; Dream state: Widodo struggles to build his vision for Indonesia. *The Financial times*. 24.09.2020; The World Bank. *Investing in People*. Jakarta, 2020. P. 34.

³⁴² Covid-19: The Global Crisis in Data. *The Financial Times*. 19.10.2020.

³⁴³ Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному).

³⁴⁴ По данным после уплаты налогов и предоставления субсидий.

³⁴⁵ *Reducing Inequality in Indonesia*. The World Bank. October 22, 2014; The WEF. *The Global Competitiveness Report, 2019*. Geneva, 2019. P. 281.

³⁴⁶ Равен отношению потребления/доходов/богатства наиболее состоятельных 10 % населения к сумме потребления/доходов/богатства наиболее бедных 40 % населения.

³⁴⁷ Составлено и рассчитано по Credit Suisse. *Global Wealth Data-book, 2010; 2019*. Geneva.

Увеличение неравенства в распределении дохода и богатства сверх определенного предела³⁴⁸ (а Индонезия, по нашим оценкам, похоже, достигла его или уже весьма близка к нему), ограничивая эффективный спрос, возможности наращивания человеческого капитала и, как правило, сказываясь — в тенденции — негативно на инвестиционном климате, может начать сдерживать ее экономический рост.

Заключение

Опыт модернизации одной из крупнейших стран развивающегося мира — Индонезии, которая на протяжении полувека в целом более или менее системно осуществляла прагматичные реформы, развивая рыночную экономику, поощряя предпринимательство и повышая (с крайне низкого уровня) качество государственного управления, показывает, что развивающаяся страна, прилагающая целенаправленные усилия, за время, равное двум поколениям людей, может, несмотря на немалые проблемы и трудности, добиться многого.

Чтобы, как говорится, рельефнее ощущался масштаб достижений Индонезии, заметим, что в 1990–2024 гг. объем ее ВВП (в ППС 2021 г.) вырос с $1/5$ до $2/3$ от уровня РФ, а показатель по добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности увеличился соответственно с $1/10$ до $9/10$ (Справедливости ради, все же подчеркнем, что, судя по имеющимся данным на начало 2020-х гг., производство средне-высокотехнологичных товаров в Индонезии не превышало $4/5$ от уровня РФ)³⁴⁹.

В Индонезии произошел существенный рывок в ряде важнейших характеристик человеческого развития (о чем, в частности, свидетельствует быстрый рост ее ИЧР). Но мир в последнее время стремительно меняется.

Для сохранения международной конкурентоспособности в современных условиях Индонезии, имеющей уже, в целом, неплохой промышленный задел, достаточно приличный

³⁴⁸ Мельянцев В. А. Торможение глобальной экономики и (полу)периферийные страны. *Азия и Африка сегодня*. 2016, № 10.

³⁴⁹ Рассчитано по: The World Bank. *World Development Indicators*. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 02.12.2025); The World Bank. *World Tables*, 1994. Washington, D. C. 1994. P. 549.

для небогатой страны уровень управления³⁵⁰ и растущий демографический дивиденд³⁵¹, необходимо: (а) существенно повысить уровень подготовки рабочей силы; (б) обеспечить приоритетное развитие коммуникаций и инновационных отраслей экономики; (в) усилить борьбу с коррупцией, умерить рост неравенства и, наращивая усилия по развитию внутреннего рынка (что весьма актуально для крупной страны, расположенной на почти 18 тыс. островов), максимально использовать возможности для активизации внешнеэкономических связей в т. ч. в рамках АСЕАН, АТЭС, а также в формате альянса БРИКС+, к которому Индонезия присоединилась в самом начале 2025 г., заметно увеличив его совокупную мощь³⁵².

Использованная литература и источники

1. Бойцов В. В. Экономический рост в современной Индонезии: итоги, факторы, эффективность. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 2. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Глава 3.8.
2. Гершенкрон А. *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. Москва: Изд. Дом Дело, 2015. 535 с.
3. Истерли У. *В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках*. Москва: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. 352 с.

³⁵⁰ По качеству управленческой, предпринимательской и профессиональной элиты Индонезия в 2020 г. входила в высшую четверть КРС. См.: The Foundation for Value Creation. *Elite Quality Report, 2020*. Zurich and Geneva, 2020. P. 1.

³⁵¹ Доля населения в возрасте 15–64 лет, которая сократилась, например, в среднем по РГ с 67 % в 2005 г. (поворотная точка) до 64 % — в 2019 г., в КНР — с 73,3 % в 2010 г. до 70,7 % — в 2019 г., в целом по РС — с 2015 г. (но пока незначительно), в Индонезии в 1970–2019 гг. продолжала увеличиваться — с 53,5 до 67,7 % (составлено по: The World Bank. *World Development Indicators*; The UNCTAD. *Economic Trends*; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, OECD, 2003. P. 144–145, 184–185, 220–221; Van der Eng P. *The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880–2008. Explorations in Economic History*. 2010. Vol. 47. No. 3. P. 304–306, а также: The World Bank. *Investing in People*. Jakarta, 2020. P. 39).

³⁵² О развитии стран БРИКС+ см. главу 2.

4. Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. Отв. ред. В. Л. Шейнис, А. Я. Эльянов. Москва: Наука, 1990. 439 с.

5. Мельянцев В. А. *«Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны*. Москва: Издательский центр ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 52 с.

6. Мельянцев В. А. Немалый социально-экономический прогресс. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 97–99.

7. Мельянцев В. А. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.)*. Москва: Издательство «Ключ-С», 2009. 216 с.

8. Мельянцев В. А. Торможение глобальной экономики и (полу)периферийные страны. *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 10. С. 27–34.

9. Мельянцев В. А., Горожанкина А. А. Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018. № 3. 148–162.

10. Мельянцев В. А., Матюнина Л. Х. *Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы)*. Москва: Издательство «Ключ-С», 2019. 191 с.

11. Пахомова Л. Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)*. Москва: Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

12. Прозоровский А. С. Индонезия — как опыт модернизации. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 82–93.

13. Рогожин А. А. Ключевые факторы модернизации Индонезии. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. Отв. ред. В. Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2016. С. 94–97.

14. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 5. P. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.

15. ADB. *Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation*. Mandaluyong Citi. 2020. 176 p.

16. APO. *Productivity Databook*. 2019. Tokyo. 2019. <https://doi.org/10.61145/WZJ3459>.

17. Covid-19: The Global Crisis in Data. *The Financial Times*. 19.10.2020. <https://ig.ft.com/coronavirus-global-data/> (accessed 19.10.2020).
18. Credit Suisse. Global Wealth Databook, 2010; 2019. Geneva.
19. Dream state: Widodo struggles to build his vision for Indonesia. *The Financial Times*. 24.09.2020. <https://www.ft.com/content/322c7f9b-310a-4c4f-ae6e-598328f59028> (accessed 24.09.2020).
20. *Economic Complexity Rankings*. <https://www.visualcapitalist.com/countries-ranked-by-their-economic-complexity/> (accessed 16.11.2020).
21. Fraser Institute. *Economic Freedom of the World, 2020*. Vancouver. 2020.
22. Govt scraps plan to issue \$30b worth of «pandemic bonds». *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/11/govt-scraps-plan-issue-30b-worth-pandemic-bonds.html> (accessed 9.08.2020).
23. Hill H., Negara S.D. *The Indonesian Economy in Transition: Policy Challenges in the Jokowi Era and Beyond*. ISEAS — Yusof Ishak Institute. 2019.
24. Indonesia announces Rp. 405 trillion COVID-19 budget, anticipates 5 % deficit in historic move. *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/03/31/indonesia-announces-rp-405-trillion-covid-19-budget-anticipates-5-deficit-in-historic-move.html> (accessed 19.09.2020).
25. Kuznets S. *Economic Growth of Nations*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 1971. 363 p.
26. Maddison A. *L'économie mondiale au 20e siècle*. Paris: OCDE. 1989. 159 p.
27. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD. 2003. 273 p.
28. Mitchell B.R. *International Historical Statistics: Africa and Asia*. New York: New York University Press. 1982. 761 p.
29. Poverty headcount ratio. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 30.10.2020).
30. *Reducing Inequality in Indonesia*. The World Bank. October 22, 2014. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/reducing-inequality-in-indonesia> (accessed 10.10.2020).

31. Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995. No. 1. P. 1–118. <https://doi.org/10.2307/2534573>.
32. *The Environmental Performance Index*. <https://epi.envirocenter.yale.edu> (accessed 28.10.2020).
33. The Foundation for Value Creation. *Elite Quality Report, 2020*. Zurich and Geneva, 2020. 100 p.
34. The Heritage Foundation. 2020 Index of Economic Freedom. Washington, D.C. 2020. <https://www.heritage.org/index>.
35. The IMF. *World Economic Outlook, October 2020*. Washington, D.C. 2020.
36. The Indonesia COVID-19: In face of a 3-dimensional crisis, Yusuf Rendy Manilet. *Independent Observer Jakarta-Indonesia*. <https://observerid.com/indonesia-to-pump-idr-405-trillion-into-economy-amid-covid-19/> (accessed 20.08.2020).
37. The UNCTAD. *Economic Trends*. <https://unctad-stat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020).
38. The UNDP. *Global Multidimensional Poverty Index, 2020*. New York. 2020.
39. The UNDP. *Human Development Report, 2019*. New York. 2019.
40. The World Bank. *Global Economic Prospects: East Asia and Pacific, June 2020*. <http://pubdocs.worldbank.org/en/973201588788003529/Global-Economic-Prospects-June-2020-Regional-Overview-EAP.pdf> (accessed 28.11.2020).
41. The World Bank. *Investing in People*. Jakarta. 2020.
42. The World Bank. *World Development Indicators*. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 28.10.2020).
43. The World Bank. *World Tables*, 1994. Washington D. C. 1994.
44. The World Bank. *Worldwide Governance Indicators*. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (accessed 28.10.2020).
45. The World Economic Forum. *Global Competitiveness Report, 2019*. Geneva. 2019.
46. The WEF. *The Global Human Capital Report, 2017*. Geneva. 2017.

47. Time required to start a business (days) and Cost of business start-up procedures (% of GNI per capita). <https://data-bank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 28.10.2020).

48. UNIDO. *Industrial Development Report, 2020*. Vienna, 2020.

49. Van der Eng P. Indonesia's Growth Performance in the 20th Century. *The Asian Economies in the Twentieth Century*. A. Maddison, D. S. Prasada, W. Shepherd eds. New York: Edward Elgar Publishing, 2002. P. 143–179.

50. Van der Eng P. The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880–2008. *Explorations in Economic History*. 2010. Vol. 47. No. 3. P. 294–309. <https://DOI.org/10.1016/j.eeh.2009.08.004>

8. Арабские страны: тренды и факторы экономического роста³⁵³

Ну что, мы приближаемся к концу знакомого мира, о чем предупреждал американский социолог и философ И. Валлерстайн³⁵⁴, или все намного проще: чем больше он (мир) меняется, тем больше, *по сути*, остается тем же³⁵⁵ — временно улыбчивым для неустойчивой группы фаворитов удачи и достаточно жестким для т. н. лузеров и всех остальных?

Сейчас, во время возросшей экономической и геополитической нестабильности в мире полезно задуматься над рядом вопросов: насколько в последние десятилетия весом был прогресс, насколько, употребляя терминологию великого немецкого ученого В. Гейзенберга³⁵⁶, масштабны были шаги развитой и развивающейся части человечества к горизонту, а в чем-то, условно говоря и как многим казалось, за горизонт (речь идет о достижениях в освоении новых видов энергии,

³⁵³ Мельянцев В. А., 2020 (С). Глава базируется на публикации автора в: *Арабский Восток. Аграрное развитие и социально-экономические тренды*. Отв. ред. А. О. Филоник. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 235–264. В текст рукописи, подготовленной в 2020 г., внесены небольшие изменения.

³⁵⁴ Валлерстайн И. *Конец знакомого мира*. Москва: Логос, 2004.

³⁵⁵ Здесь немного перефразирована французская пословица: *plus ça change — plus c'est la même chose*.

³⁵⁶ См.: Гейзенберг В. *Шаги за горизонт*. Москва: Прогресс, 1987.

космоса, «глубинной» биохимии, развитии искусственного интеллекта и успехах в других сферах)?

Почему, несмотря на резкое углубление МРТ, НТП, демонстрационный эффект РГ, немалые ресурсные возможности ряда РС, в т. ч. арабских стран (АС), о которых пойдет речь ниже, подавляющему большинству из них так и не удалось встать на путь современного экономического роста³⁵⁷

Основные траектории и детерминанты развития

Хотя арабский мир (АМ)³⁵⁸ примерно тысячу лет назад в целом существенно обгонял страны Запада по ряду значимых параметров культурно-инновационного, торгово-финансового и экономического развития (по ПВВП, ИЧР; см. *рис. 8.1–8.3*), уровню урбанизации — не менее чем в полтора-два раза³⁵⁹), он впоследствии в целом значительно отстал от последних.

³⁵⁷ Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press. 1966.

³⁵⁸ Арабский мир — это, напомним, 22 страны, входящие в Лигу арабских государств, на которые, по данным Всемирного банка, по состоянию на 2018 г. приходилось примерно 5,5 % численности населения мира и 4,8 % его ВВП в ППС 2018 г. Хотя АС сближают многие общие черты их социально-культурной, исторической и этно-религиозной идентичности, они сильно дифференцированы по многим характеристикам, в т. ч. по наделенности природными, прежде всего углеводородными, ресурсами, и во многом в силу этого — уровням ПВВП и ряду структурных параметров их экономик. Если в среднем между РГ и РС разрыв по ПВВП не превышает пятикратной величины, то внутри АМ он, как минимум, в шесть раз больше: в Катаре — примерно 97 тыс. долл., по Коморам — 3 тыс. долл. (по Сомали, по которому надежных данных в ППС нет, рассматриваемый индикатор, возможно, еще меньше). Более подробно о дифференциации АС см., например: Стоклицкий С. Л., Фридман Л. А., Андрукович П. Ф. *Экономические структуры арабских стран*. Москва: Наука, 1985; Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.) *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 1, 2.

³⁵⁹ См.: Ghanem R., Baten J. *Middle East, North Africa and Central Asia*. Baten J., ed. *A History of the Global Economy: from 1500 to the Present*. New York: Cambridge University Press. 2016. Р. 209; Мельянцев В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. Москва: Издательство Московского университета. 1996. С. 59; Мельянцев В. А. Причины и факторы отставания в арабо-мусульманском мире. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2014. № 4. С. 125–127.

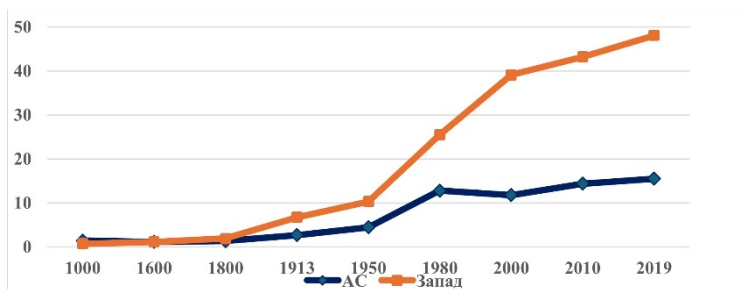


Рис. 8.1. Динамика подушевого ВВП (ПВВП) в целом по странам арабского мира (АМ) и странам Запада в 1000–2019 гг., тыс. долл. в ППС 2011 г.

Примечание. Запад — страны Западной Европы, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Графики и диаграммы на рис. 8.1–8.4 рассчитаны по: The World Bank. DataBank. World Development Indicators; UNCTADstat; IMF Data; UNDP.Data; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD Publications. 2003. P. 186–187, 218–223; Maddison A. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. New York: Oxford University Press. 2007. P. 58, 176, 185, 382; Ghanem R., Baten J. Middle East, North Africa and Central Asia. Baten J., ed. *A History of the Global Economy: from 1500 to the Present*. New York: Cambridge University Press. 2016. P. 229, 234; Pamuk S. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820. *The Journal of Economic History*. 2006. Vol. 66. No. 3. P. 815–816; Мельянцева В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. Москва: Издательство Московского университета, 1996. С. 61, 145, 202; Мельянцева В. А. *Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики*. Москва: Гуманитарий, 2003. С. 68; Мельянцева В. А. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. Москва: Издательство Ключ-С, 2015. С. 13.

Несмотря на массу публикаций, четкого, исчерпывающего объяснения, почему случилась эта колоссальная геополитическая и экономическая метаморфоза, как представляется, нет. Но среди наиболее существенных ее причин эксперты часто называют возросший во многих регионах АМ примерно с XI в. н. э. уровень общественно-политической нестабильности, феномен слабой защищенности в них прав собственности, да и самой жизни человека, длительный период османского и европейского колониального господства, а также сформировавшийся в этих условиях институциональный консерватизм³⁶⁰.

³⁶⁰ См. подр.: Ланда Р. Г. *История арабских стран*. Москва: Восточный университет, 2005; Issawi Ch. *The Middle East in the World Context: a*

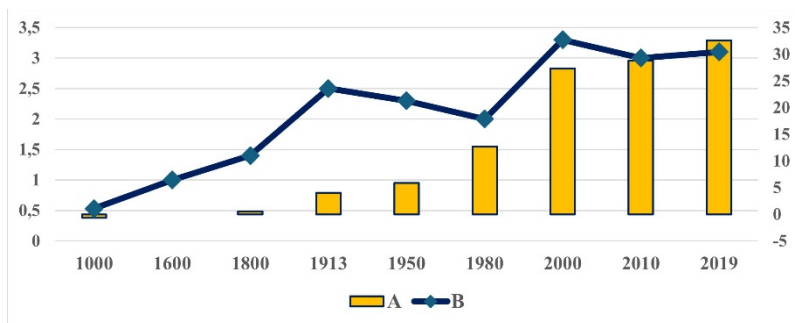


Рис. 8.2. Динамика абсолютного (А) и относительного (В) разрывов по подушевому ВВП (ПВВП) в целом между странами Запада и арабскими странами (АС)

Примечания. 1. Относительный разрыв (левая шкала) — кратное от деления показателя по странам Запада на показатель по арабским странам. 2. Абсолютный разрыв (правая шкала) измерен в тыс. долл. США по ППС 2011 г.

Что касается стран Запада, то им, разместившимся на полупериферии Евразии, избежав, таким образом, наиболее жестоких, многократно повторявшихся вторжений огромных масс кочевников, во многом повезло. И хотя в Позднее Средневековье и Новое Время в Западной Европе было много шоков и кризисов, относительный масштаб общественно-политической нестабильности был сравнительно ниже, чем в АМ, а относительно высокая, но не запредельная конкуренция внутри и между европейскими сообществами, весьма похоже, оказалась на уровне, необходимом и достаточном для формирования весьма полезных для развития конкурентно-контрактных буржуазных институтов и взаимосвязанных с ними промышленных — а впоследствии — постиндустриальных

Historical View *The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context*. G. Sabah, ed. Cambridge (Mass.), 1989. P. 3–29; Kuran T. Why the Middle East Is Economically Underdeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation. *The Journal of Economic Perspectives*. 2004. Vol. 18. No. 3. P. 71–90; Kuran T. Islam and Economic Performance: Historical and Contemporary Links. *The Journal of Economic Literature*. 2018. Vol. 56. No. 4. P. 1292–1359; Blaydes L., Chaney E. The Feudal Revolution and Europe's Rise: Political Divergence of the Christian West and Muslim World before 1500 CE. *The American Political Science Review*. 2013. Vol. 107. No. 1. P. 16–34; Rubin J. *Rulers, Religion, and Riches: Why the West Got Rich and the Middle East Did Not*. New York: Cambridge University Press. 2017.

технологий производства, средств коммуникаций и торгово-финансовых отношений³⁶¹.

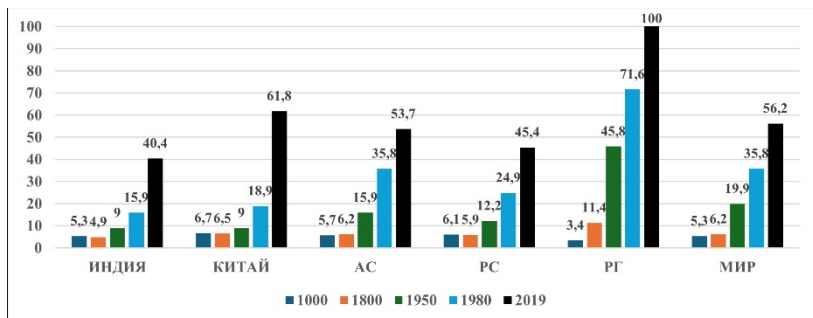


Рис. 8.3. Динамика индекса человеческого развития (ИЧР) в ряде ныне развивающихся стран (РС) и ныне развитых государств (РГ) в 1000–2019 гг., РГ в 2019 г. = 100

Примечания. 1. ИЧР рассчитан нами как среднегеометрическое невзвешенное относительных показателей ПВП (в ППС 2011 г.), средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, уровня образования взрослого населения (за 1000–1800 гг. оценено по грамотности населения, за 1800–2019 гг. — по среднему числу лет обучения взрослого населения). 2. ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

В результате страны Запада, вполне возможно, сравнявшись в целом с АМ по ПВП к началу / в первой половине XVII в.³⁶², к 1800 г. и 1950 гг. перегнали его по рассматриваемому

³⁶¹ См., в частности: Мельянцев В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. Москва: Издательство Московского университета, 1996. Гл. 2; Уваров П. Ю. «Роскошь феодализма». *Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока*. Москва: Наука, 2012. С. 810–818.

³⁶² По военно-технологическому, а также институционально-организационному уровням развития — а они на протяжении многих веков, да и сейчас являются архиважными в плане обеспечения общей конкурентоспособности государств — страны Запада (точнее, Западной и — в незначительной мере — Восточной Европы), отразив нашествия Османов в XVI–XVII вв. (в т. ч. в битвах при Вене 1529 и 1683 гг. и Лепанто 1571 г.), стали постепенно обгонять последних. См.: Hoffman Ph. *Why Did Europe Conquer the World?* Princeton: Princeton University Press. 2015. P. 20–22, 58–62, 98, 136, 151–152; Karaman K., Pamuk S. Ottoman State Finances in European Perspective, 1500–1914. *The Journal of Economic History*. 2010. Vol. 70, No. 3. P. 608, 612, 614; Bairoch P. *Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du*

показателю соответственно примерно на $\frac{2}{5}$ и в 2,3 раза, а по ИЧР, что свидетельствует о большем превосходстве в человеческом капитале, — на $\frac{4}{5}$ и почти втрое. Но при этом, подчеркнем, отставание АМ от РГ (по ПВДП и ИЧР) к 1950 г., было в среднем, хотя и намного большим, чем в целом по ЛА, но меньше, чем, например, по странам АЮС, Индии и Китаю³⁶³. Это говорит о том, что стартовые условия для более или менее успешного запуска механизма экономического роста у АС вскоре после освобождения от колониальной и полуколониальной зависимости были не самые плохие.

Однако, после ускорения роста ПВДП в АС в первые десятилетия после Второй мировой войны (СГТП вырос примерно втрое — с 1,0–1,2 % в 1913–1950 гг. до 3,5–3,6 % в 1950–1980 гг.), обусловленного деколонизацией, началом проведения относительно самостоятельной экономической политики и, что весьма немаловажно, резкого улучшения бартерных условий внешней торговли в результате повышения цен на углеводородное сырье в 1970-е гг., в дальнейшем в них в целом сильно замедлилась динамика ПВДП, по средним темпам прироста которого они в *долгосрочном плане* оказались среди аутсайдеров мирового сообщества.

СГТП ПВДП в целом по АС сократился в 6–7 раз — с 3,5–3,6 % в 1950–1980 гг. до 0,5–0,6 % в 1980–2019 гг.³⁶⁴, что по

monde du XVI^e siècle à nos jours. Tome 1. Paris: Gallimard. 1997. P. 597; Findlay R., O'Rourke K. *Power and Plenty. Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton: Princeton University Press. 2007. P. 114–119, 357; Broadberry St., Guan H., Li D. China, Europe and the Great Divergence: A Study in Historical National Accounting, 980–1850. *The Journal of Economic History*. 2018. Vol. 78. No. 4. P. 989; Goldstone J. Why Europe. *The Rise of the West in World History, 1500–1800*. New York: McGraw-Hill Education. 2009. P. 112, 117–118, 137; Morris I. *Why the West Rules — for Now*. London: Profile Books. 2010. P. 438–449; Abu-Lughod J. *Before European Hegemony*. New York: Oxford University Press. 1989. P. 20; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *The American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 3. P. 546–579; Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Издательство Московского университета, 1996. С. 96.

³⁶³ Рассчитано по данным и источникам к рис. 8.1–8.3.

³⁶⁴ Имеющаяся статистика о росте ПВДП АС оставляет желать лучшего (см. наши корректировки по Египту за 2010-е гг.: Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.) *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 1. С. 9). Но, поскольку, ввиду отсутствия

своим масштабам весьма значительно для крупных регионов РС. Но, заметим, торможение роста рассматриваемого показателя было свойственно отнюдь не всем странам и регионам РС. Если в целом по АЮС и ЛА, как, впрочем, и по РГ, СГТП ПВВП уменьшился соответственно в 7–8 раз (с 1,5–1,6 до 0,2 %), 3,0–3,5 (с 2,8–2,9 % до 0,8–0,9 %) и 2–2,5 раза (с 3,5–3,6 до 1,5–1,7 %), то, например, в Китае и Индии, которые в 1980–2010-е гг. осуществили серию, несомненно, более глубоких и прагматичных реформ, чем многие другие страны мира, он вырос соответственно в 2,3–2,4 раза (с 2,6–2,7 до 5,7–5,9) и 3,7–3,8 раза (с 1,1–1,3 до 4,4–4,6 %; см. *рис. 8.4*).

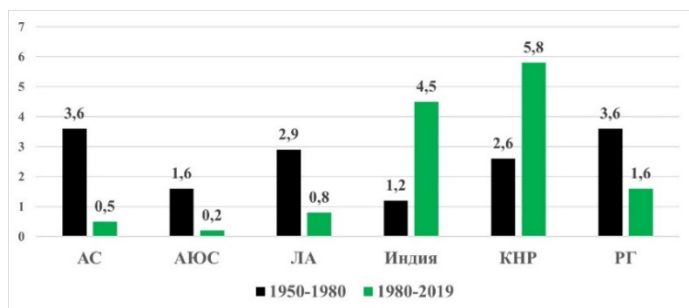


Рис. 8.4. Среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП в важнейших регионах и странах развивающегося мира и развитых государствах, 1950–2019 гг., %

Примечание. АС — арабские страны, АЮС — Африка южнее Сахары, ЛА — Латинская Америка, РГ — развитые государства.

ряда необходимых данных, произвести по более чем двум десяткам АС взвешенно и справедливо верификацию официальных показателей оказалось затруднительно, пришлось использовать их как таковые, тем более что цель была выявить общий тренд. По нашим расчетам, базирующимся в основном на материалах Всемирного банка, ЮНКТАД, Э. Мэддисона, СГТП ПВВП сократился, например, в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) с 6,1–6,3 % в 1950–1980 гг. до –1,4–1,6 % в 1980–2018/2019 гг., в Ливии соответственно — с 8–10 % до –4–5 %, в ОАЭ — с 1,8–2,0 до –2,6–2,8 %, в Йемене — с 3,0–3,2 до –1,8–2,2 %, Сирии — с 3,3–3,5 до –0,7–1,5 %, в Омане с 6,5–6,6 до 1,1–1,3 %, в Ливане и Иордании — с 1,2–1,3 и 3,2–3,4 % до 0,2–0,3 %, в Мавритании — с 2,5–2,7 до 0,4–0,8 %, в Египте — с 2,7–2,9 до 2,3–2,5 %, в Тунисе, Алжире и Марокко (в 1960–1980 гг.) — с 4,0–4,2 %, 3,0–3,2 и 2,8–3,0 % до соответственно 2,0–2,2 %, 0,7–0,8 и 2,3–2,5 % (рассчитано по источникам к *рис. 8.1*, а также: Мельянцева В. А. *Экономический рост стран Магриба*. Москва: Издательство Наука, 1984. С. 17).

Если в 1950–1980 гг. относительный разрыв между РГ и АС в ПБВП в ППС 2011 г. сократился с 2,3 до двукратного³⁶⁵ (но абсолютный разрыв вырос в 2,2 раза), а по ИЧР — с 2,9 до 2, то в 1980–2019 гг. он по первому показателю увеличился более чем в полтора раза — до 3,1 (абсолютный разрыв вырос в 2,6 раза), в то время как по ИЧР он практически не изменился³⁶⁶, несмотря на ряд успехов АС в развитии образования и здравоохранения³⁶⁷.

Среди основных причин такого резкого торможения роста ПБВП в АМ можно назвать в целом существенное ухудшение экономической конъюнктуры и инвестиционного климата, вызванное — в тенденции — снижением с 1980 г. динамики *индекса чистых бартерных условий внешней торговли и более чем двукратным* в последние два десятилетия падением в среднем по АС *индекса политической стабильности (ИПС)*³⁶⁸. Во второй половине 2010-х гг. ИПС в среднем по АС оказался соответственно в три и пять раз ниже, чем в целом по другим РС и РГ. Заметим, что в целом по АС за последние три-четыре десятилетия парные коэффициенты корреляции Пирсона динамики каждого из двух рассмотренных факторов с динамикой ВВП были весьма существенными ($R \sim 0,8-0,9$) и значимыми ($p < 0,1$)³⁶⁹.

Кроме того, сохраняющиеся в АС высокие темпы демографического роста и весьма слабо диверсифицированная структура экспорта, как представляется, негативно сказыва-

³⁶⁵ Средний относительный разрыв по ПБВП в ППС 2011 г. между АС и РГ в 1980 г. был в 4–5 раз меньше, чем в среднем между РС (без АС) и РГ, так как для стран, входящих в ССАГПЗ, их ПБВП, возросший в результате гигантского роста доходов от экспорта углеводородного сырья, был тогда многократно выше, чем в РГ.

³⁶⁶ Рассчитано по данным и источникам к *рис. 8.1–8.4*.

³⁶⁷ См.: Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 1 и 2. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 1, 2.

³⁶⁸ Если по странам, входящим в ССАГПЗ, ИПС уменьшился на треть, то в таких государствах, как Египет, Ирак, Йемен, Тунис, Сирия, Ливан, Ливия и Иордания, он сократился в среднем в четыре раза.

³⁶⁹ Рассчитано по пятилетним значениям исследуемых показателей. См.: Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 1. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 1. С. 9–11.

ются на устойчивости и динамике роста вложений в физический и человеческий капитал, экспорта товаров и среднедушевых доходов³⁷⁰. На основе нижеприведенной малоразмерной модели установлено, что 9–10-кратное отставание АС по СГТП ПВДП от быстрорастущих исполинов РС — Китая и Индии — в 1980–2018/2019 гг. определялось соответственно примерно на $\frac{1}{7}$ и $\frac{6}{7}$ в целом вдвое более высокими в АС по сравнению с вышеупомянутыми двумя странами *темпами прироста численности их населения* (2,5 % : 1,3 %) и более чем в 4 раза более низкой *долей готовых изделий в товарном экспорте* АС по сравнению с Китаем и Индией (в среднем, 17 % : 72 %)³⁷¹.

$$GR(Y/P)_i = -0,54 \cdot GR(P)_i + 0,075 \cdot mX_i, \\ (p = 0,063) \quad (p = 3,9E-05) \\ F\text{-StatProb.} = 0,000; R^2 \text{ adj} = 0,78; N = 10.$$

Примечания. 1. $GR(Y/P)_i$ и $GR(P)_i$ — среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на душу населения и численности населения i -й страны (региона) в %, mX_i — средняя за рассматриваемый период доля готовых изделий в товарном экспорте i -й страны (региона) в %. 2. Параметры пилотной модели, рассчитанной по двум периодам (1980–2000 и 2000–2019 гг.) по основным регионам и крупнейшим РС (АС, АЮС, ЛА, Китай и Индия), значимы на достаточно высоком уровне. Вариации двух регрессоров объясняют почти $\frac{4}{5}$ вариаций зависимой переменной.

Рассчитано по источникам к *рис. 8.1*.

Согласно имеющимся данным, АС в 1980–2018 гг. в среднем примерно в 7 и 10 раз отставали соответственно от РГ и в целом от РС по СГТП производительности труда (ПТ; 0,2–0,3 % vs 1,3–1,5 и 2,4–2,6 %). Если и в РГ и РС вклад ПТ в прирост ВВП

³⁷⁰ См.: Мельянцев В. А. Причины и факторы экономического отставания в арабо-мусульманском мире. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2014. № 4. С. 130–131.

³⁷¹ По доле готовых изделий в товарном экспорте АС сильно дифференцированы. В 2018 г. показатель, достигавший 70–80 % в Марокко и Тунисе и 51–52 % в Египте, составлял всего 16–17 % в КСА и 4–5 % в Алжире. А средний по АМ индикатор (17 %) был ниже, чем по АЮС (22–23 %) и намного ниже, чем по ЛА (47 %), ЮАЗ (70 %) и РС Восточной Азии и Юго-Восточной Азии (ВАЗ; 85–86 %). Составлено по источникам к *рис. 8.1*.

достигал $\sim 3/5$, то в среднем по АС примерно $1/10$ ³⁷². Несмотря на то, что свыше четверти АС — богатые экспортеры углеводородов, средняя ПТ по АС в 2018 г. была втрое ниже, чем в РГ, что, согласно расчетам по модели, приведенной ниже, определялось соответственно примерно на $2/5$, $1/5$ и свыше $2/5$ существенно более низкими у первых значениями *индексов технологической сложности их экспорта, соблюдения принципов верховенства закона и качества* (здесь — числа лет обучения) *рабочей силы*.

$$(GDP/E)_i = 11,6 \cdot Complexity_i + 23,8 \cdot ROL_i + 3,4 \cdot ED_i,$$

(p = 0,004) (p = 0,10) (p = 0,005)

F-StatProb. = 4,9E-20; R² adj = 0,85; N = 47.

Примечания. 1. **(GDP/E)_i** — ВВП в расчете на одного занятого в *i*-й стране в 2018 г. в тыс. долл. в ППС 2017 г., **Complexity_i** — индекс технологической сложности экспорта Рикардо Хаусманна, **ROL_i** — индекс реализации принципов верховенства законов, **ED_i** — число лет обучения взрослого населения. 2. Все данные — по 47 крупным и средним странам мира за 2018 г., на которые приходилось около 90 % мирового ВВП. 3. Параметры модели значимы на достаточно высоком уровне. Вариации двух регрессоров объясняют свыше $4/5$ вариаций зависимой переменной.

Рассчитано по источникам к *рис. 8.1*; Country Complexity Rankings; The World Bank. *World Governance Indicators*.

Поясняя сказанное, стоит подчеркнуть, что показатели технологической сложности экспорта — и по бедным, и по среднедоходным и богатым нефтеэкспортирующим — АС оказались, как правило, ниже тренда, сгенерированного (по 47 РС и РГ) в зависимости от уровня ПБВП (см. *рис. 8.5*).

³⁷² Рассчитано по источникам к *рис. 8.1*, а также: The World Bank. *World Development Indicators*, 2003. Washington, D. C., 2003. Р. 44. Справедливости ради подчеркнем, что СГТП ПТ в АС, составлявший в 1980–2000 гг., когда, заметим, их индекс чистых бартерных условий внешней торговли (ИЧБУВТ) сократился на треть, $-0,7$ – $0,9$ %, затем в 2000–2017/2018 гг., когда ИЧБУВТ увеличился в полтора раза, вырос до $0,9$ – $1,0$ % и обеспечил таким образом до $1/4$ (что все равно сравнительно мало) прироста ВВП АС.

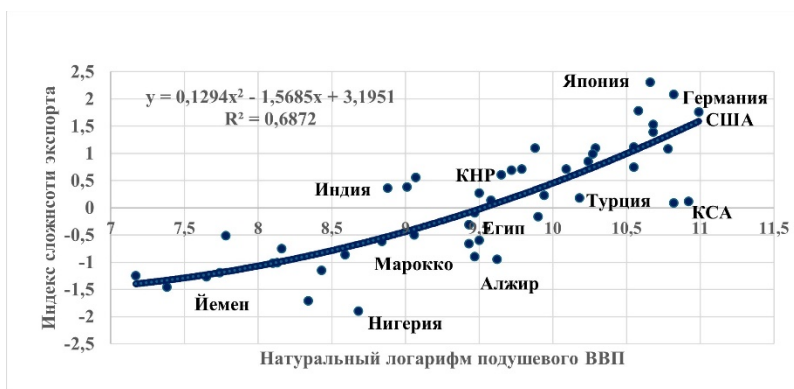


Рис. 8.5. Взаимосвязь уровня подушевого ВВП (ПВВП) и индекса сложности экспорта, 2018 г.

Примечания. 1. Индекс технологической сложности экспорта Рикардо Хаусманна изменяется от -2,5 до 2,5. 2. ПВВП — в долл., ППС 2011 г.

Рассчитано по: Country Complexity Rankings; The World Bank. Data-Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org> (accessed 20.05.2020).

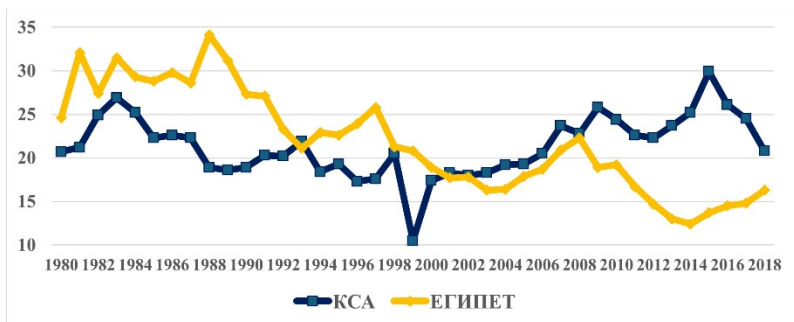


Рис. 8.6. Египет и КСА: динамика доли валовых капвложений в ВВП, 1980–2018 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 8.1.

Это, помимо прочего, определялось их сравнительно невысокими показателями долей обрабатывающей промышленности ³⁷³ и валовых капиталовложений в ВВП

³⁷³ В 2015–2018 гг. доля добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности, в ВВП АС (в среднем 13–14 %) была на треть меньше, чем в целом по другим РС, что прежде всего определялось

(см. *рис. 8.6*)³⁷⁴, удельных расходов на НИОКР в ВВП³⁷⁵ и инновационного развития³⁷⁶. При этом доля высокотехнологичных товаров в экспорте готовых изделий АС в 2018 г. не превышала среднего индикатора по АЮС (4–5 %) и была меньше соответственно вдвое, втрое и в семь раз, чем в целом по странам ЮАЗ (8–9 %), ЛА (14–15 %) и РС ВАЗ (32 %)³⁷⁷.

В 1980–2010-е гг. АС в целом добились заметных успехов в развитии образования. В частности, *охват молодежи обучением в высшей школе* повысился в среднем более чем втрое — примерно до трети (в Египте и Марокко 33–36 %, в Мавритании, Судане и Йемене 4–6 %, в КСА уже 66–68 %), что соответственно на $\frac{2}{5}$ и в 4 раза больше, чем ЮАЗ и АЮС, но на $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{3}$ меньше, чем по РС ВАЗ и ЛА³⁷⁸. Хотя в целом по АС *среднее число лет обучения взрослого населения*³⁷⁹, по нашим расчетам и оценкам, существенно выросло (с 1,6 года в 1950 г. до 4 лет в 1980 г., 6,5 лет в 2000 и 9 лет в 2018 г.) и в 2018 г. оказалось выше, чем в целом по АЮС и Индии (соответственно 6,9

высокими значениями по РС ВАЗ (27–28 %), доля которых в ВВП РС в 2018 г. превышала 42 %.

³⁷⁴ Доля валовых капиталовложений в ВВП сократилась в 1980–2018 гг. в целом по АС с 24–25 % до 21–22 %, а также в странах ЛА — с 22–23 % до 17–18 % и АЮС — с 23 до 20 %, но выросла в ЮАЗ — с 19–20 до 28 % и РС ВАЗ — с 28–29 до 39–40 %. Невысокая доля капвложений в ВВП АС в немалой мере объясняется значительным удельным весом текущего госпотребления (ГП) в ВВП, достигавшим в 2010-е гг. почти $\frac{1}{5}$ ВВП, что на $\frac{2}{5}$ выше, чем в среднем по другим регионам РС. В ГП АС — много непродуктивных, в т. ч. военных расходов, доля которых в их ВВП (в среднем 6 %), более чем втрое превышает показатель по другим РС (1,8–1,9 % ВВП). Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 8.1*.

³⁷⁵ Во второй половине 2010-х гг. этот индикатор в среднем по АС (0,6 % ВВП) был в 2,5 раза ниже, чем в среднем по другим РС (Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 8.1*).

³⁷⁶ При всех немалых различиях между богатыми, среднедоходными и бедными АС, они в целом, если усреднить их значения, в конце 2010-х гг. по ГИИ располагались ближе к нижней трети ранжированного ряда 126 стран мира (Рассчитано по: Cornell University, INSEAD, and WIPO. *Global Innovation Index 2018*. Geneva, 2018. P. XX–XXI).

³⁷⁷ Хотя по Марокко и Тунису показатель достигал соответственно 4 и 7,4 %, в Египте, КСА и Алжире он составлял всего 0,6–0,9 %. Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 8.1*.

³⁷⁸ Рассчитано по источникам к *рис. 8.1*.

³⁷⁹ Редуцированные в годах начального образования.

и 8,5 лет), оно заметно ниже, чем в ЛА и КНР (10,7 и 11,2 года) и намного ниже, чем в новых индустриальных странах (НИС) и РГ (17–18 лет)³⁸⁰.

Показатели числа лет обучения взрослого населения³⁸¹ — и по бедным, и по среднедоходным и богатым нефтеэкспортирующим — АС оказались в целом ниже тренда, сгенерированного (по 47 РС и РГ) в зависимости от уровня ПБВП (см. *рис. 8.7*). К тому же по ряду качественных характеристик образования, полученных на основе имеющихся данных тестирования по программам PISA (2015 г.), группа среднедоходных и богатых АС (Иордания, Тунис, Алжир, ОАЭ, Катар; 347 баллов) значительно отставала не только от РГ (508), но и от группы других среднедоходных РС (Мексика, Турция, КНР, Вьетнам; 464 балла)³⁸².

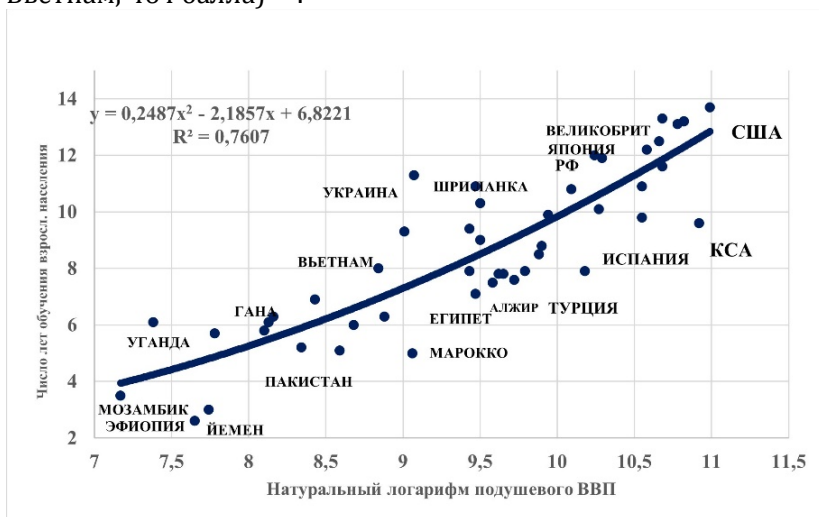


Рис. 8.7. Взаимосвязь уровня подушевого ВВП (ПБВП) и числа лет обучения взрослого населения, 2018 г.

Примечания. 1. Число лет обучения (без редукции на качество).

2. ПБВП — в долл., ППС 2011 г.

Рассчитано по источникам к *рис. 8.1*.

³⁸⁰ Рассчитано по источникам к *рис. 8.1*.

³⁸¹ Данные по 47 странам мира, не по всем из которых удалось сделать корректировки, здесь представлены без редукции на качество.

³⁸² Рассчитано по: UNDP. *Human Development Indices and Indicators*. New York, 2018. P. 81–82.

Судя по данным ПРООН, в 2016–2017 гг. *доля взрослого населения с полным и неполным средним образованием* в целом по АС (50–51 %) ³⁸³ была выше только, чем в АЮС (33–35 %). Она равнялась показателю по ЮАЗ, но была заметно ниже, чем в ЛА (59–60 %), РС ВАЗ (70–72 %), в регионе ВЕЦА (81–82 %) и РГ (88–90 %) ³⁸⁴. Что касается *доли естественно-научных и инженерных факультетов университетов и колледжей в общем числе выпускников*, то она, по имеющимся данным, в целом по АС в первой половине 2010-х годов составляла всего четверть и была на треть меньше, чем по азиатским НИС ³⁸⁵.

По расчетам Всемирного экономического форума (ВЭФ), *средний уровень IQ* в целом по АС в первой половине 2010-х годов (82 единицы; в странах ССАГПЗ — 83,6, в других АС — 81,2) был существенно выше, чем в бедных РС (75,4), но намного ниже, чем в среднем по странам БРИКС (88,5), РГ (100) и азиатским НИС (106). Также подчеркнем, что *доля рабочей силы, имеющей высшее образование*, в целом по АС (12–13 %; в странах ССАГПЗ 16–17 %, в среднем по другим АС — 10–11 %) намного больше, чем в бедных и беднейших РС (4–7 %), но уступает индикатору по странам БРИКС (в среднем 15–17 %) и значительно меньше, чем в НИС (31–33 %) и РГ (34–36 %) ³⁸⁶.

Экономическая и социальная эффективность развития

Вышеперечисленные факторы, а также в целом невысокий уровень качества инвестиционного климата и институтов ³⁸⁷ в АС (см. *рис. 8.8*), обусловили то, что значение СГТП СФП

³⁸³ В АС рассматриваемый индикатор, как и многие другие, сильно варьировал во многом в зависимости от уровня развития. Он в среднем за обозначенный период достигал в Иордании 83–85 %, в Египте, Омане, ОАЭ, Катаре и КСА 64–73 %, в Кувейте, Тунисе, Ливане и Ливии 51–57 %, в Сирии и Ираке 41–48 %, в Марокко и Алжире 31–38 %, в Судане, Мавритании и Йемене — 17–27 %.

³⁸⁴ Составлено по: UNDP. *Human Development Indices and Indicators*. New York. 2018. P. 52–55.

³⁸⁵ Рассчитано по: UNESCO. *Science Report: Towards 2030*. Paris, 2015. P. 441.

³⁸⁶ Рассчитано по: The World Economic Forum. *The Human Capital Report*. Geneva. 2013. P. 54–537.

³⁸⁷ Хотя, например, по ряду характеристик *индексов экономической свободы, развития предпринимательства, легкости ведения бизнеса и качеству общественных институтов* (по версии ВЭФ) АС, при всей немалой

в них в целом в 1980–2010-е гг. (–0,2–0,2 %) оказалось сопоставимо с параметром по АЮС и ЛА (~ –0,2 %), но кардинально отличалось от показателя по ЮАЗ (1,5–1,7 %) и РС ВАЗ (2,3–2,4 %)³⁸⁸.

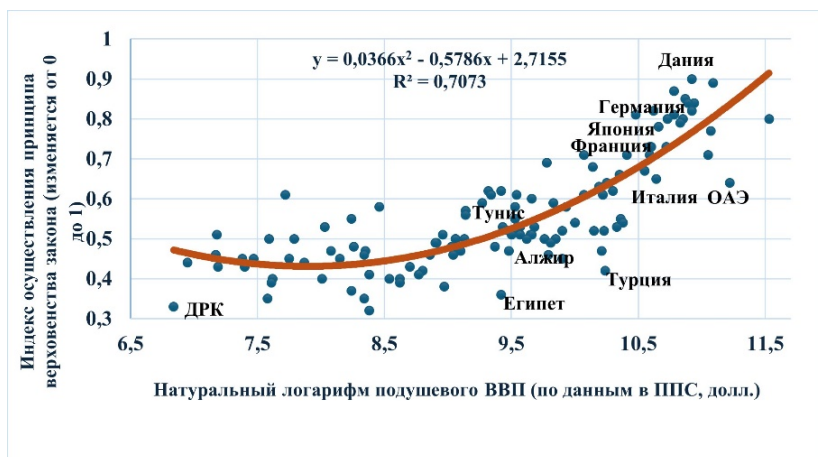


Рис. 8.8. Взаимосвязь индекса осуществления принципа верховенства закона (2019 г.) и уровня подушевого ВВП (ПВВП, 2018 г., натуральный логарифм, в ППС, долл.)

Примечание. ДРК — Демократическая Республика Конго.

Рассчитано по источникам к рис. 8.1, а также: The World Justice Project. *Rule of Law Index*, 2019. Washington, D. C., 2019. P. 6–7.

дифференциации, существующей между ними, за последние сорок лет существенно продвинулись вперед, в целом АМ по рассматриваемым показателям, если усреднить данные по двум с лишним десяткам входящим в него стран, в конце 2010-х гг. находился в нижней (или ближе к нижней) трети ранжированного ряда стран мира. См.: Мельянцев В.А., Бочарова Л.С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 2. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 2.

³⁸⁸ Рассчитано по источникам и формуле к рис. 1.12. При этом в АМ наблюдалась значительная дифференциация по СГТП СФП. В 2000–2016/2018 гг. рассматриваемый показатель, например, по КСА составлял –1,1 %, по Алжиру и Египту 0,5–0,6 %, по Марокко и Тунису 0,9 % и 1,3 %. См.: Мельянцев В.А., Бочарова Л.С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 1. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 1. С. 12.

Вместе с тем, несмотря на многие проблемы, с которыми сталкиваются арабские государства (из них примерно треть — т. н. несостоявшиеся или весьма слабо дееспособные³⁸⁹), в целом они, на которые приходится свыше $\frac{1}{4}$ стоимости учтенных природных ресурсов и $\frac{1}{3}$ извлекаемой в мире природной ренты, как представляется, вовсе не «захлебнулись в своей печали и безысходности». Хотя динамика ПВВП у большинства АС, как уже отмечалось, невысокая, но, получив, по нашим подсчетам, за последние почти полстолетия доходы от экспорта углеводородов и трансфертов рабочих-эмигрантов, работающих вне АМ, на общую сумму свыше 12 трлн долл. (это эквивалентно свыше $\frac{1}{4}$ их совокупного ВВП³⁹⁰), они, хотя и далеко не в одинаковой мере, но в целом заметно продвинулись в социально-экономическом развитии.

Доля занятых вне агросферы выросла в целом по АМ с $\frac{1}{3}$ в 1960 г. до немногим более $\frac{1}{2}$ в 1980 г. и почти $\frac{4}{5}$ в 2019 г. АС еще далеко до РГ, где показатель достиг в среднем 95–96 %, но они уже близки к ЛА (85–87 %), существенно обогнав в целом РС (67–69 %), в т. ч. РС ВАЗ (72–73 %), ЮАЗ (57–59 %) и

³⁸⁹ См.: The Fund for Peace. 2019 *Fragile States Index*. Washington, D. C., 2019. Р. 6–7. Число этих стран выросло в 2010-е гг. втрое в результате арабского кризиса. О его причинах и последствиях см., в частности: Барановский В. Г., Наумкин В. В. *Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте*. Москва: Институт востоковедения РАН, 2018; Арабский кризис и его международные последствия. Отв. ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. Москва: ЛЕНАНД, 2014; Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. *Ислам, глобальное управление и новый миропорядок*. Москва: Институт Африки РАН, 2018; *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012; Федорченко А. В. Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире? *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. Том 52. № 1; Филоник А. О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. *Восточная аналитика*. Ежегодник 2013. Москва: Институт востоковедения РАН, 2014; Видясова М. Ф., Бочарова Л. С., Гевелинг Л. В., Исаев В. А., Мейер М. С., Мельянцев В. А., Орлов В. В., Сафронова А. Л., Фридман Л. А. Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2011. № 3; Мельянцев В. А. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 10.

³⁹⁰ Рассчитано по источникам к рис. 8.1.

АЮС (52–53 %) ³⁹¹. Однако, ИЧР в АМ в 1980–2019 гг. вырос, хотя в среднем быстрее, чем ПВВП (почти в полтора раза и на четверть), но меньше, чем в целом по РС (более чем на $\frac{4}{5}$), в т. ч. в Индии и Китае — соответственно в 2,5 и 3,3 раза (см. *рис. 8.3*).

В результате, если примерно сорок лет назад, находясь на восходящей волне роста доходов от экспорта углеводородов, АМ имел в среднем ИЧР, который был выше, чем в целом по РС более чем на $\frac{2}{5}$, то в конце 2010-х гг. — уже менее чем на $\frac{1}{5}$. АМ в 2019 г. по этому показателю значительно — соответственно на $\frac{1}{3}$ и $\frac{4}{5}$ — обогнав Индию и АЮС, в которых, как известно, сконцентрирована подавляющая часть критически бедных всей планеты, продолжал отставать от медленно растущей ЛА и весьма сильно отстал (в среднем более чем на четверть) от мощно рванувших вперед в этот период РС ВАЗ и азиатских НИС. При этом АМ в 1980–2019 гг. едва ли сколько-нибудь существенно (не более чем на 3–4 п.п.) подтянулся по уровню ИЧР к группе РГ, в которых в этот период, несмотря на прогресс в ИКТ и других технологиях, парадоксально резко замедлилась динамика роста ПВВП и ряда его качественных составляющих.

Иными словами, АМ — с опорой на свои немалые ресурсы — растет и развивается в среднем не медленнее, чем существенная часть стран Юга — ЛА и АЮС, но, значительно медленнее, чем развивающаяся Азия, и при этом — весьма неравномерно.

В последние сорок лет невысокий экономический и весьма быстрый демографический рост в АС, отсутствие в большинстве из них сколько-нибудь значимых прагматичных реформ институтов и изменений в экономической политике, консервация прежних элит, а также весьма высокий уровень военно-политической нестабильности в целом ряде стран региона не способствовали кардинальному уменьшению бедности. Хотя на протяжении жизни примерно двух поколений доля критически бедных (пороговое значение — дневное потребление не выше 1,9 долл. в ППС 2011 г.) сократилась, по официальным данным, в 2–3 раза до 4–5 %, что вдвое ниже, чем в среднем по РС, доля бедных и нищих (планка в 5,5 долл. в ППС 2011 г.), даже снизившись за рассматриваемый период

³⁹¹ Составлено по источникам к *рис. 8.1*, а также: Мельянцев В. А. *Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики*. Москва: Гуманитарий, 2003 С. 66.

вдвое, все еще составляла ближе к концу 2010-х гг. не менее $2/5$ ³⁹². Вне всякого сомнения, она выросла в 2020 г. в условиях пандемии и мирового кризиса, больно ударивших по РС, сильно зависящих от экспорта сырья и низкотехнологичных товаров. В среднедоходных и бедных странах АМ вышеупомянутый показатель, бывший в конце 2010-х гг. примерно на четверть больше, чем в среднем по АС, возможно, ныне достиг или уже превысил $2/3$ численности их населения³⁹³.

Хотя средний ПВВП АС соответствует примерно среднемировому (в 2018 г. 14,5 тыс. и 16,6 тыс. долл. в ППС 2017 г.), по такому многомерному показателю, как *индекс процветания* (ИП) Института Legatum³⁹⁴, в целом АС в 2018 г. можно расположить в середине седьмой децили из 167 обследованных стран мира. Богатые монархии из ССАГПЗ, которые по ПВВП находятся в целом в первой децили стран мира, по ИП в целом попадают в конец второго (после топового) квинтиля, а все остальные АС в среднем — в самый конец четвертого — начало последнего квинтиля³⁹⁵. Расчеты — ориентировочные. Но в целом свидетельствуют не только о высоком уровне неравенства, существующем в АМ, но и о немалой степени диспропорциональности в их экономическом, научно-техническом и социально-институциональном развитии.

³⁹² Она была примерно в 1,5–2 раза меньше, чем в среднем по странам АЮС и ЮАЗ, но более чем на треть больше, чем в РС ВАЗ и ЛА. В ряде АС существует немало проблем с дефицитом продовольствия и качеством питания населения. См.: *Global Hunger Index; Scaling Up Nutrition in the Arab Republic of Egypt*. Herbst Chr., Elshalakani A., Kakietek J., Hfiz A., Petrovic O., eds. Washington, D. C.: The World Bank. 2020.

³⁹³ Расчеты и оценки произведены по источникам к *рис. 8.1*. Судя по имеющимся, уточненным данным Всемирного банка по крупнейшей стране арабского мира — Египту, доля бедного населения, рассчитанная по новому критерию (подушное дневное потребление менее 8,3 долл. в ППС 2021 г.), хотя и сократилась в 1990–2021 гг. на $1/5$, все еще составляла в начале 2020-х гг. $3/5$ (в 1990 г. $3/4$). См. Poverty headcount ratio at \$8.30 a day (2021 PPP) (% of population). The World Bank. DataBank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org> (accessed 02.12.2025).

³⁹⁴ Композитный показатель, включающий характеристики качества экономики и финансов, предпринимательской среды, системы общественного управления, социальных и экономических институтов, природной среды, человеческого капитала и уровня жизни населения.

³⁹⁵ Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 8.1*, а также по: Legatum Institute. *The Legatum Prosperity Index*. London, 2019. . www.prosperity.com/rankings (accessed 20.05.2020).

Официальная информация о распределении доходов по АС, скорее всего, приукрашивают картину: по большинству из них имеющиеся данные о коэффициенте Джини (КД) ³⁹⁶ весьма близки к низкому «скандинавскому» уровню. Однако, недавно произведенные уточняющие расчеты говорят о том, что, например, в Египте КД занижен почти на треть и составляет не 0,32, а примерно 0,42 ³⁹⁷ (что переводит его в группу с высоким уровнем неравенства). При этом в целом по региону, в котором на долю стран, входящих в ССАГПЗ, представляющим 1/7 численности населения АМ, приходится примерно половина всех его доходов, отношение доходов топовых 10 % населения и низшей его половины (на середину 2010-х годов — 6,7, или 64 %:9,5 %) уступало только Южной Африке (10,3), существенно превышая индикаторы по Бразилии (3,9), США (3,6) и Индии (3,2) ³⁹⁸.

По нашим подсчетам, в 2018 г. среднедушевой доход трех наиболее богатых АС (Катар, ОАЭ, Кувейт) превосходил соответствующий показатель наиболее бедных АС (Сомали, Коморы, Йемен) примерно в 30 раз. Если учесть, что *децильный коэффициент распределения доходов* ³⁹⁹ в странах ССАГПЗ составлял в последнее десятилетие 18–19, а по беднейшим АС — 10–11-кратной величины, то средний разрыв в доходах между ультрабогатой и беднейшей частью населения АМ мог достигать 330–370-кратной (!) величины. Масштаб поляризации по доходам в АС примерно на порядок выше, чем по группе РГ (35–38-кратный разрыв) ⁴⁰⁰.

³⁹⁶ Варьирует от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному).

³⁹⁷ См.: Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E. Underestimating Inequality in Egypt. *The VoxEU*. 11.08.2016; Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E. Is Inequality Underestimated in Egypt? Evidence from House Prices. *The Review of Income and Wealth*. 2018. Ser. 64. Number S1. S. 55–79; UNDP. *Human Development Indices and Indicators*, 2018. P. 31.

³⁹⁸ Рассчитано по: Alvaredo F., Assouad L., Piketty T. Inequality in the Middle East *VoxDev*. 27.08.2018.

³⁹⁹ Отношение среднего уровня доходов топовых и низших десяти процентов населения.

⁴⁰⁰ В 2015–2017 гг. средний доход в Лихтенштейне, Монако и Люксембурге был выше, чем в Латвии, Венгрии и Греции примерно в 4,2–4,4 раза, притом, что, по имеющимся в нашем распоряжении расчетам и оценкам, децильный коэффициент неравенства в первой группе составлял примерно 7,8, а во второй — 9,1. Расчеты и оценки выполнены по источникам к *рис. 8.1*, а также: The World Bank. *World Development Indicators*,

Сказанное весьма важно. Дело в том, что если средний уровень неравенства, в т. ч. в распределении доходов населения, сравнительно мало влияет на экономический рост, то высокие значения неравенства или его заметное повышение, как уже стали признавать эксперты МВФ, ОЭСР, Всемирного банка и ПРООН⁴⁰¹, влияя на платежеспособный спрос, предложение качественной рабочей силы, инвестиционный климат и риски, а также социально-политическую стабильность в обществе, как правило, негативно сказываются на долгосрочной динамике ПВВП. Об этом свидетельствует рассчитанная нами регрессионная зависимость по крупным и средним РС (см. рис. 8.9).

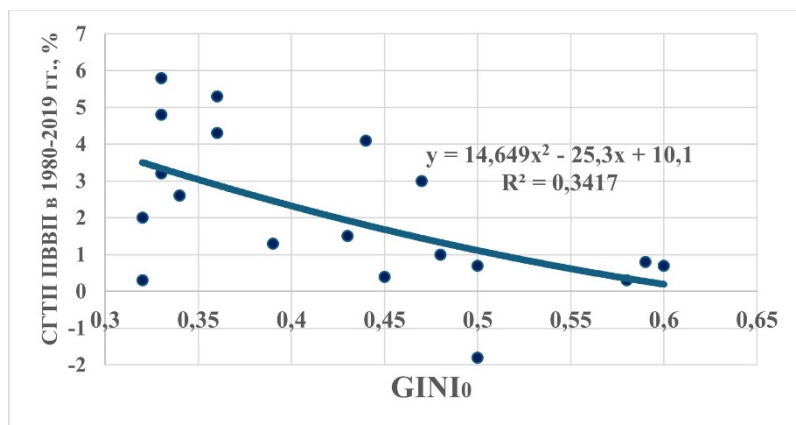


Рис. 8.9. Взаимосвязь исходного уровня неравенства распределения доходов и среднегодовых темпов прироста подушевого ВВП (СГТП ПВВП) в 1980–2019 гг., %

Примечания. 1. Расчет выполнен по 20 крупным и средним РС (КНР, Индия, Индонезия, Пакистан, Нигерия, Бразилия, Бангладеш, Мексика, Филиппины, Эфиопия, Египет, ДРК, Вьетнам, Иран, Турция, Таиланд, Танзания, Южная Африка, Кения, Республика Корея), по которым на начало 1980-х гг. имелись данные о распределении доходов населения. 2. КД. Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одной(одному)).

Рассчитано по источникам к рис. 8.1.

2012. Washington, D.C., 2012. P. 74–76; UNDP. *Human Development Indices and Indicators*. New York. 2018. P. 30–32.

⁴⁰¹ См. Мельянцев В. А. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. Москва: Издательство «Ключ-С», 2015. С. 35; The UNDP. *Human Development Report, 2019. Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today. Inequalities in Human Development in the 21st Century*. N. Y., 2019.

За последние десять лет с начала событий, ассоциируемых с «Арабской весной», связанных с резкой эскалацией социально-политической и военной нестабильности в ряде стран АМ, многие причины, их вызвавшие, «не рассосались». Рассчитанный нами «индекс беспокойства», введенный в свое время экспертами ОЭСР (сумма значений показателей безработицы и инфляции⁴⁰², в п.п.), на конец 2010-х гг. в целом по АС был на $\frac{2}{3}$ выше, чем в среднем по РС. В целом по группе среднедоходных и бедных АС он был более чем вдвое выше «средней планки» по РС, в т.ч. в целом по подгруппе АС с весьма хрупкими государственными системами (Сомали, Йемен, Сирия, Судан, Ирак, Ливия) — более чем втрое. В Египте, судя по официальным данным, этот показатель, хотя и был несколько меньше, чем в вышеупомянутой группе весьма нестабильных АС, но примерно на $\frac{2}{5}$ превышал его значение в 2010 г., т.е. за год до начала в нем массовых протестов населения⁴⁰³.

По данным экспертов МОТ, в АС (без ССАГПЗ) *доля рабочей силы в сильной и критической бедности* выросла с 28–29 % в 2010 г. до 42–43 % в 2017–2018 гг.⁴⁰⁴ В обстановке, связанной с пандемией и глубоким мировым кризисом, социально-политическая ситуация в целом по АМ не улучшилась. Судя по официальным данным, ПВВП в нем, СГТП которого в 2016–2019 гг. не превышал нулевой отметки, по имеющимся прогнозам в 2020 г. сократится на 5–6 %⁴⁰⁵. Сделанный прогноз, увы, оправдался⁴⁰⁶.

⁴⁰² Соответственно доля безработных в численности рабочей силы и СГТП потребительских цен.

⁴⁰³ См.: Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть. 2. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 2.

⁴⁰⁴ Составлено и рассчитано по: ILO. *World Employment Social Outlook*. Geneva, 2018. P. 8, 17–18.

⁴⁰⁵ Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 8.1*, а также: The World Bank. *Middle East and North Africa. Economic Update*. 2020, April. Washington, D. C. 2020. P. 10; The Protests in the Middle East and North Africa. *The EIU*. 20.05.2020.

⁴⁰⁶ Производя своего рода апостериорную верификацию ранее сделанного прогноза, заметим, что ПВВП в целом по арабскому миру в 2020 г. сократился, но на величину даже большую, чем предполагалось — на 6,5 %. И хотя в последующие два года произошло восстановление уровня ПВВП (в 2021 и 2022 гг. он рос соответственно на 3,2 и 4,3 %), в последующие два года происходило его снижение (и в 2023 г. и 2024 г.

И богатые, и бедные АС столкнулись со многими проблемами — резкое сокращение доходов от экспорта углеводородов⁴⁰⁷, туризма (особенно Ливан, Египет, Тунис, Иордания), переводов рабочих-эмигрантов, увеличение двойных дефицитов (бюджета и платежного баланса по текущим операциям⁴⁰⁸), свертывание инвестиционных программ, увеличение безработных, особенно среди молодежи⁴⁰⁹. Доля безработных в возрасте от 15 до 24 лет выросла по сравнению с 2011 г. в начале 2020 г. в Марокко с 17 до 22 %, Алжире с 20 до 30 %, Египте с 23 до 33 %, Тунисе и Иордании 27–28 — 34–36 %⁴¹⁰.

Заключение

Резюмируя, подчеркнем, что за последние сорок лет в АМ определенный социально-экономический прогресс, разумеется, достигнут. Но на фоне быстро модернизирующихся РС ВАЗ он в целом весьма умеренный — а главное — очень неравный, и, употребляя термин американских исследователей Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона⁴¹¹, сильно эксклюзивный (по принципу, одним, прежде всего элите ССАГПЗ, — почти все,

на 0,5 %). В 2025 г. он увеличился, по нашим подсчетам, всего на 1,3 %. Получается, что в целом по АС СГТП их ПВВП в 2000–2025 гг. оказался почти на уровне статистической погрешности (менее 0,2 %), притом что коэффициент неустойчивости роста ПВВП за рассматриваемый период достиг, мягко говоря, огромной величины (1900 %; среднее значение прироста ПВВП 0,2 п.п., а величина стандартного отклонения 3,8 п.п.). Рассчитано по: The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org>; The World Bank. Global Economic Prospects, 2026, January. Washington, D. C. 2026. January. P. 146–148.

⁴⁰⁷ В результате, в частности, в КСА показатель ее золотовалютных резервов к ВВП сократился вдвое — с 110–120 % в 2015 г. до 50–60 % в мае 2020 г. Рассчитано по: Twin Shocks Threaten Saudi Crown Prince's Grand Reform Plans *The Financial Times*. 11.05.2020; Saudi Foreign Reserves Fall as Sovereign Wealth Fund Spends Overseas. *The Financial Times*. 02.06.2020.

⁴⁰⁸ См.: Economic & Financial Indicators. *The Economist*. 04.06.2020; Ahead of the Covid Curve. *The Economist*. 23.05.2020.

⁴⁰⁹ См.: The World Bank. *Global Economic Prospects, 2020, June*. Washington, D.C., 2020, June. P. 88–90.

⁴¹⁰ The Protests in the Middle East and North Africa. *The EIU*. 20.05.2020. P.4.

⁴¹¹ См. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. *Почему одни страны богатые, а другие бедные*. Москва: ACE, 2016.

другим — сколько останется ⁴¹²). Что, вспоминая любимое слово акад. Е. М. Примакова, контрпродуктивно, причем во многих отношениях.

Арабским странам, в которых (а) СГТП численности населения и ВВП в 2010-е гг. были соответственно вдвое выше и в полтора раза меньше, чем в среднем по другим РС ⁴¹³; (б) уровень технологической сложности производства и экспорта даже у относительно быстро модернизирующейся пятерки АС ⁴¹⁴ ниже на четверть, вдвое и втрое, чем соответственно в Индии, Китае ⁴¹⁵ и РК; (в) «планка» квалификации рабочей силы ⁴¹⁶ ниже более чем в полтора раза, чем в Бразилии и Китае и в 2–2,5 раза, чем у азиатских НИС и РГ; (г) качество менеджмента в большинстве компаний и в госаппарате сильно оставляют желать лучшего (о чем, как

⁴¹² Приведем две пропорции, которые особо контрастируют ситуацию в АМ: на одном полюсе половина всех самых богатых РС, на другом — более половины всех самых нестабильных из бедных стран мира.

⁴¹³ СГТП численности населения в АМ в 2010-е гг. был 2,1–2,2 %, в других РС 1,1–1,2 %.

⁴¹⁴ По ряду критериев выделены Тунис, Ливан, КСА, Иордания, Катар. К ним можно добавить ОАЭ и, с некоторыми оговорками, Бахрейн, Египет и Марокко. См.: Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 2. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 2.

⁴¹⁵ В Индии и Китае их ПВВП соответственно в 5 и 2 раза ниже, чем в среднем по упомянутой группе АС. Рассчитан по источникам к рис. 8.1.

⁴¹⁶ Она, по нашим расчетам и оценкам, за сорок лет выросла в 2–3 раза. Однако, по расчетам экспертов, только треть новых выпускников колледжей и университетов в АС имеют адекватную подготовку. Показатель среднего числа обучения взрослого населения АС, скорректированный на его сравнительно низкое качество, завышен примерно на треть. Составлено и рассчитано по: The World Economic Forum. *The Global Human Capital Report, 2017*. Geneva. 2017. P. 59–186; Amin S. *L'économie arabe contemporaine*. Paris: Les Editions de Minuit. 1980. Table 14; The World Economic Forum. *The Arab World Competitiveness Report, 2018*. Geneva. 2018. P. 41; The World Bank. *The Middle East and North Africa. From Transition to Transformation*. Washington, D. C., 2019. P. 16–17; Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa. El-Kogali S., Krafft C., eds. Washington, D. C.: The World Bank. 2020. P. 14, 90. Вследствие недостаточно высокого — по современным стандартам — качества преподавания, многие университеты в АС превратились в фабрики по выпуску дипломированных безработных. Немало молодых людей в АС считают, что легче найти работу без продвинутого сертификата об образовании. См.: Tunisia Risks Losing Its Standing as a Democratic Exemplar. *The Financial Times*. 15.01.2020.

представляется, рельефно говорит ряд параметров по АС из рис. 8.10), а также (д), по существу, отсутствуют «социальные лифты»⁴¹⁷, зато (е) зримо присутствует (хотя в разных АС — в разной степени) социальное, этно-конфессиональное и гендерное неравенство, нужно очень постараться, чтобы в современных условиях избежать новой «Арабской весны» (предыдущая «наступила» вскоре после мирового финансового кризиса (2008–2009 гг.)).

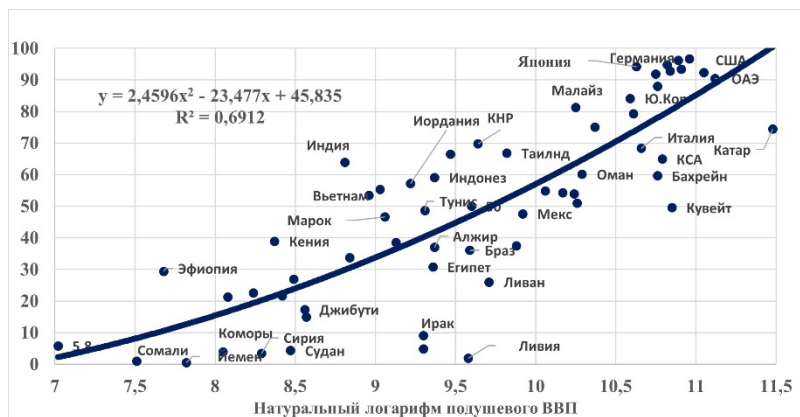


Рис. 8.10. Взаимосвязь подушевого ВВП (ПВВП) и индекса эффективности государства (ИЭГ) в арабских, ряде развивающихся и развитых стран, 2018 г.

Примечания. 1. ПВВП — в долл., в ППС 2018 г. 2. Индекс эффективности государства (вертикальная ось) изменяется от 0 (наименьшее значение) до 100 (максимальное).

Рассчитано по источникам к рис. 8.1, а также: World Bank. World-wide Governance Indicators. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (accessed 02.05.2020).

Однако, чтобы в краткосрочно-среднесрочной перспективе избежать глубокого кризиса, а в долгосрочной — перейти к более динамичному и устойчивому развитию, надо, в принципе, «не так уж много»: основываясь на опыте других (так делают умные) и своем собственном, (1) перестать наступать на

⁴¹⁷ См.: Devarajan S., Ianchovichina E. A Broken Social Contract, Not High Inequality, Led to the Arab Spring. *The Review of Income and Wealth*. 2018. Ser. 64. Number S1; Streets with No Rage. Algeria's Protest Movements Consider How and When to Come Back. *The Economist*. 04.06.2020.

«старые грабли», научиться супербогатой элите АС (ну, не-много) щедрее делиться с менее состоятельными и бедными, (2) обеспечить предпринимателям, создающим критически важные для общества рабочие места, более благоприятный инвестиционный климат, а также (3) начать им всем «шевелиться», двигаясь вслед за технологически и институционально быстро модернизирующимися странами, хотя бы вдвое-втрое быстрее⁴¹⁸.

Использованная литература и источники

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Москва: АСЕ, 2016. 670 с.
2. Арабский кризис и его международные последствия. Отв. ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. Москва: ЛЕ-НАНД, 2014. 256 с.
3. Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Москва: Институт востоковедения РАН, 2018. 555 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Москва: Логос, 2004. 368 с.
5. Видясова М. Ф., Бочарова Л. С., Гевелинг Л. В., Исаев В. А., Мейер М. С., Мельянцев В. А., Орлов В. В., Сафронова А. Л., Фридман Л. А. Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2011. № 3. С. 92–111.
6. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. Москва: Прогресс, 1987. 368 с.
7. Ланда Р. Г. История арабских стран. Москва: Восточный университет, 2005. 319 с.
8. Мельянцев В. А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. Москва: Гуманитарий, 2003. 74 с.
9. Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Издательство Московского университета, 1996. 304 с.

⁴¹⁸ Обобщая умонастроения своих современников, живших в эпоху бурной промышленной трансформации ныне развитых стран, Льюис Кэрролл, как известно, вложил в уста Королевы из своей книги «Приключения Алисы в Стране Чудес» фразу, пережившую века: «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»

10. Мельянцев В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. Москва: Издательство «Ключ-С», 2015. 80 с.

11. Мельянцев В. А. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*, 2011. № 10. С. 77–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2011-10-73-83.

12. Мельянцев В. А. Причины и факторы экономического отставания в арабо-мусульманском мире. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2014. № 4. С. 125–138.

13. Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). Москва: издательство «Ключ-С», 2009. 216 с.

14. Мельянцев В. А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 3. С. 162–180.

15. Мельянцев В. А. Экономический рост стран Магриба. Москва: Издательство Наука, 1984. 214 с.

16. Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. 2020. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 1. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 1. С. 3–24.

17. Мельянцев В. А., Бочарова Л. С. 2020. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980–2010-е гг.). Часть 2. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2020. № 2. С. 3–26.

18. Мельянцев В. А., Матюнина Л. Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010 гг.). Москва: Издательство «Ключ-С», 2019. 191 с.

19. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012. 408 с.

20. Стоклицкий С. Л., Фридман Л. А., Андрукович П. Ф. Экономические структуры арабских стран. Москва: Наука, 1985. 341 с.

21. Уваров П. Ю. «Роскошь феодализма». *Всемирная история*. Т. 2. *Средневековые цивилизации Запада и Востока*. Москва: Наука, 2012. С. 810–818.

22. Федорченко А. В. Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире? *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. Том 52. № 1. С. 83–100.

- 23.Филоник А. О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. *Восточная аналитика*. Ежегодник 2013. Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 29–35.
- 24.Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. Москва: Институт Африки РАН, 2018. 376 с.
- 25.Abu-Lughod J. Before European Hegemony. New York: Oxford University Press. 1989. 464 p.
- 26.Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *The American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 3. P. 546–579. DOI: 10.1257/0002828054201305.
- 27.Ahead of the Covid Curve. *The Economist*. 23.05.2020. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/05/23/egypt-chose-a-looser-lockdown-its-economy-is-still-in-crisis> (accessed 23.05.2020).
- 28.Alvaredo F., Assouad L., Piketty T. Inequality in the Middle East. *VoxDev*. 27.08.2018. <https://voxdev.org/topic/methods-measurement/inequality-middle-east> (accessed 27.08.2018).
- 29.Amin S. L'économie arabe contemporaine. Paris: Les Editions de Minuit. 1980. 96 p.
- 30.Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours. Tome 1. Paris: Gallimard. 1997. 662 p.
- 31.Blaydes L., Chaney E. The Feudal Revolution and Europe's Rise: Political Divergence of the Christian West and Muslim World before 1500 CE. *The American Political Science Review*. 2013. Vol. 107. No. 1. P. 16–34. DOI: 10.1017/S0003055412000561.
- 32.Broadberry St., Guan H., Li D. China, Europe and the Great Divergence: A Study in Historical National Accounting, 980–1850. *The Journal of Economic History*. 2018. Vol. 78. No. 4. P. 955–1000. DOI: 10.1017/S0022050718000529.
- 33.Cornell University, INSEAD, and WIPO. Global Innovation Index 2018. Geneva. 2018.
- 34.Country Complexity Rankings. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/2017>
- 35.Devarajan S., Ianchovichina E. A Broken Social Contract, Not High Inequality, Led to the Arab Spring. *The Review of Income and Wealth*. 2018. Ser. 64. Number S1. P. 5–25. DOI: 10.1111/roiw.12288.

36. Economic & Financial Indicators. *The Economist*. 04.06.2020. <https://www.economist.com/economic-and-financial-indicators/2020/06/04/economic-data-markets-and-data>
37. Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa. El-Kogali S., Krafft C., eds. Washington, D. C.: The World Bank. 2020. 335 p.
38. Findlay R., O'Rourke K. Power and Plenty. Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium. Princeton: Princeton: Princeton University Press. 2007. 648 p.
39. Ghanem R., Baten J. Middle East, North Africa and Central Asia. Baten J., ed. *A History of the Global Economy: from 1500 to the Present*. New York: Cambridge University Press. 2016. 369 p.
40. Global Hunger Index. <https://www.globalhungerindex.org/results.html>
41. Goldstone J. Why Europe. The Rise of the West in World History, 1500–1800. New York: McGraw-Hill Education. 2009. 192 p.
42. Hoffman Ph. Why Did Europe Conquer the World? Princeton: Princeton University Press. 2015. 288 p.
43. ILO. World Employment Social Outlook. Geneva. 2018.
44. Issawi Ch. The Middle East in the World Context: A Historical View. *The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context*. G. Sabah, ed. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press. 1989. P. 3–29.
45. Karaman K., Pamuk S. Ottoman State Finances in European Perspective, 1500–1914. *The Journal of Economic History*. 2010. Vol. 70. No. 3. P. 593–629. DOI: 10.1017/S0022050710000550.
46. Kuran T. Islam and Economic Performance: Historical and Contemporary Links. *The Journal of Economic Literature*. 2018. Vol. 56. No. 4. P. 1292–1359. DOI: 10.1257/jel.20171243.
47. Kuran T. Why the Middle East Is Economically Underdeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation. *The Journal of Economic Perspectives*. 2004. Vol. 18. No. 3. P. 71–90. DOI: 10.1257/0895330042162421.
48. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven: Yale University Press. 1966. 529 p.
49. Legatum Institute. The Legatum Prosperity Index. London. 2019. www.prosperity.com/rankings
50. Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. New York: Oxford University Press. 2007. 418 p.
51. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD Publications. 2003. 273 p.

52.Meliantsev V., Amirov E. Arab Countries: Achievements, Challenges and Crucial Factors of Economic Development. *Международная торговля и торговая политика*. 2018. № 3. С. 6–18. <https://DOI.org/10.21686/2410-7395-2018-3-6-18>

53.Morris I. *Why the West Rules — for Now*. London: Profile Books. 2010. 750 p.

54.Pamuk S. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820. *The Journal of Economic History*. 2006. Vol. 66. No. 3. P. 809–828. [10.1017/S0022050706000337](https://doi.org/10.1017/S0022050706000337).

55.Rubin J. *Rulers, Religion, and Riches: Why the West Got Rich and the Middle East Did Not*. New York: Cambridge University Press. 2017. 296 p.

56.Saudi Foreign Reserves Fall as Sovereign Wealth Fund Spends Overseas. *The Financial Times*. 02.06.2020. <https://www.ft.com/content/6825366f-92db-4473-b5b2-cacda032d8ee> (accessed 02.06.2020).

57.Scaling Up Nutrition in the Arab Republic of Egypt. Herbst Chr., Elshalakani A., Kakietek J., Hafiz A., Petrovic O., eds. Washington, D.C.: The World Bank. 2020. 189 p.

58.Streets with No Rage. Algeria's Protest Movements Considers How and When to Come Back. *The Economist*. 04.06.2020. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/06/04/algerias-protest-movement-considers-how-and-when-to-come-back> (accessed 04.06.2020).

59.The Conference Board. Total Economy Database. Washington, D.C. 2019. https://www.conference-board.org/retrieve-file.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite

60.The Fund for Peace. 2019 Fragile States Index. Washington, D. C. 2019. <https://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf>

61.The Protests in the Middle East and North Africa. *The EIU*. 20.05.2020. [eiui.com/May-20-Protests-in-the-Middle-East-and-North-Africa-Subscription.html](https://www.eiu.com/May-20-Protests-in-the-Middle-East-and-North-Africa-Subscription.html) (accessed 20.05.2020).

62.The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org>

63.The World Bank. *Doing Business, 2019*. Washington, D. C. 2019.

64.The World Bank. *Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa*. Washington, D. C. 2019.

65. The World Bank. Global Economic Prospects, 2019, January. Washington, D. C. 2019. January.
66. The World Bank. Global Economic Prospects, 2020, June. Washington, D. C. 2020, June.
67. The World Bank. Global Economic Prospects, 2026, January. Washington, D. C. 2026. January.
68. The World Bank. Middle East and North Africa. Economic Update. 2020, April. Washington, D. C. 2020.
69. The World Bank. The Middle East and North Africa. From Transition to Transformation. Washington, D. C. 2019.
70. The World Bank. World Development Indicators, 2003, 2012. Washington, D. C., 2003, 2012.
71. The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators>
72. The World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2018. Geneva. 2018.
73. The World Economic Forum. The Human Capital Report. Geneva. 2013, 2017.
74. The World Justice Project. *Rule of Law Index*, 2019. Washington, D. C. 2019.
75. Tunisia Risks Losing Its Standing as a Democratic Exemplar. *The Financial Times*. 15.01. 2020. <https://www.ft.com/content/12f95b42-35f8-11ea-a6d3-9a26f8c3cba4> (accessed 15.01. 2020).
76. Twin Shocks Threaten Saudi Crown Prince's Grand Reform Plans. *The Financial Times*. 11.05.2020. <https://www.ft.com/content/351005d6-6478-41c6-b7aa-04ea8bdda350> (accessed 11.05.2020).
77. UNCTADstat. <https://unctadstat.unctad.org>
78. UNDP. Human Development Indices and Indicators. New York. 2018.
79. UNDP. Human Development Report, 2019. Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today. Inequalities in Human Development in the 21st Century. New York. 2019.
80. UNDPData. <http://hdr.undp.org>
81. UNESCO. Science Report: Towards 2030. Paris. 2015.
82. Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E. Is Inequality Underestimated in Egypt? Evidence from House Prices. *The Review of Income and Wealth*. 2018. Ser. 64. Number S1. P. 55–79. DOI: 10.1111/roiw.12338.

83. Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E. Underestimating Inequality in Egypt. *The VoxEU*. 11.08.2016. URL: <https://voxeu.org/article/egypt-not-equal-surveys-say> (accessed 11.08.2016).

84. Yale Center for Environmental Law & Policy. The Environmental Performance Index. <https://epi.envirocenter.yale.edu>

9. Африка южнее Сахары: экономические и социальные детерминанты развития⁴¹⁹

Несмотря на то, что за последние десятилетия развивающиеся страны (РС) — в основном благодаря успехам РС Азии (РС АЗ) — удалось в целом добиться немалого экономического прогресса, *относительный разрыв в уровнях подушевого ВВП (ПВВП)* (в ППС 2021 г.) между развитыми государствами (РГ), или мировым меньшинством (в 2024 г. 13 % жителей планеты), и РС, или мировым большинством (87 %), хотя и уменьшился (в 1990–2024 гг. на треть), все еще составляет внушительную величину — 4:1.

При этом за последнюю треть века *абсолютный разрыв в уровнях ПВВП* в целом между РГ и всей группой РС вырос на $\frac{2}{5}$, в т. ч. у РС Восточной и Юго-Восточной Азии (ВАЗ) — на $\frac{1}{5}$, Южной Азии (ЮАЗ) — более чем на $\frac{2}{5}$, Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА)⁴²⁰, Латинской Америки (ЛА) и Африки южнее Сахары (АЮС) примерно на $\frac{3}{5}$ ⁴²¹. В отличие от ряда других регионов РС, в целом по АЮС заметно увеличился и относительный разрыв⁴²².

Эти цифры и факты (а) говорят о нарастающей диспропорциональности глобального развития и несправедливости

⁴¹⁹ Мельянцева В. А., 2025 (С). Глава базируется на публикациях автора в: «Азия и Африка сегодня». 2025. № 5. С. 5–18; «Азия и Африка сегодня». 2025. № 6. С. 14–25. В текст рукописи внесены небольшие изменения.

⁴²⁰ Здесь и далее без учета Израиля, входящего в группу РГ.

⁴²¹ Рассчитано по: GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$). The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 15.05.2024).

⁴²² В данной публикации автор развивает и конкретизирует ряд тезисов, изложенных в Мельянцева В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 6 С. 40–51.

существующего мирового порядка⁴²³ и (б) побуждают к оживлению дискуссии о причинах существенного отставания АЮС и факторах его преодоления⁴²⁴.

Опираясь на недавно расширенные базы данных ряда международных организаций, в т. ч. Всемирного банка по ВВП в ППС 2021 г., сделав необходимые расчеты и построив ряд моделей, постараемся уточнить основные траектории, пропорции, экономические и социально-институциональные факторы долговременного экономического роста Субсахарской Африки,

⁴²³ См. Дерюгина И. В. Неравномерность экономического роста в современных концепциях. Отв. ред. И. В. Дерюгина. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 17–32; Абрамова И. О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 5–15; Мельянцева В. А. Глобализация, ее плоды и тени. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 53–67; Stiglitz J. The World Economy: Where to after the Pandemic? Rethinking Global Cooperation. *Journal of Policy Modeling*. 2022. Vol. 44. No. 4. P. 812–819; Спартак А. Н. Контуры развития кризиса неоллиберального экономического порядка, сценарии будущего мироустройства. *Новые тренды в экономической глобализации*. Отв. ред. А. С. Булатов, Н. В. Галищева, М. А. Максакова. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 2023. С. 15–34; Rodrik D., Walt S. How to Construct a New Global Order. *Oxford Review of Economic Policy*. 2024. Vol. 40. No. 2. P. 256–268.

⁴²⁴ См. Леденёва М. В., Плаксунова Т. А. Экономический рост и перспективы экономического развития стран Африки южнее Сахары. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2020. № 2. С. 129–139; Okumu I. and Mawejje J. Labour Productivity in African Manufacturing: Does the Level of Skills Development Matter? *Development Policy Review*. 2020. Vol. 38. No. 4. P. 441–464; Yeboua K. Foreign Direct Investment and Economic Growth in Africa: New Empirical Approach on the Role of Institutional Development. *Journal of African Business*. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 361–378; Поспелов В. К. Перспективы научно-технического прогресса в африканских странах. *Научно-технологический потенциал современной Африки*. Отв. ред. Е. В. Морозенская. Москва: Институт Африки РАН, 2022. С. 29–37; Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Второй саммит Россия — Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Том 67. № 12. С. 35–48; Hern E. Explaining Successes in Africa. New York: Lynne Reiner Publishers. 2023; Морозенская Е. В. Особенности формирования нового этапа экономического развития стран Африки. *Африка — восходящий центр формирующегося многополярного мира*. Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч, О. В. Константинова. Москва: Институт Африки РАН, 2024. С. 103–116.

обладающей, как известно, огромными природными богатствами, характеризующейся быстро растущим населением и сосредоточившей почти $\frac{3}{4}$ всех наименее развитых стран планеты.

Динамика, пропорции и стабильность роста

За годы независимости (в наших расчетах 1960–2023/2024⁴²⁵ гг.) страны АЮС, несмотря на *тяжелое экономическое, политическое и институциональное наследие многих сотен лет работорговли и колониализма*, которое, надо подчеркнуть, продолжает негативно сказываться на их экономическом росте ⁴²⁶, тем не менее сумели ⁴²⁷, преодолевая, возможно, бóльшие трудности, чем другие регионы РС, в целом заметно продвинуться вперед. Если судить по индексу человеческого развития (*ИЧР*) ⁴²⁸, то он за рассматриваемый период в среднем по региону увеличился, хотя и с низкого старта, на немалую величину — примерно в 2,5 раза⁴²⁹.

Но при этом Субсахарская Африка, если считать по ПВВП, — это самый бедный и, судя по долгосрочным и среднесрочным трендам, наименее динамичный из основных регионов РС. В 2024 г. ее ПВВП (4,4 тыс. долл. США в ППС 2021 г.) был меньше более чем втрое, чем в среднем по РС (15,0 тыс. долл. США), в т. ч. вдвое — чем в ЮАЗ (8,9 тыс. долл. США) и более

⁴²⁵ К моменту завершения работы над текстом главы опубликованы далеко не все необходимые данные за 2024 г.

⁴²⁶ Maddison A. 2007. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. New York: Oxford University Press. P. 221–237; Ferguson N. 2011. *Civilization. The West and the Rest*. New York: Allen Lane. P. 129–135; Африка: неоплаченный долг колонизаторов. Отв. ред. И. О. Абрамова. Москва: Институт Африки РАН, 2023.

⁴²⁷ Как отмечал лауреат Нобелевской премии по литературе Уильям Фолкнер, глубоко раскрывший в своих произведениях тесную связь настоящего и прошлого, «прошлое никогда не мертво. Оно даже не прошлое» (*The past is never dead. It is not even past*).

⁴²⁸ Среднее геометрическое невзвешенное трех относительных показателей — ПВВП, средней продолжительности предстоящей жизни от рождения и среднего числа лет обучения взрослого населения.

⁴²⁹ Рассчитано по: GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$); Life expectancy at birth, total (years). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org>; Mean Years of Schooling by Age. *Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer*. <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed 15.05.2024).

чем вчетверо меньше, чем в РС ВАЗ, ЛА и странах БВСА (19,0–20,0 тыс. долл. США).

Среднегодовой темп прироста (СГТП) ПВДП в 1960–2024 гг. в АЮС (0,5 %) оказался ниже более чем втрое, чем в целом по странам БВСА и ЛА (1,6–1,8 %), в 5–6 раз ниже, чем в ЮАЗ (2,9 %) и более чем в 9 раз, чем в РС ВАЗ (4,8 %) ⁴³⁰. АЮС, превосходя РС Азии по ПВДП (в ППС 2021 г.) в 1960 г. более чем в 2,5 раза, в 2024 г. отстала от них более чем втрое.

Успех/неуспех в экономическом развитии — часто, как известно, следствие не одной-двух, а многих причин. При этом эффективность государства и выбранная стратегия/модель развития — весьма весомые их детерминанты. Усредненный индекс эффективности государства (ИЭГ), рассчитанный нами по данным Всемирного Банка (см. *рис. 9.1*) свидетельствует о том, что спустя 40–50 лет после обретения политической независимости этот показатель в целом по АЮС был существенно ниже, чем в других регионах РС и имел, как, впрочем, в целом по ЛА и БВСА (но в отличие от РС ВАЗ и ЮАЗ) ⁴³¹, тенденцию к снижению.

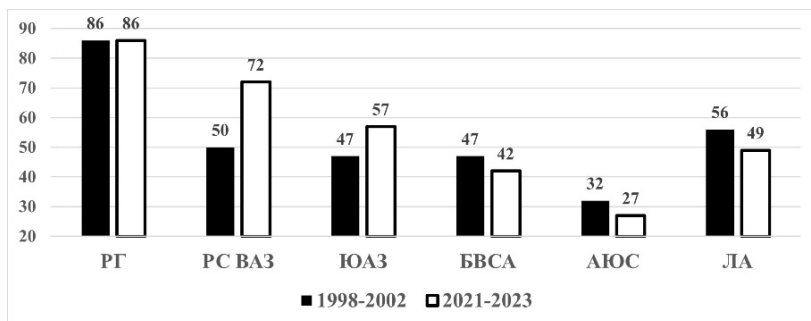


Рис. 9.1. Развитые государства (РГ) и основные регионы развивающихся стран (РС): динамика индекса эффективности государства (ИЭГ; $0 \leq \text{ИЭГ} \leq 100$), 1998–2023 гг.

Рассчитано по The World Bank. Worldwide Governance indicators.

⁴³⁰ Рассчитано по: GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$); GDP per capita (constant 2015 US\$). The World Bank. *Data Bank. World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 19.05.2024); The World Bank. *Global Economic Prospects, 2025*. Washington, D.C. 2025. P. 215–218.

⁴³¹ Эффективность государства в среднем по группе РГ за прошедшие четверть века в тенденции не выросла. Но это тема отдельного исследования.

ИЭГ в среднем по странам АЮС сократился с $\frac{2}{3}$ от уровня РС Азии в начале века до $\frac{2}{5}$ в первой половине 2020-х гг. Хотя, например, в Южной Африке, Гане и Кении рассматриваемый показатель составляет 60–70 % от средней «планки» РС Азии, а в Маврикии, Ботсване, Сенегале и Руанде он превышает 80 % от ее уровня⁴³², ИЭГ в Уганде, Танзании, Мозамбике, Замбии и Эфиопии составляет 30–40 %, в Нигерии, Гвинее, Камеруне, Анголе, Мали и Зимбабве — 15–25 %, а в Чаде, ЦАР, Либерии и ДРК — всего около 10 %.

Основываясь на том, что по 5 крупнейшим регионам РС между изменением ИЭГ (рис. 9.1) и СГТП их ПВВП⁴³³ существует высокая и значимая корреляционная связь⁴³⁴, несложно рассчитать, что, при прочих равных условиях, в 2000–2023 гг. существенное отставание Субсахарских стран от РС АЗ по динамике экономического роста могло на $\frac{9}{10}$ определяться их возросшим отставанием по параметру эффективности государства.

Подчеркнем также, что в отличие от быстрорастущих РС Азии, в основе модели роста которых лежала *экспорториентированная индустриализация*, стратегия роста АЮС и двух других вышеупомянутых регионов (ЛА и БВСА) во многом определяется их специализацией в международном разделении труда как преимущественно поставщиков сырьевых товаров. Это, как будет показано ниже, в немалой мере сказалось на динамике и стабильности роста их ВВП.

Высокое значение коэффициента фертильности в АЮС, объясняющееся в немалой мере высокими (хотя и снижающимися) показателями младенческой смертности населения и отсутствием в большинстве Субсахарских стран развитой системы социального/пенсионного обеспечения, во многом обусловило опережающий (другие регионы РС) рост численности

⁴³² Согласно проведенному Всемирным банком обследованию среди 10 РГ и 40 РС, Субсахарские страны по индексу готовности к бизнесу в 2024 г. попали в основном в нижние квинтили ранжированного ряда. Однако Руанда, Маврикий и Ботсвана оказались в его высшей половине, заняв, по нашим подсчетам, соответственно 4-е, 20-е и 25-е места (среди 40 РС — 2-е, 11-е и 16-е место). Рассчитано по: The World Bank. *Business Ready*, 2024. Washington, D.C., 2024. Pp. XXIX-XXX.

⁴³³ В 2000–2023 гг. в РС ВА3 5,8 %, в ЮАЗ — 4,2 %, в АЮС — 1,3 %, в странах БВСА — 2 %, в ЛА — 1,1 %.

⁴³⁴ В 2000–2023 гг. $R = 0,97$; $p < 0,01$.

населения в АЮС. Между тем, как показывают расчеты по основным регионам РС⁴³⁵, корреляционная связь между динамикой численности населения и ПВВП значимая, высокая и отрицательная.

Демографическая структура населения в АЮС менее производительная: там один работник (если он занят) кормит одного иждивенца, а в целом по другим РС на двух работников (пока еще) приходится один иждивенец. Добавим к сказанному, что в РС ВАЗ рост численности населения в 1960–2023 гг. «съедал» примерно $\frac{1}{4}$ прироста ВВП, в ЮАЗ — $\frac{2}{5}$, в ЛА — $\frac{1}{2}$, в среднем по странам БВСА — $\frac{3}{5}$, тогда как в АЮС — свыше $\frac{4}{5}$ (!), оставляя весьма мало ресурсов для повышения уровня жизни населения, увеличения физического и человеческого капитала.

В отличие от быстрорастущих РС Азии, в которых в результате проведения активной политики индустриализации вклад индустриального сектора в прирост ВВП в 1980–2023 гг. достигал 36–37 % (в т. ч. в РС ВАЗ — 40 %, в ЮАЗ — 29 %), по АЮС он в среднем был на $\frac{2}{5}$ меньше (20–21 %) и едва ли существенно превышал вклад сельского хозяйства (18–19 %)⁴³⁶. Хотя рассматриваемый параметр по индустриальному сектору АЮС имел определенную тенденцию к росту (с 17–18 % в 1980–2000 гг. до 21–22 % в 2000–2023 гг.), для Западной и Центральной Африки характерно более чем двукратное отставание от Восточной и Южной Африки (в 2000–2023 гг. 13 % vs 28 %)⁴³⁷.

Растущий спрос транснациональных корпораций и стремление к быстрому обогащению немалой части африканских элит предопределило то, что большинство стран АЮС сделало ставку на экспорт (необработанных или слабо обработанных) природных ресурсов. *Доля доходов от реализации*

⁴³⁵ Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51.

⁴³⁶ При этом в аграрном секторе АЮС, на долю которого все еще приходится половина всех занятых, несмотря на некоторое ускорение темпов прироста производства в последние два-три десятилетия, в целом СГТП *подушевого производства* в 1980–2023 гг. был более чем вдвое меньше, чем в среднем по РС (0,8 % vs 1,8 %). См. Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51.

⁴³⁷ Рассчитано по: Industry (including construction), value added (constant 2015 US\$); GDP (constant 2015 US\$). The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 18.05.2024).

природной ренты в АЮС хотя и более чем вдвое меньше, чем в среднем по странам БВСА (в 1981–2021 гг., соответственно, 10 и 22 % ВВП), но вдвое больше, чем в РС Азии (4–5 % ВВП)⁴³⁸. При этом в АЮС в 1980–2023 гг. более чем на четверть сократившаяся доля обрабатывающей промышленности (ОП) в ВВП оказалась в 2023 г. вдвое меньше, чем в среднем по другим РС (11 % vs 22 %)⁴³⁹.

В АЮС в 1982–2023 гг. темпы прироста добавленной стоимости в ОП (см. рис. 9.2) были в среднем (1,3 %) почти в 5 раз ниже, чем, например, в таком сравнительно бедном регионе, как ЮАЗ (6,3 %) и, судя по коэффициенту их вариации, более чем 6 раз менее стабильны (306 %⁴⁴⁰ vs 54 %). Справедливости ради отметим, что в 2001–2023 гг. средние темпы прироста производства в ОП АЮС достигли 3,1 %, но они вдвое уступали параметру по ЮАЗ.

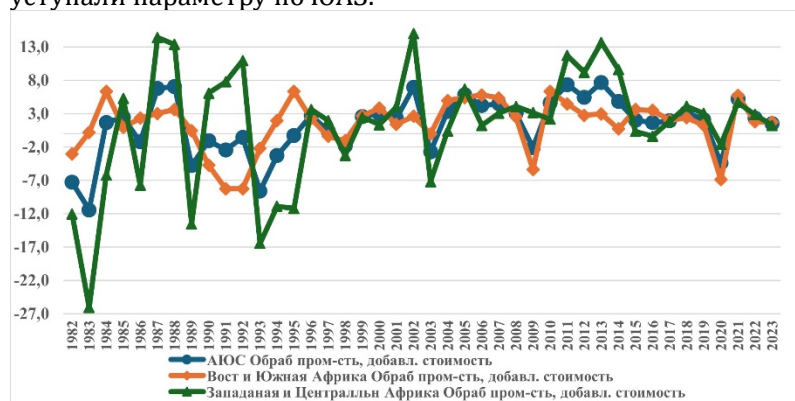


Рис. 9.2. Динамика темпов прироста добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (ОП, на базе неизменных цен) в Африке южнее Сахары (АЮС), в Восточной и Южной Африке и Западной и Центральной Африке, 1982–2023 гг., %

⁴³⁸ Рассчитано по: Total natural resources rents (% of GDP). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 18.05.2024).

⁴³⁹ В 2023 г. показатель составил 13–14 % в целом по странам БВСА и ЮАЗ, 18 % в ЛА и 25 % в РС ВАЗ. Составлено и рассчитано по: Manufacturing, value added (% of GDP). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators* <http://data.worldbank.org> (accessed 18.05.2024); The World Bank *World Development Indicators*, 1998. Washington, D.C., 1998. P. 182.

⁴⁴⁰ В Восточной и Южной Африке 263 %, в Западной и Центральной Африке 703 % (!).

Рассчитано по: Manufacturing, value added (annual % growth). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 19.05.2024).

Между тем данные *рис. 9.3* демонстрируют наличие значимой и существенной положительной связи⁴⁴¹ между динамикой подушевого производства в ОП и ростом ПВВП. Отставание АЮС по динамике роста ПВВП от РС АЗ и других регионов РС во многом определяется ее весьма скромными достижениями в развитии современной ОП и отрицательным значением параметра подушевого роста ее производства.

Сказанное подтверждается наличием значимой и существенной положительной корреляционной связи⁴⁴² между динамикой экспорта готовых изделий и динамикой ПВВП⁴⁴³.

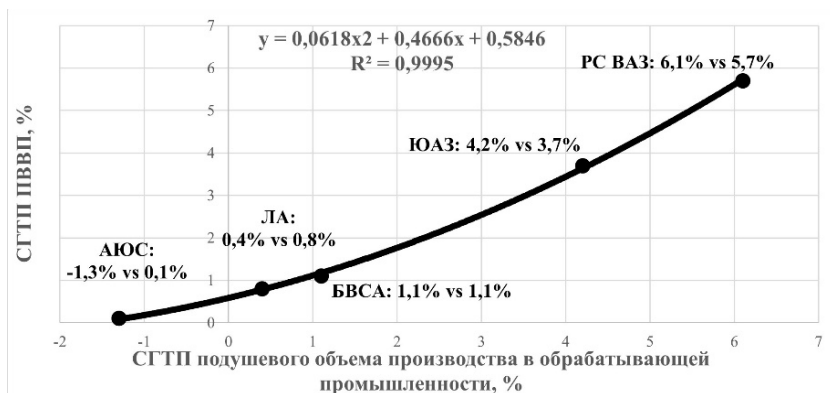


Рис. 9.3. Влияние среднегодовых темпов прироста (СГТП) подушевого производства в обрабатывающей промышленности (ОП) на СГТП подушевого ВВП (ПВВП) в основных регионах развивающихся стран (РС), 1980–2023 гг., %

Рассчитано по источнику к *рис. 9.2*, а также: Population, total; GDP per capita, PPP (constant 2021 international \$); GDP per capita (constant 2015 US\$). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 19.05.2024).

⁴⁴¹ $p < 0,01$; $R > 0,9$.

⁴⁴² $p < 0,01$; $R > 0,9$.

⁴⁴³ См. *рис. 9.3*, а также Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51.

Отставание АЮС от других крупных регионов РС по темпам прироста экспорта товаров и услуг и СГТП ПВДП (см. рис. 9.4) в немалой мере связано с тем, что для нее, в отличие от РС АЗ и других регионов РС, характерна весьма низкая и практически мало меняющаяся *доля готовых изделий в товарном экспорте* (см. рис. 9.5).

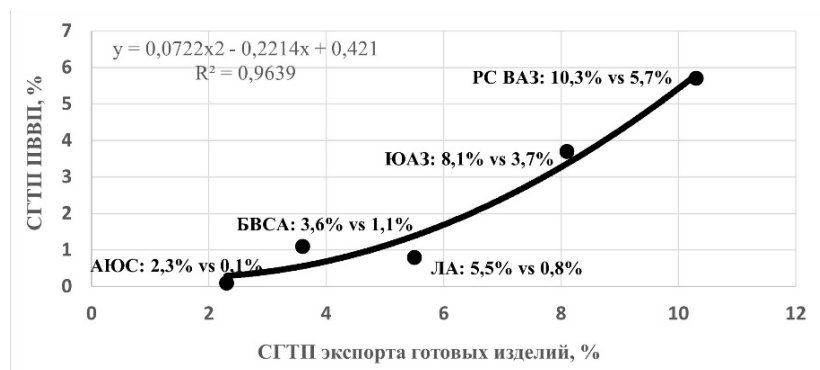


Рис. 9.4. Влияние среднегодовых темпов прироста (СГТП) экспорта готовых изделий на СГТП подушевого ВВП (ПВДП) в основных регионах развивающихся стран (РС), 1980–2023 гг., %

Рассчитано по источникам к рис. 9.3, а также Exports of goods and services (constant 2015 US\$); Manufactures exports (% of merchandise exports). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 19.05.2024).

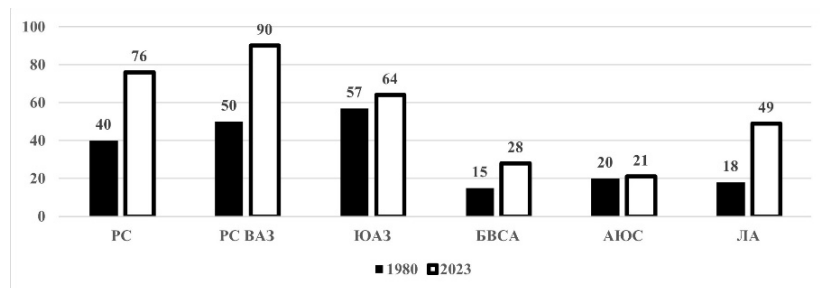


Рис. 9.5. РС, 1980–2023 гг.: динамика доли готовых изделий в товарном экспорте, %

Источник: Manufactures exports (% of merchandise exports). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 19.05.2024).

Значительная *волатильность годовых темпов прироста ПВВП* в странах АЮС (см. *рис. 9.6*), обусловленная сравнительно невысоким качеством их экономических и социально-политических институтов, быстрым демографическим ростом, низким уровнем их индустриализации, существенной зависимостью их экономик от нестабильности⁴⁴⁴ условий внешней торговли при доминировании в экспорте сырьевых отраслей, весьма значимо, весомо и негативно сказывается на долгосрочной динамике ПВВП в АЮС (см. *рис. 9.7*)⁴⁴⁵, среднегодовые темпы прироста которого, как отмечалось, существенно ниже, чем в других крупных регионах РС.

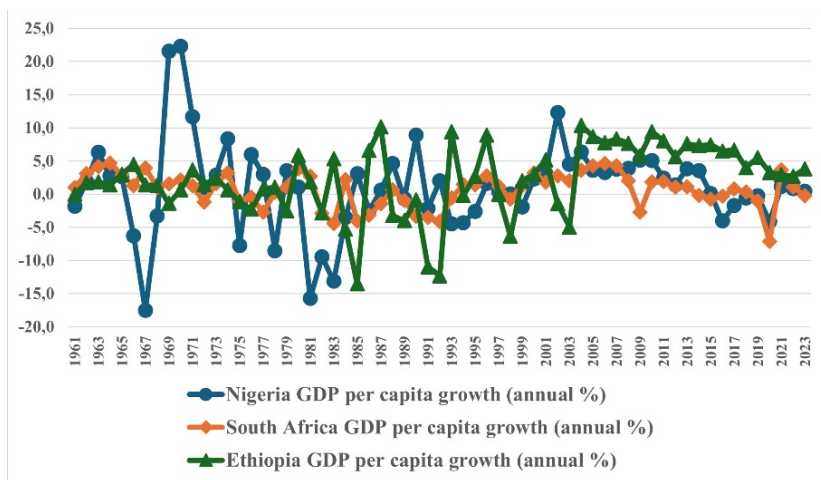


Рис. 9.6. Динамика темпов прироста подушевого ВВП (ПВВП) в трех крупнейших странах Африки южнее Сахары (АЮС), 1961–2023 гг., %

Рассчитано по источникам к *рис. 9.3*.

⁴⁴⁴ По данным Всемирного банка, в 2000–2024 гг. в АЮС удвоилось число вооруженных конфликтов, втрое увеличилась доля людей, пострадавших от неблагоприятных погодных явлений (засухи, наводнения, ураганы и т. п.). См.: The World Bank. Global Economic Prospects, 2025. Washington, D. C., 2025. P. 96; Leveling the Playing Field: Addressing Structural Inequalities to Accelerate Poverty Reduction in Africa. Sinha N., Inchauste G., Narayan A., eds. Washington, D. C. World Bank, 2024. P. 75–86.

⁴⁴⁵ $p = 0,03$; $R = -0,97$.



Рис. 9.7. Влияние волатильности темпов прироста подушевого ВВП (ПВВП) на среднегодовой темп его прироста в основных регионах развивающихся стран (РС), 1981–2023 гг., %

Примечание. Первый показатель — коэффициент вариации вокруг среднего, рассчитанный по темпам прироста ПВВП; второй — СГТП ПВВП, %.

Рассчитано по источникам к рис. 9.3.

Накопление физического и человеческого капитала и модели роста

В отличие от быстрорастущих РС Азии, в АЮС динамика доли внутренних сбережений в ВВП в 1980–2023 гг. была в 6–7 раз более волатильна⁴⁴⁶, а сама доля оказалась в среднем сравнительно невысока (см. рис. 9.8). Если в целом по РС Азии доля внешних источников финансирования капиталовложений в 1980–2023 гг. равнялась 5–7 %, в т. ч. в ЮАЗ — 12–14 %, то в АЮС она составляла примерно $\frac{1}{3}$. При этом в АЮС в 1990–2023 гг. доля притока ПИИ в валовых вложениях в основной капитал (ВВОК) в среднем не превышала 8–9 %. Примерно в такую же величину можно оценить существенно выросший валовой приток денежных переводов трудовых эмигрантов в регион (с 0,7 % ВВП в 1990 г. до 1,3 % в 2000 г. и 2,6 % в 2023 г.⁴⁴⁷), который расходовался не только на ВВОК, но и

⁴⁴⁶ В АЮС коэффициент вариации вокруг среднего рассматриваемого показателя составлял 79 %, а по РС ВАЗ и ЮАЗ соответственно 14 и 11 %.

⁴⁴⁷ В 2023 г. показатель по АЮС был выше, чем по РС ВАЗ, БВСА и ЛА (соотв. 0,6 %, 2 и 2,4 % ВВП), но значительно меньше, чем по ЮАЗ (4,3 % ВВП).

(в не меньшей мере) на потребление⁴⁴⁸. Однако, подчеркнем, немалую часть дефицита финансовых средств для осуществления капиталовложений субсахарским странам приходилось восполнять на долговой основе.

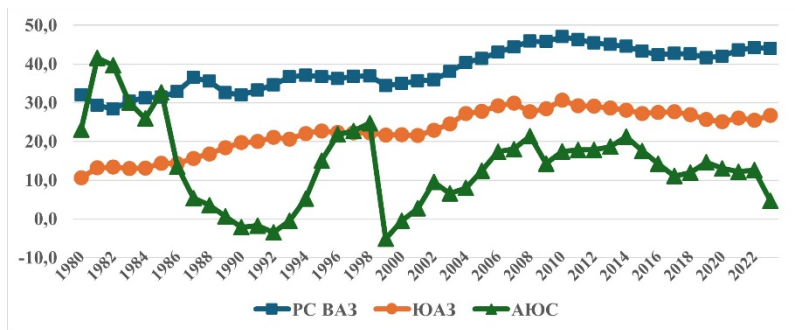


Рис. 9.8. Развивающиеся страны (РС) Восточной, Юго-Восточной (ВАЗ), Южной Азии (ЮАЗ) и Африки южнее Сахары (АЮС): динамика доли внутренних сбережений в ВВП, 1980–2023 гг., %
Составлено по Gross domestic savings (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 20.05.2024).

В результате, несмотря на то, что страны АЮС (многие из которых классифицируются как наименее развитые) после мирового финансового кризиса получали внешнюю помощь в 5–6 раз бóльшую (в 2018–2022 гг. 3,3 % ВВП), чем в среднем другие РС, в целом по АЮС *общий размер внешней задолженности, отнесенный к ВВП*, по имеющимся данным, вырос почти на $\frac{3}{4}$ (с 25–27 % в 2010–2012 гг. до 44–45 % в 2020–2022 гг.). По другим РС показатель в целом повысился, но незначительно — соответственно с 23 до 25 %.

В субсахарских странах почти втрое увеличилась *доля обслуживания внешнего долга в ВВП* — с 1,6 % в 2008–2012 гг. до 4,4 % в 2018–2022 гг. (в т. ч. до 6–9 % в Габоне, Гане, Лесото,

⁴⁴⁸ Рассчитано по: UNCTAD. World Investment Report, 2024. New York. 2024. P. 157; Foreign direct investment. Inward flows. Percentage of Gross Fixed Capital Formation. UNCTAD. Data Centre. <https://unctad-stat.unctad.org/datacentre>; Personal remittances, received (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 20.05.2024).

Сенегале, Южной Африке, Замбии; 17–19 % в Маврикии и Анголе и 23 % в Мозамбике) и оказалась вдвое больше, чем в РС Азии⁴⁴⁹.

Ограниченность внутренних источников финансирования, в т. ч. вследствие бедности, недостаточной эффективности сбора налогов и роста расходов на обслуживание долгов⁴⁵⁰, а также недооценка правительствами многих африканских стран важности мобилизации ресурсов для увеличения человеческого капитала предопределили то, что достижения стран АЮС в увеличении доли вложений в физический и человеческий капитал (ФК и ЧЛК) в ВВП были, хотя и не намного хуже, чем, например, в целом по БВСА и ЛА⁴⁵¹, но намного более скромными, чем в РС ВАЗ и ЮАЗ (см. рис. 9.9).

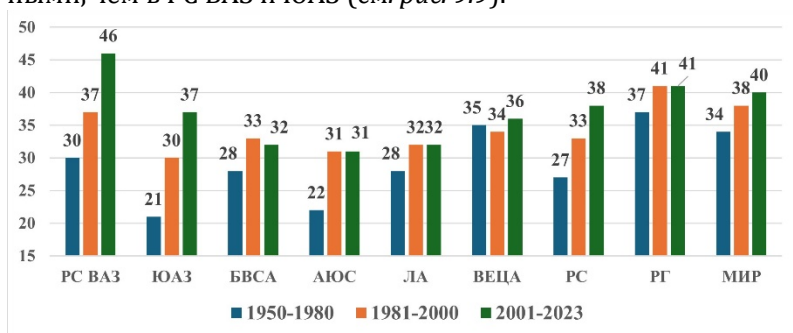


Рис. 9.9. Динамика доли совокупных вложений физического и человеческого капитала (СВ в ФК и ЧЛК) в ВВП в целом по миру, развитым государствам (РГ), основных регионах развивающихся стран (РС) в 1950–2023 гг., %

⁴⁴⁹ Составлено и рассчитано по: UNCTAD. World Investment Report, 2024. New York. 2024. P. 157; Foreign direct investment. Inward flows. Percentage of Gross Fixed Capital Formation. UNCTAD. Data Centre. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre>; The World Bank. International Debt Report, 2023. New York. 2023. P. 53; Total debt service (% of GNI). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 20.05.2024).

⁴⁵⁰ В Африке в 2000–2022 гг. государственные подушевые расходы на обслуживание долгов (70 долл. США в год) были выше, чем на здравоохранение и образование (соответственно 39 и 60 долл. США). См.: UNCTAD. A World of Debt. New York. 2024. P. 17.

⁴⁵¹ В расчете на душу населения показатель совокупных расходов на вложения в физический (основной) и человеческий капитал в АЮС в 4–5 раз меньше, чем в среднем по ЛА и БВСА.

Примечание: Доля вложений в физический и человеческий капитал — совокупные расходы на инвестиции в основной капитал, образование, здравоохранение и НИОКР в ВВП (%).

Расчеты и оценки автора по Gross fixed capital formation (% of GDP); Government expenditure on education, total (% of GDP); Current health expenditure (% of GDP); Research and development expenditure (% of GDP). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 20.05.2024).

Вместе с тем, расчеты, выполненные по параметрам ранее построенной нами малоразмерной модели⁴⁵² показывают, что отставание АЮС, а также БВСА и ЛА от РС ВАЗ и ЮАЗ по доле вложений в ФК и ЧЛК в ВВП могло, при прочих равных условиях, примерно на $\frac{3}{4}$ объяснять их отставание и по динамике ПВВП. Базируясь на расчетах, сделанных по данным и параметрам регрессионного уравнения на *рис. 9.10*, можно констатировать, что отмеченная закономерность характерна в целом и для АЮС: дифференциация субсахарских стран по темпам прироста ПВВП, при прочих равных условиях, примерно на $\frac{4}{5}$ могла быть вызвана их различием в показателях доли совокупных капиталовложений в ВВП.

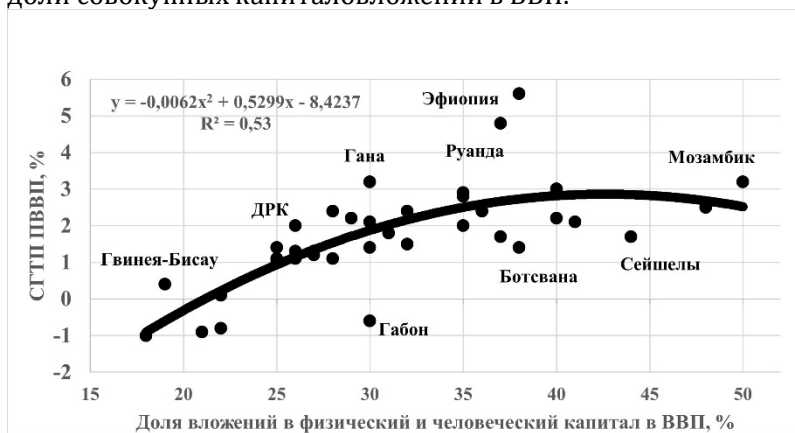


Рис. 9.10. Влияние доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал (СВ в ФК и ЧЛК) в ВВП на среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП (СГТП ПВВП) в странах Африки южнее Сахары (АЮС), 2000–2022 гг., %
 Рассчитано по источникам к *рис. 9.3* и *9.9*.

⁴⁵² Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. Рис. 3.

Основываясь на рассчитанной нами ранее трехфакторной модели, учитывающей внутренние и внешние макроэкономические, а также институциональные факторы⁴⁵³, было установлено, что в 2000-е — начале 2020-х гг. в АЮС существенное опережение быстрорастущими странами⁴⁵⁴ медленно растущих стран⁴⁵⁵ по среднегодовому темпу прироста ПВВП связано примерно на $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{10}$ с разницей в (а) *долях совокупных капиталовложений в ВВП* (соотв. 40 и 26 %), (б) *СГТП физического объема экспорта товаров и услуг* (6,4 и 0,3 %), (в) *изменении за период параметра эффективности госуправления* (в быстрорастущих странах показатель в среднем вырос на 10 п.п., в медленно растущих странах он снизился на 9 п.п.).

Оценивая в целом эффективность роста экономики, можно сказать, что, в отличие от РГ, в которых в *долгосрочном плане* обнаружилась тенденция к снижению динамики роста совокупной факторной производительности (*СФП*), а в РС Азии, наоборот, к ее повышению, в АЮС, как, впрочем, и по регионам БВСА и ЛА, динамика роста СФП, в немалой мере зависящая от конъюнктуры экспортных цен на сырьевые товары⁴⁵⁶, была в 1950–2023 гг. и сравнительно низкой и неустойчивой (см. главу 1, *рис. 1.12*)⁴⁵⁷. В АЮС среднегодовой

⁴⁵³ По имеющимся данным за 2000–2022 гг. построена следующая модель по 41 стране АЮС:

$$GR_Y/P_i = -1,485 + 0,084 \cdot mPKHK_i + 0,143 \cdot GR_X_i + 0,019 \cdot \Delta GE_i$$

(p<0,01) (p<0,01) (p=0,01) (p=0,02)

N = 41; F-StatProb = 5,41E-10; R² adj. = 0,684.

Примечание. **GR_Y/P_i** — СГТП ПВВП (%); **mPKHK_i** — доля в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал (образование, здравоохранение, НИОКР, %); **GR_X_i** — СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (%); **ΔGE_i** — прирост за период параметра эффективности госуправления, в п.п.; **i** — страна; **N** — число стран; **p** — коэффициент статистической значимости; **F-StatProb** — критерий, оценивающий качество всех коэффициентов уравнения. Его значение меньше 0,01 позволяет отвергнуть гипотезу о незначимости регрессии в целом. **R² adj.** — скорректированный коэффициент детерминации.

См. также Мельянцев В.А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 45.

⁴⁵⁴ Эфиопия, Руанда, Мозамбик, Гана, Танзания, Маврикий, Кабо-Верде.

⁴⁵⁵ Зимбабве, ЦАР, Бурунди, Габон, Гамбия, Гвинея-Бисау, Малави.

⁴⁵⁶ В 1980–2000 гг. она в целом была низкой.

⁴⁵⁷ СГТП СФП по РГ и РС отличаются от наших расчетов в статье Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы

темп прироста СФП оказался в 3,5 и 4,5 раза ниже, чем в РГ и в среднем по РС ВАЗ и ЮАЗ, а ее погодовая динамика, соответственно, вчетверо и в 8–9 раз менее стабильной.

Но есть явные, хотя и немонотонные изменения к лучшему. Негативная динамика изменения СФП в 1980–2000 гг. сменилась на позитивную в 2000–2023 гг. При этом, в отличие от других регионов РС, в АЮС изменение тренда СГТП СФП (если считать в п.п.) оказалось более значительным. В 2000–2023 гг. СГТП СФП в АЮС (1,0 %) был, хотя и в 2–3 раза меньше, чем по ЮАЗ и РС ВАЗ, но больше, чем по странам БВСА (0,9 %) и почти вдвое (!) больше, чем по РГ (0,3 %) ⁴⁵⁸.

Социальные факторы и проблемы развития

Значительный разрыв в уровне производительности в целом между РГ и РС в немалой мере определяется превалированием в последних, особенно в менее развитых странах, которых много в АЮС, *неформально занятого населения*. Отмеченная закономерность прослеживается по основным регионам РС (рис. 9.11) ⁴⁵⁹.

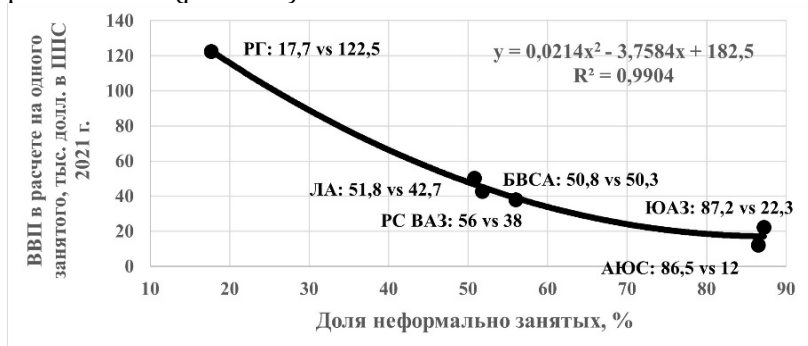


Рис. 9.11. Взаимосвязь доли неформально занятых (%) и уровня производительности труда (ПТ), 2023 г., тыс. долл., ППС 2021 г.

Примечание. На рисунке первый показатель — доля неформально занятого населения (%), второй — ВВП в расчете на одного занятого (тыс. долл. в ППС 2021 г.).

развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51, так как выполнены с учетом более полных данных по основным регионам РС, за почти вдвое более длительный период времени и на основе ППС 2021 г.

⁴⁵⁸ В целом по странам ЛА исследуемый показатель в тенденции, возможно, снижался в среднем ежегодно на 0,1 %.

⁴⁵⁹ $p = 0,007$; $R = 0,93$.

Составлено и рассчитано по источникам к *рис. 9.9*; The ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2024. Geneva. 2024. P. 88–109.

При всех немалых различиях в организации производства в РС ВАЗ, ЛА и БВСА, более высокая степень концентрации занятых в них на предприятиях с современной техникой и менеджментом обусловила то, что в среднем по этим регионам в 2023 г. (а) доля формально занятого населения оказалась, согласно данным МОТ, в 3,6 раза выше, чем в целом по ЮАЗ и АЮС (47 % vs 13 %), (б) средняя производительность труда (ПТ) в ППС 2021 г. была вдвое и более чем втрое выше, чем соответственно в ЮАЗ и АЮС.

Сравнительно низкий уровень и низкая динамика ПТ в странах АЮС связаны со сравнительно низкой интенсивностью труда⁴⁶⁰ и особенностями отраслевой динамики занятости.

Для АЮС, в отличие от ряда других крупных регионов РС, характерно не только более медленное изменение в отраслевой структуре занятости (см. главу 1, *рис. 1.11*)⁴⁶¹, но и более значительная, чем в ряде других регионов РС, хотя в тенденции и уменьшающаяся, *диспропорция в отраслевой структуре занятости и ВВП*.

Среднегодовой темп изменения суммы абсолютных величин различий в макроотраслевой структуре занятости и ВВП⁴⁶² в 1980–2023 гг. был в АЮС (–1,2 %) существенно ниже, чем по ЛА (–1,7 %), странам БВСА (–1,8 %) и РС ВАЗ (–2,1 %)⁴⁶³, а ее значение в 2023 г. по АЮС (68 п.п.) оказалось выше на $\frac{2}{5}$, чем в ЮАЗ (50), в 2–2,5 раза, чем в РС ВАЗ и странах БВСА (34 и 28) и более, чем втрое выше, чем в ЛА (20 п.п.). При этом коэффициент вариации вокруг среднего по показателям ПТ по

⁴⁶⁰ По расчетам МОТ, в 2023–2024 гг. среднее число отработанных часов на одного занятого в неделю в АЮС (37–38 часов) было примерно на $\frac{1}{5}$ меньше, чем по РС ВАЗ. См.: The ILO. World Employment and Social Outlook. Geneva. 2023. P. 152, 162; Geneva. 2025. P. 22.

⁴⁶¹ СГТП суммы абсолютных изменений в отраслевой структуре занятости в 1980–2023 гг. составил в РС ВАЗ 1,5 %, в ЮАЗ 1,1 %, по БВСА 0,9 %, АЮС 0,8 %, ЛА 0,7 %.

⁴⁶² Подсчет сделан на основе данных в ППС 2021 г. по источникам к *рис. 9.3*.

⁴⁶³ По ЮАЗ рассматриваемый весьма низкий показатель (–0,3 %) подтверждает не раз высказывавшуюся в исследовательской литературе мысль о медленно меняющемся разрыве в структурах производства и занятости этого региона.

трем важнейшим отраслям экономики по АЮС, сократившись в 1980–2023 гг. на четверть, все еще существенно выше (72 %), чем по ЛА (50 %), РС ВАЗ (58 %), БВСА (62 %) и ЮАЗ (66 %).

В АЮС, в которой в 1980–2023 гг. политика индустриализации осуществлялась не так активно, как в РС АЗ, *доля занятости в индустриальном секторе* выросла всего на 3 п.п., оказавшись в 2023 г. (12 %) более чем вдвое ниже, чем в среднем по другим регионам РС (27 %). При этом в целом по АЮС в рассматриваемый период ПТ в секторе сократилась более чем вдвое (!), в то время как в ЮАЗ она выросла ~ в 2,5 раза, а в РС ВАЗ — более чем в 6 раз.

Сказанное выше весьма важно, поскольку позволяет, в частности, определить ряд структурных источников отставания АЮС от такого динамичного региона, как РС ВАЗ, в 2023 г., используя следующую формулу:

$$A = B \cdot C \cdot D \cdot F,$$

где **A** — соотношение ПВВП АЮС и РС ВАЗ⁴⁶⁴;

B — соотношение двух регионов по доле занятых в общей численности населения⁴⁶⁵;

C — относительная мера интенсивности труда⁴⁶⁶;

D — соотношение уровней производительности труда двух регионов при условии, что макроотраслевые параметры производительности в РС ВАЗ взвешены по отраслевой структуре занятости АЮС;

F — эффект отставания АЮС от РС ВАЗ вследствие более отсталой макроотраслевой структуры занятости (с большей долей отраслей с низкой ПТ)⁴⁶⁷.

Подставляя в формулу приведенные значения, а затем осуществляя процедуру логарифмирования, получаем, что в

⁴⁶⁴ 4,4/19,2 ~ 0,23 (исходные данные в тыс. долл. в ППС 2021 г.).

⁴⁶⁵ 37/51 ~ 0,73 (исходные данные в %). Использована простейшая формула: $Y/P = (E/P) \cdot (Y/E)$, где Y/P , E/P и Y/E — соответственно ПВВП, доля занятого населения в общей его численности, производительность труда (в расчете на одного занятого) в целом по экономике.

⁴⁶⁶ Параметр примерно равен 0,83.

⁴⁶⁷ Числовые значения по D и F, рассчитанные с применением статической формулы декомпозиции ПТ лауреата Нобелевской премии по экономике С. Кузнецца (см. Мельянцев В.А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 47), составили соответственно 0,5 и 0,75.

2023 г. отставание АЮС от РС ВАЗ по уровню ПВВП (примерно в 4,4 раза) можно объяснить ее отставанием по (а) уровню ПТ в основных отраслях экономики менее чем наполовину ($\sim 47\%$), (б) уровню интенсификации труда на $1/10$, (в) общему уровню занятости всего населения немногим более чем на $1/5$, и (г) примерно на столько же ($1/5$) сохранением более отсталой, чем в РС ВАЗ, структуры занятости населения.

В свете изложенного представляется, что для обеспечения успеха в экономическом развитии страны АЮС, используя опыт более продвинутых РС, в т. ч. КНР и азиатских новоиндустриальных стран, могут применять более широкий арсенал средств и возможностей, связанных со структурной политикой.

Как показывают многие исследования по РГ и РС, рост и достижение высокого уровня человеческого капитала в немалой мере определяют не только экономический, но и социальный прогресс, а также — в тенденции — улучшение качества институтов.

Согласно расчетам (см. *рис. 9.12*), корреляционная связь среднего числа лет обучения их взрослого населения и ПТ оказалась значимой, весьма высокой и позитивной⁴⁶⁸. Используя параметры регрессионного уравнения⁴⁶⁹, удалось установить, что 9–10-кратное отставание по уровню ПТ АЮС от РГ и троекратное — в целом от других РС — можно объяснить, при прочих равных условиях, соответственно на $3/5$ и более чем на $4/5$ весьма существенным отставанием ее взрослого населения (и рабочей силы) по среднему числу лет обучения (соотв. ~ 6 vs 12,3 и 8 лет).

Хотя среднее число лет обучения взрослого населения в среднем по АЮС с низкого старта начала 1960-х гг. выросло более чем в 6 раз до 6,2 года в 2023 г., примерно $2/5$ стран региона имели показатель от 3 до 6 лет и $1/5$ стран — менее 3 лет, в т. ч. Нигер, Чад, Мали, Буркина-Фасо, Гвинея, Эфиопия, Сенегал⁴⁷⁰.

⁴⁶⁸ $p < 0,01$; $R = 0,84$.

⁴⁶⁹ $Y_{it} / E_{it} = -31,2 + 9,4 \cdot ED_{it}$, где Y_{it} / E_{it} и ED_{it} — соответственно ПТ (в тыс. долл. в ППС 2021 г.) и среднее число лет обучения взрослого населения по стране (i) в 2022 г. (t). Оценка значимости (p) величины константы и регрессора равны ($2,5E-05$) и ($8,9E-20$).

⁴⁷⁰ Составлено и рассчитано по: Mean Years of Schooling by Age. *Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer*. <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed 22.05.2024).

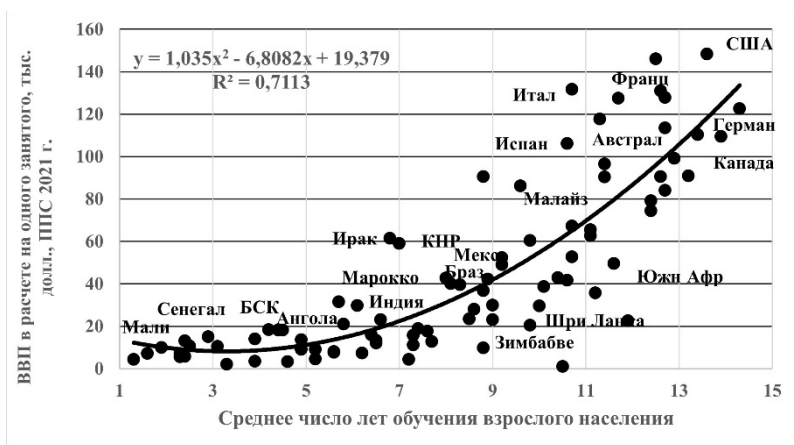


Рис. 9.12. Взаимосвязь среднего числа лет обучения взрослого населения и ВВП в расчете на одного занятого (тыс. долл. в ППС 2021 г.), 2022 г.

Составлено и рассчитано по 87 крупным развитым и развивающимся странам (с численностью населения свыше 10 млн человек), по которым была сопоставимая информация по источнику к рис. 9.11; UNDP. Human Development Report, 2023/2024. New York. 2024. Р. 274–278.

При этом, если в РС (без АЮС) доля грамотных среди взрослого населения уже достигла почти $\frac{9}{10}$, в т. ч. в ЮАЗ — $\frac{3}{4}$, в странах БВСА — $\frac{4}{5}$, в ЛА и РС ВАЗ почти 100 %, то в АЮС она все еще составляет $\frac{2}{3}$ ⁴⁷¹. В немалой мере сказанное определяется тем, что, если в целом по РС (без АЮС) доля дипломированных преподавателей в начальной и средней школе в начале 2020-х гг. достигала почти $\frac{9}{10}$, то в АЮС она составляла в среднем $\frac{2}{3}$ ⁴⁷². Ситуация усугубляется заметным гендерным разрывом: доля грамотных среди женщин на $\frac{1}{5}$ меньше, чем среди мужчин (в целом по другим РС — менее чем на $\frac{1}{10}$ меньше)⁴⁷³.

⁴⁷¹ Составлено и рассчитано по: Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 21.05.2024).

⁴⁷² Рассчитано по: Trained teachers in primary education (% of total teachers); Trained teachers in secondary education (% of total teachers). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 21.05.2024).

⁴⁷³ Ситуация, при которой общество недоинвестирует в человеческий капитал женщин, контрпродуктивна со всех точек зрения, в т. ч. с экономической. Дело в том, что, согласно одной из оценок, африканские

В начале 2020-х гг. в среднем по РС (без АЮС) охват населения (соответствующего возраста) обучением в высшей школе достигал 42–44 %, в целом по ЮАЗ 26–28 %, в странах БВСА 40–42 %, а в РС ВА3 и ЛА — 56–58 %, тогда как в среднем по АЮС он все еще не превышал 10 %⁴⁷⁴. При этом, основываясь на данных регрессии (см. рис. 9.13), нетрудно установить, что при том уровне ПВВП, который в 2022 г. был у АЮС, охват ее населения высшим образованием мог быть при проведении более правильной образовательной политики не 10 %, а 20–25 %.

В современном мире, в котором производительность работника сильно зависит от его владения информационными технологиями, АЮС выделяется на фоне других регионов РС существенным отставанием по показателю охвата населения интернетом: по состоянию на апрель 2024 г. 36 % vs 68 % в среднем по другим РС, в т. ч. 54 % в ЮАЗ и 73–78 % в странах БВСА, ЛА и РС ВА3⁴⁷⁵.

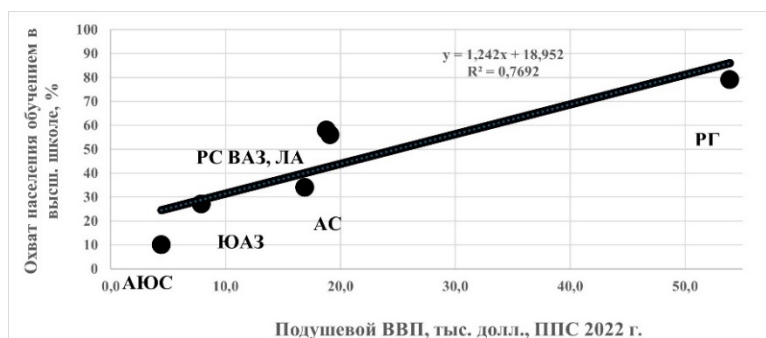


Рис. 9.13. Развитее (РГ) и развивающиеся страны (РС), 2022 г.: взаимосвязь подушевого ВВП (ПВВП, тыс. долл. ППС 2022 г.) и показателя охвата населения обучением в высшей школе, %

женщины весьма экономически активны, предприимчивы и инвестируют в семейное образование, здравоохранение и питание до 90 % своих доходов (а мужчины — только 40 %). См.: Banda D. Investing in African Women Will Yield Outsized Returns. *The Project-Syndicate*. 12.06.2024.

⁴⁷⁴ Если в Гане, Кении, Ботсване, Намибии, Южной Африке показатель достиг 20–25–30 %, а в маленьком Маврикии — почти 50 %, то, например, в Нигере, Мали, Гамбии, Малави, Танзании, Уганде, Чаде и ЦАР он не превышал 5 %. Составлено и рассчитано по: School enrollment, tertiary (% gross). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 24.05.2024).

⁴⁷⁵ Составлено по: Global internet penetration rate as of April 2024, by region. Statista. <https://www.statista.com> (accessed 29.04.2024).

Составлено и рассчитано по: School enrollment, tertiary (% gross). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 24.05.2024).

Сказанное, а также более чем шестикратное отставание АЮС в целом от других РС по *показателю расходов на НИОКР в ВВП* (в начале 2020-х гг. 0,3–0,4 % vs 2,2–2,4 %⁴⁷⁶) и примерно десятикратное отставание от последних по *числу научных исследователей на 1 млн жителей* (~100 vs 1000 человек⁴⁷⁷) во многом определило огромный разрыв между АЮС и другими РС по *числу заявок на патенты в расчете на 1 млн жителей* (10 vs 400 штук⁴⁷⁸). Тем не менее, как отмечает ряд исследователей⁴⁷⁹, страны АЮС, при всех колоссальных различиях между ними, в целом все же движутся, хотя, увы, не быстро, по пути инновационного развития.

Качество человеческого капитала и производительность работников в АЮС в немалой мере связаны со здоровьем населения. Весьма ориентировочно о динамике последнего можно судить по изменению показателя *средней продолжительности предстоящей жизни от рождения* (СППЖР). По

⁴⁷⁶ Показатель по АЮС был примерно вдвое меньше, чем по ЮАЗ и ЛА (0,6–0,7 %) и почти в семь раз меньше, чем в РС ВАЗ (2,4–2,5 % ВВП). Составлено и рассчитано по: Research and development expenditure (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 23.05.2024).

⁴⁷⁷ В ЮАЗ около 300 исследователей, в ЛА ~ 600, в РС ВАЗ 1600, а в РГ ~ 5000 исследователей на 1 млн человек. Researchers in R&D (per million people). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 23.05.2024).

⁴⁷⁸ В начале 2020-х гг. число заявок патенты на 1 млн жителей в РГ (~ 1160) было примерно в 3,5 раза больше, чем в среднем по РС (340). При этом внутри группы РС существовала колоссальная дифференциация: показатель по РС ВАЗ достигал ~ 1000, в странах БВСА и ЛА — 70–80, в ЮАЗ — 35. Рассчитано по: Patent applications, residents; Patent applications, nonresidents. The World Bank. Data Bank. World Development Indicators.

⁴⁷⁹ См., например, Поспелов В. К. Перспективы научно-технического прогресса в африканских странах. *Научно-технологический потенциал современной Африки*. Отв. ред. Е. В. Морозенская. Москва: Институт Африки РАН, 2022. С. 29–37; Морозенская Е. В. Особенности формирования нового этапа экономического развития стран Африки. *Африка — восходящий центр формирующегося многополярного мира*. Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч, О. В. Константинова. Москва: Институт Африки РАН, 2024. С. 103–116.

имеющимся данным, в 1960–2022 гг. она выросла почти в полтора раза — с 41 до 61 года, в среднем ежегодно увеличиваясь на 4 месяца, что, в конце концов, не так уж плохо⁴⁸⁰.

Правда, значение этого показателя меньше, чем в среднем по РГ примерно на 20 лет и на 12–13 лет — чем по другим РС, включая сравнительно бедную ЮАЗ (68 лет), не говоря уже о РС ВАЗ (76 лет). В ряде субсахарских стран (Нигерия, Чад, ЦАР, Лесото) этот важнейший социально-экономический параметр развития в 2022 г. составлял всего 53–54 года, что соответствовало среднему показателю по РС 50-летней давности.

АЮС отстает в среднем от РС Азии по среднему числу лет обучения взрослого населения примерно на 20 лет, а по СППЖР вдвое больше — на 40 лет⁴⁸¹. *Не исключено, хотя это требует дополнительных исследований, что более важным тормозом развития стран АЮС является их большее отставание от РГ и других регионов РС по уровню здоровья, чем по уровню образования.*

Низкий уровень СППЖР стран АЮС связан с рядом обстоятельств, в т. ч. со сравнительно высоким уровнем заболеваемости населения. Хотя, по имеющимся данным, число выявленных случаев заболевания *малярией* в расчете на 1000 человек сократилось в среднем по АЮС в 2000–2022 гг. примерно на $\frac{2}{5}$ до 210–220 случаев, этот показатель по ней в 60 раз больше, чем в целом по другим РС. Число выявленных заболеваний *туберкулезом* в субсахарской Африке в рассматриваемый период также сократилось на $\frac{2}{5}$ до 200–210 на 100 тыс. человек. Но этот показатель на $\frac{2}{5}$ выше, чем в среднем по другим РС, а в таких странах, как ЦАР, Габон, Лесото, Намибия и Южная Африка, он в два-три раза выше среднего по региону⁴⁸².

⁴⁸⁰ В немалой мере это связано с тем, что в АЮС в последние десятилетия в целом достаточно быстро (хотя далеко не одинаково по всем странам) начали действовать программы иммунизации и вакцинации населения.

⁴⁸¹ Имеется в виду, что значения исследуемых показателей в АЮС были достигнуты соответственно на 20 и 40 лет позже. Рассчитано по: Life Expectancy at birth. The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 24.05.2024); Mean Years of Schooling by Age. Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed 23.04.2024).

⁴⁸² Составлено и рассчитано по: Incidence of malaria (per 1,000 population at risk); Incidence of tuberculosis (per 100,000 people). The World

Доля населения, имеющего доступ к основным санитарным услугам, в 2000–2022 гг. по АЮС выросла на $\frac{3}{5}$ (с 22 до 35 %). Но все еще вдвое меньше, чем по ЮАЗ и в 2,5 раза меньше, чем по РС ВАЗ, БВСА и ЛА. В среднем по Чад, ЦАР, Эфиопии, Мадагаскару, Нигеру, Южному Судану, Того рассматриваемый параметр вдвое меньше, чем в целом по АЮС. Доля населения АЮС, имеющая возможность пить более или менее чистую воду, увеличилась за первые два с небольшим десятилетия XXI в. на $\frac{2}{5}$ до 65 %, но она почти на треть меньше, чем по ЮАЗ⁴⁸³.

Качество человеческого капитала в АЮС в немалой мере определяется тем, что доля недоедающего/голодающего населения, хотя и сократилась в 1990–2021/2022 гг. на $\frac{1}{3}$, все еще превышает $\frac{1}{5}$. Это вдвое больше, чем в среднем по другим РС (в ЮАЗ 16 %, в БВСА 9–10 %, в РС ВАЗ и ЛА 4–6 %). При этом доля голодающих в начале 2020-х гг. достигала в Замбии, Мозамбике, Руанде, Уганде и Чаде 30–32 %; в Гвинее-Бисау, ДРК, Зимбабве и Либерии 35–39 %; в ЦАР и Мадагаскаре 49–51 %⁴⁸⁴. А как показывают исследования, нехватка и некачественное питание, особенно в детстве, уменьшают IQ на 10–20 % и, как следствие, доходы — по меньшей мере на четверть⁴⁸⁵.

В отличие от других регионов РС, в АЮС среди занятых велика доля критически бедных: по данным МОТ, в 2023 г. 32,8 % против 4–5 % в целом по группе РС, в т. ч. 1–3 % в РС ВАЗ, ЛА, ВЕЦА, 7 % в странах БВСА, 8 % в ЮАЗ. От общего числа в мире критически бедного занятого населения на АЮС приходится $\frac{3}{5}$, что в 2,5 раза больше, чем в ЮАЗ ($\frac{1}{4}$)⁴⁸⁶.

Голод и бедность, конечно, в целом побуждают немалую часть людей к активным, чаще всего конструктивным дей-

Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 24.04.2024).

⁴⁸³ Составлено и рассчитано по People using at least basic sanitation services (% of population); People using at least basic drinking water services (% of population). The World Bank. DataBank. World Development Indicators.

⁴⁸⁴ Составлено и рассчитано по: Prevalence of undernourishment (% of population). The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 24.04.2024).

⁴⁸⁵ How to raise the world's IQ. *The Economist*. 11.07.2024. <https://www.economist.com/leaders/2024/07/11/how-to-raise-the-worlds-iq> (accessed 11.07.2024).

⁴⁸⁶ Составлено и рассчитано по: The ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2024. Geneva. 2024. P. 85–113.

ствиям, в т. ч. к поиску работы (нередко ее находят в неформальном секторе экономики). Но в целом, особенно в современных условиях, (полу)голодный человек — малопродуктивный работник⁴⁸⁷. По основным регионам РС между уровнем критической бедности среди занятого населения и уровнем ПТ можно выявить значимую, сильную⁴⁸⁸ отрицательную корреляционную связь ($p = 0,09$; $R = -0,76$).

По нашим расчетам, сделанным по материалам Всемирного банка (рис. 9.14), *доля населения, проживающего ниже порога критической бедности*⁴⁸⁹ (подушное ежедневное потребление 2,15 долл. США в ППС 2017 г.), в АЮС сократилась в 1990–2024 гг. на треть примерно до $2/5$. Но значение показателя по АЮС больше в 9–10 раз (!), чем в среднем по другим РС (4 %), в т. ч. больше в пять раз, чем по весьма бедной ЮАЗ (7–8 %). Намного хуже, чем в среднем по АЮС, ситуация в Нигере и Руанде (51–52 %), Бурунди, Замбии, ЦАР (62–66 %), Малави, Мозамбике, Мадагаскаре и ДРК (70–81 %). Если в целом по другим РС за последнюю треть века общее число критически бедных *сократилось* в 7,5 раза, в т. ч. в РС ВАЗ почти в 60 (!) раз, в ЮАЗ — вчетверо, то в АЮС оно *выросло* на $2/3$. В 1990 г. на АЮС приходилась $1/7$ всех критически бедных на планете, а в 2024 г. уже $2/3$.

Если в среднем по РС (без АЮС) *доля бедного населения* (подушное ежедневное потребление менее 6,85 долл. США в ППС 2017 г.) уменьшилась в 1990–2024 гг. почти вдвое до 43 %⁴⁹⁰, в т. ч. до 75–76 % в ЮАЗ, 44–45 % в среднем по странам БВСА, 24–25 % в ЛА и РС ВАЗ, то в АЮС показатель практически не изменился, оставаясь на уровне $9/10$ численности ее населения⁴⁹¹.

⁴⁸⁷ Хотя в целом эта связь двусторонняя.

⁴⁸⁸ По шкале Чеддока.

⁴⁸⁹ Новые материалы Всемирного банка позволили уточнить ранее сделанные расчеты в Мельянцева В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51. Составлено и рассчитано по источнику к рис. 9.14, а также: Poverty headcount ratio at \$2.15 a day (2017 PPP) (% of population). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 24.04.2024).

⁴⁹⁰ Т. е., при всей условности критерия, уже почти $3/5$ жителей РС (без АЮС) — небедные.

⁴⁹¹ Составлено и рассчитано по источнику к рис. 9.14.

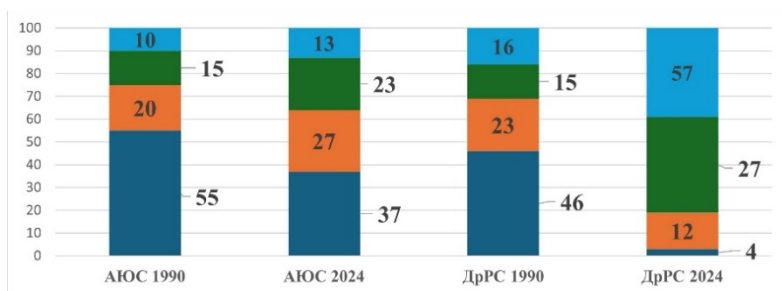


Рис. 9.14. Африка южнее Сахары (АЮС) и другие развивающиеся страны (ДрРС): динамика структуры населения по стратам потребления, %

Примечание. В каждом столбце (снизу вверх): доли населения с потреблением в день ниже 2,15 долл. США в ППС 2017 г.; от 2,15 до 3,65 долл. США; от 3,65 до 6,85 долл. США; выше 6,85 долл. США, в %.

Рассчитано по: The World Bank. *Poverty, Prosperity, and Planet Report*. Washington, D.C. 2024. P. 94–98.

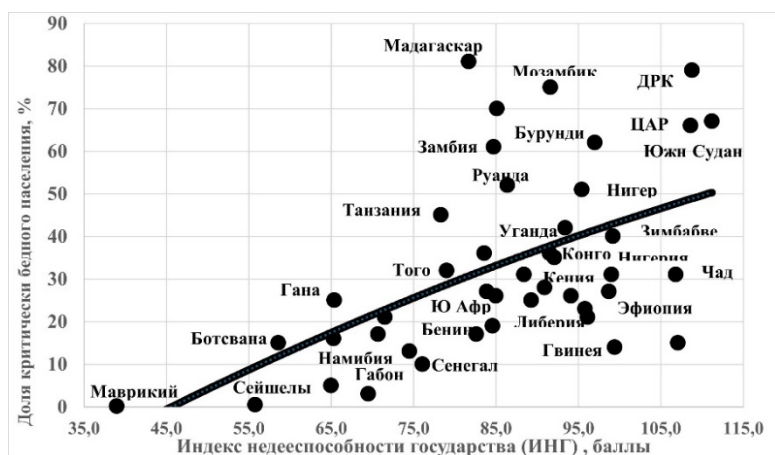


Рис. 9.15. Влияние уровня недееспособности государства (ИНГ) на долю критически бедного населения в странах Африки южнее Сахары (АЮС)

Примечания. 1. К критически бедным отнесено население с уровнем дневного потребления меньше 2,15 долл. США в ППС 2017 г. 2. Чем выше ИНГ, тем государство менее способно контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране.

Рассчитано по: Poverty headcount ratio at \$2.15 a day (2017 PPP) (% of population). The World Bank. Data Bank. *World Development Indicators*. <http://data.worldbank.org> (accessed 29.05.2024); The Fund for Peace. *Fragile State Index*. Global Data. <https://fragilestatesindex.org> (accessed 29.05.2024).

По данным ПРООН, в состоянии *многомерной бедности*⁴⁹² в начале 2020-х гг. в среднем по РС (без АЮС) проживала $1/10$ населения, в т. ч. в ЮАЗ 20–21 %, в странах БВСА 12 %, в ЛА и РС ВАЗ 5–6 %. В АЮС, в которой сконцентрирована половина всех многомерно бедных в РС, их доля от населения региона оказалась в пять раз больше (49–50 %), в т. ч. в Танзании, Уганде, Сьерра-Леоне, Мозамбике — 57–62 %; в ДРК, Бенине, Гвинее, Мали, Мадагаскаре и Эфиопии — 65–69 %; в Бурунди, ЦАР, Чаде, Нигере — 75–91 %⁴⁹³.

Трудности с сокращением доли бедных в АЮС связаны со многими факторами, в т. ч. — с общей низкой дееспособностью государства (*рис. 9.15*)⁴⁹⁴ и сохранением высокого уровня неравенства в распределении располагаемых доходов⁴⁹⁵ (см. подр. главу 1).

Заключение

Хотя странам АЮС после завоевания политической независимости пришлось, вследствие тяжелого колониального наследства, столкнуться, возможно, с более тяжелыми проблемами и трудностями, чем многим другим бывшим колониям и полуколониям, они в целом добились определенных успехов.

Несмотря на то, что финансирование капиталовложений в целом по АЮС в существенно большей мере, чем во многих других РС, зависит от внешних источников, странам

⁴⁹² Учитываются критерии по потреблению, здравоохранению и образованию.

⁴⁹³ Составлено по: UNDP. Human Development Data. Multidimensional Poverty Index: Developing Countries. <https://hdr.undp.org> (accessed 29.05.2024).

⁴⁹⁴ По нашим подсчетам, в странах АЮС в конце 2010-х — начале 2020-х гг. существовала статистически значимая и положительная корреляционная связь между индексом недееспособности государства (ИНГ) и долей критически бедного населения ($p < 0,01$; $R = 0,54$).

⁴⁹⁵ На долю АЮС в рассматриваемый период приходилось свыше $2/5$ всех стран мира с высоким уровнем неравенства в распределении располагаемых доходов (с коэффициентом Джини выше 0,4). При этом в АЮС расположено не менее 8 стран (или почти $3/4$ всех стран мира), в которых этот коэффициент превышал планку в 0,5 — Южная Африка, Намибия, Эсватини, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик. АЮС лидирует и по неравенству распределения богатства: *по доле чистого личного богатства, приходящегося на «топовый» 1 % взрослого населения*, АЮС (в 2022 г. 84–85 %) превосходила в среднем вдвое другие РС (41–43 %) и более чем в 2,5 раза — РГ (30–32 %). Составлено и рассчитано по: Net Personal Wealth. Top 1 % Share. World Inequality Database. Net Personal Wealth. Top 1 % Share. <https://wid.world/data/> (accessed 30.05.2024).

рассматриваемого региона в последние десятилетия по сравнению с началом 1960-х гг. удалось повысить *долю совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП* примерно в полтора раза почти до $\frac{1}{3}$.

Рассчитанный нами *модифицированный индекс Д. Морриса* (среднее геометрическое невзвешенное субиндексов средней продолжительности предстоящей жизни от рождения и среднего числа лет обучения взрослого населения) вырос, по нашим подсчетам, в 1960–2023 гг. (хотя и с низкого исходного уровня) более чем втрое, т.е. увеличивался в среднем ежегодно почти на 2 % в год. Что, можно согласиться, немало.

Спустя примерно 40 лет после завоевания независимости⁴⁹⁶ (что эквивалентно примерно двум поколениям людей) в целом по странам АЮС обнаружился *позитивный тренд в увеличении степени экономической свободы* (в 2000–2023 гг. показатель повысился с 50 до 52 баллов⁴⁹⁷), являющейся, с нашей точки зрения, при наличии достаточно сильных государственных институтов важнейшим драйвером экономического роста и увеличения производительности.

По нашим расчетам, один из важнейших показателей эффективности экономического роста — *СГТП СФП* — в АЮС в 2000–2023 гг., при всех флуктуациях, достиг 1 %. Это, хотя и ниже, чем в среднем по РС (1,7 %), в т. ч. по ЮАЗ (1,8 %) и по РС ВАЗ (2,9 %)⁴⁹⁸, но выше, чем по другим крупным регионам РС и, заметим, втрое (!) выше, чем в целом по РФ.

⁴⁹⁶ В качестве исходного пункта взят 1960 г.

⁴⁹⁷ Изменяется от 0 до 100 (наиболее экономически свободная страна). При этом показатель по АЮС в 2023 г. был ниже, чем по РС АЗ и ЛА (57–59 баллов). Он за рассматриваемый период существенно вырос в Анголе, ДРК, Республике Конго, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуаре, Гамбии, Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне, Того, Камеруне, Нигерии, Танзании, Руанде, Лесото, Мадагаскаре, Маврикии, но понизился в ЦАР, Мали, Малави, Гвинее, Замбии, Зимбабве, Гвинее, Кении, Уганде, Намибии, Южной Африке. *Index of Economic Freedom*. <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (accessed 30.05.2024).

⁴⁹⁸ Последние два числа могут быть несколько завышены, т.к. основаны на официальных данных об экономическом росте КНР и Индии, которые в последнее время уточняются. См.: China's Not Alone in Having Unreliable Growth Data. *The Financial Times*. 18.01.2024. <https://www.ft.com/content/187e4183-8e7c-44f3-88c0-444aa0594791> (accessed 18.01.2024); India Must Restore Faith in Its Economic Institutions. *The Financial Times*. 24.06.2019. <https://www.ft.com/content/fe52ca6c-91eb-11e9-aea1-2b1d33ac3271> (accessed 24.06.2019).

Вместе с тем за годы независимости в АЮС по ряду ключевых социально-экономических индикаторов произошло увеличение абсолютного и относительного отставания не только от РГ, но в целом и от других регионов РС.

Вследствие проведения странами Запада и их ТНК по отношению к странам Черного континента по сути *неоколониальной политики эксплуатации его природных ресурсов*, а также осуществления частью элит субсахарских стран, стремящихся к быстрому обогащению, в целом, мягко сказать, не очень эффективных стратегий развития, большинство стран АЮС спустя 5–6 десятилетий после получения независимости так и не встали, в отличие от многих РС Азии, на путь ускоренной экспортноориентированной индустриализации. В 1980–2023 гг. относительное отставание АЮС в среднем от других РС по *доле обрабатывающей промышленности в ВВП* выросло с $\frac{1}{3}$ до половины⁴⁹⁹, а по *доле готовых изделий в товарном экспорте* — с половины до $\frac{3}{4}$. Если в 1980 г. *величина добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения* в АЮС была меньше, чем в других РС, вдвое, то в 2023 г. — уже в 7,5 раза⁵⁰⁰.

При этом в АЮС *обеспечена электричеством*⁵⁰¹ только половина, *элементарными санитарными услугами* — немногим более трети, а *доступом к широкополосному интернету* только 1–2 % населения⁵⁰². По данным Всемирного банка,

⁴⁹⁹ То есть если в 1980 г. доля обрабатывающей промышленности в ВВП в среднем по странам АЮС составляла $\frac{2}{3}$ от соответствующего параметра по другим РС, то в 2023 г. — только $\frac{1}{2}$.

⁵⁰⁰ Рассчитано по: Manufacturing, value added (% of GDP); GDP, PPP (constant 2021 international \$); GDP (constant 2015 US\$); Population, total. The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 29.05.2024).

⁵⁰¹ Показатель по АЮС с начала 1990-х гг. по 2022 г. вырос не менее чем вдвое. Но он вдвое меньше, чем по другим крупным регионам РС, в которых достигнута стопроцентная обеспеченность населения. При этом показатель составил по Сьерра-Леоне, Мозамбику и Мадагаскару 29–36 %; Нигеру, ДРК и Буркина-Фасо 19–22 %; Южному Судану, Бурунди, Чаду, Малави и ЦАР 8–16 %. Даже по Южной Африке 87 %. Правда, по небольшому Маврикию этот параметр равен 100 %. См.: Access to electricity (% of population). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 30.05.2024).

⁵⁰² См. Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51.

если доля вложений в основной капитал в ВВП в 1980–2023 гг. в ЮАЗ выросла в полтора раза до 30 %, в РС ВАЗ — на $\frac{3}{5}$ до 40 %, то в АЮС — всего на $\frac{1}{7}$ до 24 %⁵⁰³. По данным ПРООН, во второй половине 2010-х гг. *доля квалифицированной рабочей силы*⁵⁰⁴ в АЮС составляла примерно $\frac{1}{4}$ ⁵⁰⁵, в среднем по другим РС — свыше $\frac{1}{3}$, а в РГ ~ 85 %⁵⁰⁶. По рассчитываемому Всемирным банком *индексу человеческого капитала* (композитный показатель, учитывающий уровень знаний, умений и здоровья населения; изменяется от 0 до 1), АЮС в начале 2020-х гг. (0,35) отставала примерно на $\frac{2}{5}$ в целом от других РС (0,57) и более чем вдвое от РГ (0,75)⁵⁰⁷.

По нашим расчетам и оценкам, если в РГ в 2022–2023 гг. *доля взрослого населения, имеющего оконченное и неоконченное высшее образование*, достигала 46–48 %, в РС ВАЗ, ЛА и БВСА — 13–16 %, в ЮАЗ 8–9 %, то в АЮС в среднем всего 4–5 %⁵⁰⁸. При этом, как отмечалось выше, по данным МОТ,

⁵⁰³ Показатель по Кении и Буркина-Фасо 17–18 %, по Южной Африке (!) и ЦАР 15 %; по Гане, Экваториальной Гвинее, Сьерра-Леоне и Бурунди 11–13 %. См.: Gross fixed capital formation (% of GDP). The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 29.04.2024).

⁵⁰⁴ Доля в численности рабочей силы в возрасте 15 лет и выше с уровнем образования не ниже среднего.

⁵⁰⁵ Если в Зимбабве, Маврикии и Южной Африке показатель достигал соответственно 64, 62 и 52 %, в Кении, Нигерии и Замбии 39–41 %, в Габоне и Ботсване 34–36 %, в Кот-д’Ивуаре и Гане 26–29 %, то в Сьерра-Леоне, Бенине, Камеруне, Либерии, Малави и Руанде, Мадагаскаре — 15–21 %; в Сенегале, Того, Чаде и Анголе — 8–11 %; в Буркина-Фасо, Мали, Нигере, Бурунди, Танзании, Уганде, Эфиопии, Мозамбике — 3–7 %. См.: UNDP. Human Development Report, 2020. New York. 2020. P. 389–392.

⁵⁰⁶ Необходимо еще делать поправку на качество полученного образования/профподготовки. В 2020 г. т. н. *гармонизированный показатель тестовых баллов в средней школе* в АЮС (в среднем ~ 340 баллов) составлял примерно $\frac{4}{5}$ от среднего уровня других РС и $\frac{2}{3}$ от показателя по РГ. См. Average learning outcomes, 2020. *Our World in Data*. <https://our-worldindata.org> (accessed 29.05.2024); Harmonized Test Scores. The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 29.05.2024).

⁵⁰⁷ Рассчитано по: Human Capital Index. The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org> (accessed 29.05.2024).

⁵⁰⁸ В Республике Конго, ДРК, ЦАР, Мали, Нигере, Танзании, Лесото, Мозамбике, Замбии, Зимбабве этот показатель не превышал 1–2 %;

в 2023 г. *доля критически бедных среди работающих* в АЮС (1/3) была в семь раз больше, чем в среднем по другим РС. С такими параметрами физического и человеческого капитала трудно обеспечить устойчивый успех в преодолении отставания и достижении ускоренного роста экономики.

Продолжая активно бороться за более справедливый многополярный мир, в котором должны значимо учитываться экономические и политические интересы Глобального Юга, странам Африки южнее Сахары, опираясь на помощь дружественных стран (КНР, РФ, Индии, Бразилии и др.)⁵⁰⁹, необходимо умножить усилия, направленные на *последовательную реализацию комплекса прагматичных социально-экономических реформ* (как это делали успешные страны Азии), включая осуществление индустриализации по типу экспортоориентированного импортозамещения на базе богатейших собственных природных и людских ресурсов⁵¹⁰, увеличение человеческого капитала, уменьшение социального неравенства, в т. ч. путем усиления контроля за распространением коррупции и улучшения качества экономической и социальной инфраструктуры.

Использованная литература и источники

1. Абрамова И. О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 5–15. DOI: 10.31857/S032150750023555-2.

2. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Второй саммит Россия — Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения*.

в Уганде, Того, Кот-д'Ивуаре, Сьерра-Леоне, Сенегале, Гане составлял 2–5 %; в Южной Африке, Ботсване, Камеруне, Кении, Бенине 5–9 %. Рассчитано по: Share of the population with tertiary education, 2025. Our World in Data. <https://ourworldindata.org> (accessed 29.05.2024).

⁵⁰⁹ См. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Второй саммит Россия — Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Том 67. № 12. С. 35–48.

⁵¹⁰ Это тем более императивно важно, что, судя по нашим расчетам по имеющимся данным, в 2005–2022 гг. в АЮС, специализирующейся преимущественно на экспорте сырьевых ресурсов, *коэффициент вариации (нестабильности) показателя чистых бартерных условий внешней торговли* составил 564 %, а величина стандартного отклонения показателя оказалась в 14 (!) раз больше, чем в РС Азии. См. Merchandise: Trade value, volume, unit value, terms of trade indices and purchasing power index of exports, annual. UNCTAD. Data Centre.

2023. Том 67. № 12. С. 35–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48.

3. Африка: неоплаченный долг колонизаторов. Отв. ред. И. О. Абрамова. Москва: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.

4. Дерюгина И. В. Неравномерность экономического роста в современных концепциях. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 17–32.

5. Леденёва М. В., Плаксунова Т. А. Экономический рост и перспективы экономического развития стран Африки южнее Сахары. *Теоретическая и прикладная экономика*, 2020. № 2. С. 129–139. DOI: 10.25136/2409-8647.2020.2.32732.

6. Мельянцев В. А. Глобализация, ее плоды и тени. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И. В. Дерюгина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 53–67.

7. Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: тренды, пропорции и факторы развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 6. С. 40–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-40-51.

8. Мельянцев В. А. Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности? *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 5–16. DOI: 10.31857/S032150750031387-7.

9. Мельянцев В. А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2021. № 5. С. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3.

10. Морозенская Е. В. Особенности формирования нового этапа экономического развития стран Африки. *Африка — восходящий центр формирующегося многополярного мира*. Отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч, О. В. Константинова. Москва: Институт Африки РАН, 2024. С. 103–116.

11. Поспелов В. К. Перспективы научно-технического прогресса в африканских странах. *Научно-технологический потенциал современной Африки*. Отв. ред. Е. В. Морозенская. Москва: Институт Африки РАН, 2022. С. 29–37.

12. Спартак А. Н. Контуры развития кризиса неолиберального экономического порядка, сценарии будущего мироустройства. *Новые тренды в экономической глобализации*. Отв. ред. А. С. Булатов, Н. В. Галищева, М. А. Максакова. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2023. С. 15–34.
13. Average learning outcomes, 2020. *Our World in Data*. <https://ourworldindata.org/grapher/average-harmonized-learning-outcome-scores> (accessed 25.05.2024).
14. Banda D. Investing in African Women Will Yield Outsize Returns. *The Project-Syndicate*. 12.06.2024. <https://www.project-syndicate.org/commentary/investment-in-women-entrepreneurs-in-africa-would-advance-sdgs-and-boost-growth-by-dolika-banda-2024-06> (accessed 12.06.2024).
15. China's Not Alone in Having Unreliable Growth Data. *The Financial Times*. 18.01.2024. <https://www.ft.com/content/187e4183-8e7c-44f3-88c0-444aa0594791> (accessed 18.01.2024).
16. Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. New York: Allen Lane. 2011. 402 p.
17. Global internet penetration rate as of April 2024, by region. *Statista*. <https://www.statista.com> (accessed 29.04.2024).
18. Harmonized Test Scores. *The World Bank. DataBank. World Development Indicators*. chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfmadadm/https://data360files.worldbank.org/data360-data/metadata/WB_HCI/WB_HCI_TEST.pdf (accessed 25.05.2024).
19. Hern E. Explaining Successes in Africa. New York: Lynne Reiner Publishers. 2023. 189 p.
20. How to raise the world's IQ. *The Economist*. 11.07.2024. <https://www.economist.com/leaders/2024/07/11/how-to-raise-the-worlds-iq> (accessed 11.07.2024).
21. Human Capital Index. *The World Bank. DataBank. World Development Indicators*. <https://databank.worldbank.org/source/human-capital-index> (accessed 25.05.2024).
22. India Must Restore Faith in Its Economic Institutions. *The Financial Times*. 24.06.2019. <https://www.ft.com/content/fe52ca6c-91eb-11e9-aea1-2b1d33ac3271> (accessed 24.06.2019).
23. Leveling the Playing Field: Addressing Structural Inequalities to Accelerate Poverty Reduction in Africa. Sinha N., Inchauste G., Narayan A., eds. Washington, DC. World Bank, 2024. <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/leveling-the-playing-field>.

24. Maddison A. *Contours of the World Economy, 1–2030 AD*. New York: Oxford University Press. 2007. 418 p.
25. Merchandise: Trade value, volume, unit value, terms of trade indices and purchasing power index of exports, annual. *UNCTAD. Data Centre*. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TermsOfTrade> (accessed 26.05.2024).
26. Okumu I. and Mawejje J. Labour Productivity in African Manufacturing: Does the Level of Skills Development Matter? *Development Policy Review*. 2020. Vol. 38. No. 4. P. 441–464. DOI: 10.1111/dpr.12431.
27. Rodrik D., Walt S. How to Construct a New Global Order. *Oxford Review of Economic Policy*. 2024. Vol. 40. No. 2. P. 256–268. DOI: 10.1093/oxrep/grae011.
28. Share of the population with tertiary education, 2025. *Our World in Data*. https://www.google.com/search?q=Share+of+the+population+with+tertiary+education%2C+2025.+Our+World+in+Data.&oq=Share+of+the+population+with+tertiary+education%2C+2025.+Our+World+in+Data.&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUYOdIBCTE4MDFqMGoxNagCCLACAFEFHMI547gpEd0&sourceid=chrome&ie=UTF-8(accessed 25.05.2024).
29. Stiglitz J. The World Economy: Where to after the Pandemic? Rethinking Global Cooperation. *Journal of Policy Modeling*. 2022. Vol. 44. No. 4. P. 812–819. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2022.09.011.
30. The Fund for Peace. Fragile State Index. Global Data. <https://fragilestatesindex.org>.
31. The Heritage Foundation. Index of Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores>.
32. The ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2023. Geneva. 2023.
33. The ILO. World Employment and Social Outlook. Trends 2024. Geneva. 2024.
34. The World Bank. Business Ready, 2024. Washington, D. C. 2024.
35. The World Bank. DataBank. World Development Indicators. <http://data.worldbank.org>.
36. The World Bank. Global Economic Prospects, 2025. Washington, D. C. 2025.
37. The World Bank. International Debt Report, 2023. New York. 2023.

38. The World Bank. Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024. Washington, D.C., 2024.
39. The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports>
40. UNCTAD. A World of Debt. New York. 2024.
41. UNCTAD. Data Centre. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre>.
42. UNCTAD. World Investment Report, 2024. New York. 2024.
43. UNDP. Human Development Data. Multidimensional Poverty Index: Developing Countries. <https://hdr.undp.org>.
44. UNDP. Human Development Report, 2020. New York. 2020.
45. Wittgenstein Centre. Human Capital Data Explorer. <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/>
46. World Inequality Database. Net Personal Wealth. Top 1% Share. <https://wid.world/data/>
47. Yeboua K. Foreign Direct Investment and Economic Growth in Africa: New Empirical Approach on the Role of Institutional Development. *Journal of African Business*. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 361–378. DOI: 10.1080/15228916.2020.1770040.

Заключение

(современные тренды и факторы развития, вызовы и перспективы)

No challenge — no change.
Ceux qui ne se réforment pas meurent.
Fortune favors the brave.

1. Резюмируя сказанное, подчеркнем, что, вопреки пессимистическим прогнозам, сделанным в 1950–1970-е годы рядом экспертов из развитых государств (РГ), за последние десятилетия развивающиеся страны (РС) в целом — при всей немалой гетерогенности их группы (из не менее 150 стран) — добились значительных успехов. Несколько десятков из них, в т. ч. крупные и средние страны Востока и Юга, входящие в БРИКС+, вступили на путь современного (интенсивного) экономического роста.

2. Вследствие многих причин, в т. ч. проведения активной государственной политики, направленной на улучшение качества институтов, инвестиционного климата, увеличения вложений в физический и человеческий капитал, внедрения/стимулирования инноваций, осуществления последовательной стратегии экспортоориентированной индустриализации в достаточно многочисленной группе РС Азии — РС Восточной и Юго-Восточной Азии (РС ВА3) и Южной Азии (ЮАЗ), — вся группа РС в последние два-три десятилетия существенно (в 3–4 раза) перегнала РГ по среднегодовым темпам прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) и в пять раз — по СГТП совокупной факторной производительности (СФП). По уровню инновационного развития Китай в 2025 г.⁵¹¹ вошел в первую десятку стран мира, вытеснив оттуда Германию. От-

⁵¹¹ См.: Roach St. Who's Winning the US-China AI Race? *The Project-Syndicate*. 24.07.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-cuts-to-basic-research-in-us-could-enable-china-to-win-ai-race-by-stephen-s-roach-2025-07>; China's chip industry will surprise the world. *The World Ahead. Business in 2026. The Economist*. 14.11.2025. <https://www.economist.com/the-world-ahead/2025/11/12/chinas-chip-industry-will-surprise-the-world>; What China will dominate next. The country's high-speed innovation holds lessons for the world. *The Economist*. 27.11.2025. <https://www.economist.com/leaders/2025/11/27/what-china-will-dominate-next>

носительный разрыв между РГ и РС по уровню ПВВП сократился почти вдвое до четырехкратной величины⁵¹², а доля РС в мировом ВВП выросла в полтора раза, во столько же раз преувеличив долю РГ (60 % vs 40 %).

3. Согласно рассчитанной нами модели, более чем четырехкратное опережение пятеркой крупных РС (КРС) пятерки крупных РГ (КРГ; все входят в первую десятку стран мира по ВВП в ППС) по темпам прироста ПВВП в 2000 — начале 2020-х гг. объясняется только на треть более низким у КРС исходным уровнем ПВВП, но более чем наполовину — более высокими (по сравнению с КРГ) значениями показателей доли вложений в физический и человеческий капитал в ВВП, средних темпов прироста физического объема экспорта товаров и услуг и опережением в приросте (в среднем за период) качества институтов.

4. Однако тот факт, что такие регионы РС, как Латинская Америка (ЛА), Ближний Восток и Северная Африка (БВСА) и Африка южнее Сахары (АЮС), располагающие солидными природными ресурсами, вписались не без участия ТНК из РГ в МРТ как экспортеры слабо обработанного сырья, во многом предопределил то, что их среднегодовой темп прироста ПВВП был в последние четыре-пять десятилетий в среднем в 5–10 раз более медленным и менее устойчивым, чем в среднем по РС Азии.

5. Сохранение в большинстве РС обширного сегмента полутрадиционных хозяйств и значительной доли неформальной занятости (в 2022 г. 68 % в РС vs 16 % в РГ) в немалой мере определило в среднем трех-четыrehкратный разрыв в уровнях производительности труда (ПТ) между РГ и РС (между РГ и ЮАЗ — пятикратный, между РГ и АЮС — десятикратный разрыв).

⁵¹² Отчасти разрыв сокращается вследствие торможения процесса инноваций в большинстве РГ, уменьшения доли капиталовложений при увеличении социальных расходов в стареющих обществах, усилении в них бюрократизации и опасной тенденции культивирования т. н. зомби-компаний (в ряде стран Западной Европы и Японии). См.: Kammer A. Europe's Integration Imperative. *Finance and Development*. 2025. Vol. 62. No. 2. P. 19–21; Merritt G. Europe Must Address Its Disastrous Demographics. *The Project-Syndicate*. 20.10.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/europe-must-address-population-aging-demographic-crisis-by-giles-merritt-2025-10>

6. По рассчитанной нами модели, трехкратный разрыв в уровнях ПТ между пятеркой КРГ и пятеркой КРС в начале 2020-х годов⁵¹³ был вызван примерно на $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ отставанием последних соответственно по уровню развития технологий, образования и качеству институтов.

7. Фрагментация мирового хозяйства, введение развитыми государствами экспортных и иных ограничений и санкций в отношении многих РС, сократив приток прямых иностранных инвестиций в экономику РС (с 3,4 % их ВВП в 2007 г. до 2 % ВВП в 2024 г.⁵¹⁴) и внешний спрос на их продукцию, на $\frac{2}{3}$ обусловили в последние полтора десятилетия (по сравнению с 2000–2010 гг.) сокращение СГТП ВВП по группе РС и почти на $\frac{4}{5}$ — в целом по группе стран БРИКС+⁵¹⁵.

8. Для многих, как успешных, так и менее успешных РС характерно нарастание ряда финансово-экономических и экологических проблем. Если в США объем учтенного непогашенного совокупного долга к ВВП в 2000–2024 гг. вырос на $\frac{2}{5}$, то в КНР, намного более динамично растущей стране, он увеличился более чем вдвое (правда, этот параметр по КНР почти на $\frac{1}{5}$ меньше, чем в США: 310 % vs 370 %).

9. Хотя в немалом числе РС принимаются меры, направленные на противодействие ухудшению состояния окружающей среды, они в целом пока еще недостаточно эффективны.

⁵¹³ Разумеется, эти расчеты ориентировочные, так как и в РС, а тем более в РГ недоучитывается возросшее разнообразие и качество товаров и услуг. К сожалению, уже во многом постиндустриальная экономика измеряется инструментарием индустриальной экономики. По расчетам и оценкам Дианы Койль, если в 1950 г. доля экономики, которая плохо измерялась, составляла в США половину ВВП, то в середине 2020-х гг. уже $\frac{3}{4}$ – $\frac{4}{5}$. См.: Coyle D. *The Measure of Progress. Counting What Really Matters*. Princeton: Princeton University Press. 2025. P. 14.

⁵¹⁴ Рассчитано по: Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. *UNCTADstat Data centre*. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (accessed 02.12.2025).

⁵¹⁵ Отмеченные факторы заставили правительства ряда РС активнее принимать меры по регулированию экономики. Некоторые из них возымели действие, другие оказались менее эффективными. По оценке исследователей, в КНР государственное субсидирование нерентабельных, прежде всего государственных предприятий вызвало в последние 5–10 лет сокращение темпов прироста ВВП и СФП на 1–2 п.п. См.: Parikh T. China's Innovation Paradox. *The Financial Times*. 19.10.2025. <https://www.ft.com/content/b44458cc-03fd-46a1-b003-b7a097419e66>.

За последние сорок с лишним лет почти весь общемировой прирост выбросов двуокиси углерода приходился на РС. А многие из наиболее быстро растущих РС оказались в числе антилидеров по индексу экологической эффективности.

10. Несмотря на то, что вследствие неодинаковой глубины, масштабов и эффективности осуществлявшихся в разных группах и регионах РС реформ и преобразований, показатели, характеризующие улучшение в них социальных параметров, сильно различались, в целом группа РС заметно подтянулась к уровню РГ по индикатору социального прогресса, показатель средней продолжительности жизни от рождения достиг $9/10$ от уровня РГ, а реальный разрыв по индексу человеческого развития⁵¹⁶ между РГ и РС в 1950–2023 гг. сократился более чем в полтора раза (почти до двукратной величины).

11. Вместе с тем, хотя за последние сорок с лишним лет в целом по РС значительно снизились абсолютные и относительные масштабы бедности, доля населения в АЮС, проживающая ниже порога критической бедности, составляет около $2/5$, а общая доля бедного населения превышает четверть в РС ВАЗ и ЛА, $2/5$ — в среднем по странам БВСА, достигает $4/5$ в ЮАЗ и $9/10$ в АЮС⁵¹⁷. При этом, по данным и расчетам лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, в более чем $4/5$ всех стран мира, в которых проживает $9/10$ мирового населения, уровень неравенства распределения доходов и богатства весьма высокий и растет⁵¹⁸, что в существенной мере

⁵¹⁶ Индекс рассчитан с использованием в качестве одного из его компонентов показателя реального подушевого ВВП в ППС, а не логарифма этого показателя, как это практикуется ПРООН (в результате чего разрыв между РГ и РС искусственно занижается).

⁵¹⁷ Сокращающиеся — в тенденции — размеры помощи РС со стороны РГ, в т. ч. США при президенте Д. Трампе, вызывают особую обеспокоенность. В АЮС растет политическая нестабильность, и поток бедного африканского населения, движущегося в Европу, не ослабевает. См.: Miliband D. The Future of International Aid. *The Project-Syndicate*. 10.11.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/international-aid-needed-rethink-even-before-us-cuts-by-david-miliband-2025-11>; Aid cuts mean a new era in international development. *The World Ahead. Africa in 2026. The Economist*. 14.11.2025. <https://www.economist.com/the-world-ahead/2025/11/12/aid-cuts-mean-a-new-era-in-international-development>

⁵¹⁸ Landmark G20 report led by Nobel Laureate Joseph Stiglitz sounds alarm on 'inequality emergency' and calls for International Panel on Inequality

связано с ухудшением внешних условий воспроизводства в их экономиках, незаконным обогащением верхушечных слоев населения, усилением роли и значения трудосберегающих технологий (робототехника, ИТ, ИИ).

12. Несмотря на заметный экономический и социальный прогресс, достигнутый в немалом числе РС, серьезную озабоченность вызывают отмеченные выше «долгоиграющие» по своему характеру проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются и, к сожалению, будут в перспективе сталкиваться миллиардные массы населения РС. Речь идет также о демографических проблемах (сохранение сравнительно быстрого роста населения в АЮС и ряде стран БВСА и сокращение демографического дивиденда, быстрое старение населения и депопуляция, например, в КНР⁵¹⁹), существенной дифференциации РС по уровню технологического развития, нарастающей торгово-экономической фрагментации мира, увеличивающейся в нем геополитической напряженности, усиливающимся расколе мира на the West and the Rest.

<https://g20.org/g20-media/landmark-g20-report-led-by-nobel-laureate-joseph-stiglitz-sounds-alarm-on-inequality-emergency-and-calls-for-international-panel-on-inequality/> (accessed 27.11.2025).

⁵¹⁹ См.: O'Connor S. A Shrinking World Will Turn Our Problems Upside Down. *The Financial Times*. 25.11.2025. <https://www.ft.com/content/c2f7c366-ab76-47fd-bd23-6424b29067ca>. Согласно прогнозам ЮНКТАД, в предстоящую четверть столетия численность населения КНР сократится примерно на 160 млн человек. При этом численность тех, кто старше 64 лет почти удвоится до 390 млн, а тех, кто моложе 65 лет — сократится более чем на четверть до 870 млн человек. В КНР доля пожилых (старше 64 лет) удвоится с 14–15 до 30–31 %. В то же время в США население вырастет, но не более чем на 3–4 %. Доля пожилых, хотя и увеличится, но намного меньше, чем в КНР — с 18 до 23 %. См.: UNCTAD. Data Hub. Population structure by gender and age-group, annual, 1950–2050. New York, 2025. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PopAgeStruct> (accessed 02.12.2025). Эти демографические факторы, как признает все большее число экономистов, не могут не сказаться на результатах экономической конкуренции КНР и США.

Научное издание

Мельянцев Виталий Альбертович

**Развивающиеся страны:
рост, эффективность, проблемы,
перспективы**

Монография

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный редактор *Ю. Подрезова*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел. +7 (495) 258-90-28, 8-800-333-68-45
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения



Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru